

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А. Лазарева

Теория судебной речи

Учебное пособие

Издательство "Самарский университет"
2001

ББК 67.99(2)95

Л 171

УДК 8-51

Лазарева В.А. Теория судебной речи: Учебное пособие. Самара: Изд-во "Самарский университет", 2001. 123 с.

В предлагаемом учебном пособии рассматриваются вопросы, связанные с важнейшей частью уголовного судопроизводства - прениями сторон. Анализируя структуру и содержание обвинительной и защитительной речей, процесс их подготовки и произнесения, автор, имеющий большой опыт судебного оратора, дает полезные рекомендации, направленные на повышение качества и эффективности судебного выступления. Работа предназначена для студентов юридических факультетов, начинающих прокуроров и адвокатов.

ББК 67.99(2)95

Рецензент: сектор теоретических проблем правосудия Института государства и права Российской академии наук

*Подготовлено при поддержке института
«Открытое общество» (фонд Сороса)*

© Лазарева В.А., 2001

© Изд-во "Самарский
университет", 2001.

Зачем юристу красноречие

Каждый раз, начиная разговор о теории судебного красноречия, вспоминаешь Петра Сергеевича Пороховщикова, русского юриста, известного под псевдонимом Сергеич. И не только потому, что П. Сергеич был хорошим оратором и хорошим учителем ораторского искусства, но и потому также, что его наблюдения и уроки по-прежнему актуальны и злободневны. «Чтобы быть настоящим обвинителем или защитником на суде, надо уметь говорить; мы не умеем и не учимся, а разучиваемся: в школьные годы мы говорим и пишем правильное, чем в зрелом возрасте. Доказательства этого избылиуют в любом из видов современной русской речи: в обыкновенном разговоре, в изящной словесности, в печати, в политических речах»¹. Все сказанное в полной мере применимо и к нашей действительности, хотя с того момента, когда эти слова были написаны, прошло 90 лет². К сожалению, изменений к лучшему не произошло, с введением всеобщего обязательного среднего образования уровень общей культуры нивелировался, а к доказательствам всеобщего неумения грамотно излагать свои мысли прибавились телевыступления не только ведущих популярных программ и комментаторов, но и политиков самого высокого толка. Это, однако, вовсе не является свидетельством того, что борьба за грамотную, логически стройную речь безуспешна в принципе. Сказанное скорее подтверждает необходимость работы над повышением культуры речи каждого нового поколения людей образованных, несущих в массы знания и умения, показывающих своим примером, как надо правильно говорить, и заражающих этим умением окружающих.

Грамотная речь всегда рассматривалась как признак высокой культуры, высокого уровня общего, интеллектуального, нравственного и эстетического развития личности. Платон называл умение убеждать словом «искусством гигантов мудрости». Речь человека неразрывно связана с его мышлением, является средством хранения и передачи информации, в языке находит свое выражение вся культура человеческого общества. Косноязычие - первый признак недостаточно развитого мышления. «Для интеллигентного человека дурно говорить должно считаться таким же неприличным, как неумение читать и писать», - говорил А.П. Чехов.

Особенно важно умение грамотно излагать свои мысли в логической последовательности, простым, доходчивым языком, понятным слушателям, которым они адресованы, для тех, кто избрал своей профессией юриспруденцию. Диплом юриста - в силу его престижности - в глазах общественного мнения является признаком высокой образованности его обладателя. Слово юриста потому особо ответственно и весомо. Юрист не

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде. - М., 1988. - С.14.

² Впервые книга П. Сергеевича «Искусство речи на суде» вышла в свет в 1910 году.

только выступает проводником правовых знаний, которые он несет в общество, но выполняет важную социальную функцию правового воспитания независимо от сферы своей деятельности.

Было бы совершенно неправильно считать, что красноречие не нужно следователю или дознавателю, юрисконсульту или нотариусу. Одной из основных составляющих юридической деятельности является общение. Язык лишь инструмент, с помощью которого следователь устанавливает психологический контакт с допрашиваемым, увещивает обвиняемого, убеждает в необходимости правдивого рассказа свидетеля, успокаивает потерпевшего. Косноязычный следователь не достигнет той эффективности своего труда, которую ждет от него общество. Такой следователь не сможет правильно сформулировать вопрос и, следовательно, получить точный ответ, а в силу прямой связи устной речи с письменной не сможет преобразовать полученную им вербальную информацию в знаковое протокольное описание. Плохо выражающие свои мысли прокурор или следователь производят удручающее впечатление на людей более высоко развитых, их косная речь не вызывает уважения со стороны собеседника ни к ним самим, ни к государственным органам, которые они представляют. Уровень языковой культуры судьи должен быть еще более высоким; судья олицетворяет судебную власть; от него ждут решений справедливых и убедительных. Нарушение языковых норм, логическая непоследовательность изложения, характерные для многих приговоров и решений, снижают убедительность судебного акта, престиж судьи, подрывают доверие к судебной власти.

Для тех, кто выбрал себе профессию судьи, адвоката, прокурора, умение говорить относится, пожалуй, к числу наиболее существенных, определяющих профессиональную пригодность к избранной специальности. Прокурор и адвокат ежедневно выступают в судебных процессах и произносят публичные речи; овладение навыками публичных выступлений, приемами ораторского мастерства – обязательное условие успешной профессиональной деятельности. Судебное красноречие особенное. Его особенности обусловлены целями и задачами правосудия. Публичные выступления в суде способствуют реализации принципа гласности, обладают высокой степенью психологического воздействия на непрофессиональную аудиторию, глубоко полемичны, имеют убеждающий слушателей характер. Поэтому к судебной речи предъявляются повышенные требования. На суде нужна особая ясность, по определению П.Сергеича, – необыкновенная, исключительная ясность. Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья¹. Непонятные речи, произносимые тяжелым слогом, воспринимаются с трудом, вызывают раздражение, неприятие, нежелание слушать дальше, эмоциональное несогласие с говорящим,

---

¹ См.: Сергеич П. Искусство речи на суде... - С. 18.

отторжение его доводов. Такие речи утомляют, потому что кажутся более длинными, чем являются в действительности.

Неизгладимое негативное впечатление на человека умного производит даже небольшое количество слов-паразитов. Неумение излагать мысли приводит к закономерному, хотя, может быть, и не всегда правильному выводу о том, что собеседник не владеет не только искусством речи, но и предметом разговора. Неудачное выражение в лучшем случае приведет к тому, что ваша мысль не будет услышана, в худшем может извратить мысль, сделать её смешной, нелепой. В суде отсутствует возможность исправить это негативное впечатление, повторно изложить свои аргументы, в связи с чем отсутствие красноречия для юриста поистине губительно.

Неумение говорить порождает страх перед аудиторией, вызывает неуверенность в себе, что не может не сказаться на убедительности выступления, ибо никто не может убедить другого в чем-либо, не будучи убежденным в этом сам.

Практика свидетельствует, что действительно хорошие судебные выступления встречаются не так часто. Даже по тем делам, которые имеют особое общественное значение, вызывают сильные эмоции, интересны в доказательственном отношении и предоставляют прекрасные возможности для полемики, речи сторон слабы, невыразительны, скучны и неинтересны. Многие выступающие в суде не владеют приемами логического анализа обстоятельств дела и доказательств, допускают большое количество речевых ошибок. Современные речи бедны метафорами, образами, интонациями; порой за эмоциональной насыщенностью выступления скрывается элементарное незнание обстоятельств дела, юридическая неграмотность.

Поэтому мы должны учиться говорить; должны овладевать искусством публичного выступления. Однако мало просто научиться говорить, т.е. грамотно строить фразы, не употреблять слов-паразитов, неправильных или непонятных в данной аудитории выражений. Правильная речь еще не делает человека красноречивым. Речевое искусство предполагает развитый вкус и высокую культуру, невозможные без знания мировой литературы, искусства; развитость логического мышления, владение приемами убеждения и спора, умение украшать свою речь метафорами и образами. Но для успешного выступления в суде и умения говорить красиво недостаточно. Если оратор неверно толкует закон, искажает его смысл, передергивает факты, намеренно сгущает краски, хотя делает это с выражением и даже пафосом, он не достигнет своей цели. Его слушатели и его противник за словесной шелухой всегда распознают отсутствие убедительных доказательств или слабое владение ими. Тот, кто «безмерно растягивает свою речь по лености ума, никого не способен убедить», - утверждал Платон. Поэтому обязательным условием ораторского искусства является всестороннее знание предмета дискуссии, аргументов противоположной стороны, законодательства, практики его применения, научно обоснованных ре-

комендаций. Чем выше общий уровень профессиональной подготовки, тем выше и степень овладения красноречием.

Ораторское искусство имеет и собственные приемы, овладение которыми полезно и необходимо. Однако научиться ораторскому искусству непросто. Для этого необходима постоянная работа над собой, своим профессиональным мастерством. Только труд обеспечивает успех в любом начинании. История свидетельствует: научиться говорить можно. Демосфен (384-322 гг. до н.э.) от рождения имел слабый голос, плохую дикцию, прерывистое дыхание, нервный тик. Но огромное желание овладеть искусством оратора плюс напряженная каждодневная работа дали поразительный результат. Демосфен и сегодня известен как величайший оратор Древней Греции. И этот процесс обучения ораторскому мастерству не заканчивается никогда.

Никто не может сказать: я достиг вершин ораторского искусства. Нет предела совершенству, и каждое новое выступление, подкрепляя успех, способствует оттачиванию языка, повышает уверенность в себе. Поэтому практика публичных выступлений, сопровождающаяся напряженными умственными усилиями и контролем над собой, является лучшей школой ораторского искусства.

Лекции по теории судебной речи направлены на то, чтобы привить обучающимся вкус к судебным выступлениям, помочь не только изучить теорию и технику публичных выступлений, но и понять самого себя, узнать свои склонности и профессиональные возможности. Предметом курса лекций является судебная речь по уголовному делу, поскольку только она дает полное представление о многогранности и колорите судебных выступлений, их эмоциональной насыщенности и психологическом своеобразии. Вместе с тем теория судебной речи по уголовному делу, основанная на общих законах ораторского искусства, вполне пригодна и для овладения навыками выступлений в судах по гражданским делам. Там, где это необходимо, мы будем обращать внимание на особенности судебной речи не только в гражданском, но и в арбитражном процессах.

Я отдаю себе отчет как в невозможности научить красноречию одним лишь чтением даже самых замечательных лекций, так и в том, что мои лекции представляют собой попытку передать в адаптированном виде лишь основы ораторского искусства, остатки которого сохранились до наших дней. Научиться мастерству судебного оратора можно только в процессе неустанной работы, включающей изучение чужденных творений античных ораторов, судебных речей русских юристов второй половины XIX века, трудов А.Ф. Кони, П. Сергеевца, а также постоянного совершенствование собственных скромных способностей.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.

ПОНЯТИЕ СУДЕБНОЙ РЕЧИ. ЦЕЛИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ И СРЕДСТВА ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Понятие и значение судебного красноречия

Родина судебного красноречия - Древняя Греция. Можно сказать, что ораторское искусство возникло и развивалось именно как судебное красноречие. По законам Солона, каждый афинянин имел право выступить в качестве обвинителя, а будучи обвинен, обязан был лично защищать на суде свои интересы. Обвиняемый должен был убедить суд в своей невиновности или хотя бы разжалобить его. Необходимость лично осуществлять свою защиту породила особую профессию - логографов, людей, составлявших тексты защитительных речей для обвиненных в преступлении. Поскольку суд в Афинах был не только органом правосудия, но и общественной трибуной, судебные выступления нередко приобретали политический характер и имели широкую известность.

Ораторское искусство было привилегией людей состоятельных. Юношей из богатых семей специально обучали красноречию. Первые теоретики ораторского искусства - Горгий, Лисий, Исократ, Трасимах. Особо прославился как выдающийся судебный оратор Древней Греции Демосфен, речи которого были полны динамики и экспрессии.

Расцвет ораторского искусства в Древнем Риме приходится на последний период республики. До нас дошла слава выступлений Марка Порция Катона Старшего (234-149 гг. до н.э.), Гая Попилия Карбона, Марка Антония, Красса, Квинта Гортензия Гортала. Непревзойденным мастером ораторского искусства по праву считается Цицерон Марк Тулий (106-44 гг. до н.э.). Сила его речей - в содержательности, страстности, безупречной логике, яркости и доходчивой форме. Его речи очаровывали и побеждали. Успех их во многом предопределялся личной убежденностью оратора: «Чтобы зажигать сердца, речь должна пылать», - эти слова принадлежат Цицерону. Как говорил Квинтилиан, «небо послало на землю Цицерона, по-видимому, для того, чтобы дать в нем пример, до каких границ может идти могущество слова».

В обиходе понятия *красноречие*, *ораторское искусство* употребляются как синонимы. Термин *ораторское искусство* произведен от понятий *оратор* и *искусство*. Оратор - это лицо, говорящее публично, произносящее речь, выступающее перед аудиторией. Этот термин употребляется

как в простом, так и в высоком смысле. Сравните: «он ораторствовал, не замечая, что слушатели давно уснули», и «этот человек - прирожденный оратор». Когда мы говорим об ораторском искусстве, мы обычно подразумеваем умение говорить публично, умение пользоваться речью для оказания наибольшего воздействия на аудиторию, мастерство публичного выступления. Поэтому и термин *оратор* нами используется для обозначения лица, владеющего навыками, приемами и техникой выступлений.

Красноречие дословно означает красная, т.е. красивая речь. По определению А.Ф. Кони, «красноречие -- это дар слова, волнующий и увлекающий слушателей красотой формы, яркостью образов и силой метких выражений». Красноречию научиться невозможно: это природное дарование. Поэтому А.Ф. Кони, обращаясь к студентам, неизменно призывал: «Не гонитесь за красноречием. Но старайтесь говорить хорошо... Пусть не мысль ваша ищет слова, пусть слово покорно предстает перед вашей мыслью».

Умение говорить грамотно, убедительно и есть ораторское искусство, ораторское мастерство, которому можно научиться и не обладая даром красноречия.

Выступления в суде более нуждаются в ораторском искусстве, нежели в простом красноречии. Они предполагают не просто умение в красивой форме излагать свои мысли, но и использование разнообразных средств речевого воздействия на слушателей с учетом особенностей состава и психологии аудитории, умение убеждать и вести за собой в развертывании логической цепи доказательств. Одного лишь красноречия для этого недостаточно. Для определения человека красноречивого, но говорящего пустые, бессодержательные слова, искажающего смысл фактов, есть другой термин - *краснобай* (от *баить* - говорить, *байка* - сказка, небыль, *краснобаить* - рассказывать сказки, говорить попусту). Однако и дар красноречия помогает убеждать слушателей, поскольку обладает высокой степенью внушающего воздействия. Учитывая это, М.В. Ломоносов писал: «Красноречие есть искусство о всякой материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению». Однако одно дело склонить слушателей к своему мнению в науке, политике, другое - убеждать слушателей в суде. Судебное красноречие отличается и от искусства речи, и от искусства спора. В суде мало выстроить логически убедительную версию, её надо доказать. Судебные речи опираются на исследованные в ходе судебного следствия обстоятельства дела, и для того, чтобы убедить суд в своей правоте, надо уметь анализировать доказательства, подвергать их сомнению, обосновывать их достоверность, приводить контраргументы, видеть слабые места в своей позиции и позиции противника; одним словом, надо владеть искусством ведения полемики, т.е. искусством доказывания и опровержения.

Конечно же, способности, данные человеку от рождения, предрасполагают к успешному овладению ораторским искусством. Однако и при отсутствии врожденного красноречия можно успешно овладеть навыками ораторского мастерства, научиться говорить грамотно, логично, убедительно. Каких вершин в овладении ораторским искусством достигнет каждый - зависит только от меры приложенного труда и усердия.

Термины *судебное красноречие, судебное ораторское искусство* иногда иронично, но вполне справедливо называют устаревшими. В большинстве своем судебные выступления прокуроров и адвокатов, особенно на уровне низового звена судебной системы, производят безрадостное впечатление; лишь о немногих из них можно сказать, что они действительно искусство.

Но знала Россия и лучшие времена. В прошлом нашей страны был небольшой, с точки зрения истории, отрезок времени, который по своему общественному значению может быть назван эпохой. Это эпоха судебной реформы 1964 года.

Кризис самодержавия, противоречия между феодальной общественной формацией и набирающими темп капиталистическими производственными отношениями, рост революционного сознания и революционного движения заставили царизм пойти на реформирование государства. Наиболее последовательной и значительной справедливо считается судебная реформа, начатая изданием 20 ноября 1964 года Устава уголовного судопроизводства и других актов, получивших название Судебных Уставов. Полуфеодальная, полукрепостническая страна с политическим режимом в виде абсолютной монархии, лишённая парламента, не имеющая конституции, неожиданно получила самую демократичную и самую прогрессивную на тот момент судебную систему.

Предварительное следствие наконец-то было отделено от прокуратуры и полицейского сыска, был введен институт независимости и несменяемости судей, провозглашена и обеспечена состязательность судебного процесса, в котором обвинение и защита получили равные права и равные возможности. Судебный процесс становился гласным, суд отделялся от законодательной и исполнительной властей.

Сердцевину реформы составило учреждение суда присяжных взамен прежнего сословного суда и создание впервые в истории страны отделенной от государства свободной адвокатуры. В стране зазвучали яркие, образные судебные речи, которые были явлением не только судебной жизни, но и жизни общественной. Главным образом это были речи адвокатов.

Профессиональная адвокатура явилась для России принципиально новым учреждением. Вместо прежних полуграмотных, невежественных и недобросовестных ходатаев по делам в суд пришли хорошо образованные и прогрессивно настроенные юристы. Чтобы понять все величие этого явления, следует сказать несколько слов об истории российской адвокатуры.

Термин адвокатура в XIX веке имел два значения. В узком смысле слова под адвокатурой понималось правозаступничество, т.е. юридическая помощь, оказываемая нуждающимся в ней лицами, специально занимающимися изучением законов. В широком смысле слова адвокатура являла собой совмещение правозаступничества с представительством в суде. В отличие от Европы, где правозаступничество и представительство в суде развивались как самостоятельные институты и именно правозаступники получили название адвокатов, в России правозаступничество возникло на основе представительства и постепенно превратилось в адвокатскую профессию. Для России и сегодня адвокат - это прежде всего защитник или представитель, выступающий в суде.

Первые указания на представительство в России появляются в законодательстве XV века, до которого господствовал принцип личной явки. Например, Псковская судебная грамота (1397-1467 гг.) устанавливала, что иметь представителя могли не все, а только женщины, дети, монахи и монахини, дряхлые старики и глухие. В остальных случаях судебная защита могла повлечь наказание защитника - вздергивание на дыбу и штраф.

Первоначально существовавшее на основе родственных отношений представительство постепенно стало развиваться и в форме наемного. Однако власти всегда пытались ограничить рост профессионального ходатайства по делам. По Уложению о наказаниях 1649 года такие ходатаи могли быть подвергнуты телесному наказанию и тюремному заключению, а после трехкратного наказания лишались права ходатайствовать по чужим делам. Вплоть до свода законов Российской империи какие-либо организации, объединяющие поверенных, отсутствовали. Никаких формальных требований к лицам, выступающим в судах в качестве поверенных, не предъявлялось, поэтому этой профессией занимались люди, не имеющие не только юридического, но и хоть какого-то образования. Они нередко прибегали к различным обманам, подлогам, чем вызывали к себе недоверие. Свою задачу поверенные видели в том, чтобы запутать дело и затянуть процесс его разрешения. Способности адвоката оценивались именно по этому уменню.

Негативное отношение к адвокатуре высказывалось открыто на самом высоком уровне. Известно, что Петр I окрестил адвокатов ябедниками (ябеда-жалоба) и обвинял их в том, что «они своими непогребными иностранными приводами судью более утруждают», а не помогают ему правильно разрешить дело. Русские императоры видели в адвокатуре западного типа угрозу государству, а потому не желали её реформировать. «А что погубил Францию, как не адвокаты, - писал Николай I князю Голицину. - Нет, князь, пока я буду царствовать, России адвокаты не нужны, проживем и без них».

Отрицательное отношение к адвокатуре, сохраняющееся и по сей день, имеет, таким образом, две причины: с одной стороны, опасение, что

вооруженное юридическими знаниями население станет более сложным для управления объектом; с другой – наличие негативных тенденций в деятельности адвокатского корпуса¹. Поэтому созданная в период судебной реформы 1864 года и пережившая период пышного расцвета адвокатуры постепенно утратила свое общественное значение. Однако в тот небольшой отрезок времени слава российской адвокатуры вспыхнула столь ярко, что и сегодня выступления многих судебных деятелей той эпохи служат образцом подлинного ораторского искусства.

Секрет расцвета российской адвокатуры конца XIX века заключается в её абсолютной, как тогда казалось, свободе, гласности, возможности открыто обличать пороки общественного устройства, раскрывать социальные корни преступлений. Многие из адвокатов того времени оставили ради этого государственную службу, перешли из прокуратуры. Появилась целая плеяда крупных фигур, судебные речи которых переписывались и передавались из рук в руки. Их имена широко известны и нынешнему поколению юристов. Это Анатолий Федорович Кони, снискавший известность и как прокурор и как председатель Петербургского окружного суда, председательствовавший на процессе по делу Веры Засулич; Петр Сергеевич Пороховщиков, товарищ прокурора Московского окружного суда, затем прокурор Орловского окружного суда, член Петроградского окружного суда; адвокаты Федор Никифорович Плевако, Владимир Данилович Спасович, Александр Иванович Урусов и многие другие. «Адвокаты гремели смелыми речами, которыми приковывали правительство к позорному столбу», - писала тогда газета «Народная воля».

Среди плеяды блестящих имен, безусловно, выделяется фигура Ф.Н. Плевако, чье имя при жизни стало нарицательным. Плевако имел необыкновенную популярность. Он был, по воспоминанию современников, мастером красивых образов, каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходов, нередко спасавших его клиентов от грозившей им кары. Б.С. Угевский описывает следующий случай:

Владелица небольшой лавчонки, полуграмотная женщина нарушила правила о часах торговли и закрыла торговлю на 20 минут позже положенного. «Заседание суда по её делу было назначено на 10 часов. Суд вышел с опозданием на 10 минут. Все были налицо, кроме защитника – Плевако. Председатель суда распорядился разыскать Плевако. Минут через 10 Плевако, не торопясь, вошел в зал, спокойно уселся на месте защиты и раскрыл портфель. Председатель сделал ему замечание за опоздание. Тогда Плевако вытаскил часы, посмотрел на них и заявил, что на его часах только

---

¹ Эти вопросы, как выходящие за рамки темы, мы не рассматриваем, однако заметим, что существующие сегодня дефекты адвокатского труда имеют старую историю. Подробно о развитии адвокатуры см.: Гессен И.В. История русской адвокатуры. Т.1.- М., 1997.

5 минут одиннадцатого. Председатель указал ему, что на стенных часах уже 20 минут одиннадцатого. Плевако спросил председателя:

- А сколько на ваших часах, Ваше превосходительство?

Председатель посмотрел и ответил:

- На моих 15 минут одиннадцатого.

Плевако обратился к прокурору:

- А на ваших часах, господин прокурор?

Прокурор, явно желая причинить защитнику неприятность, с ехидной улыбкой ответил:

- На моих часах уже 25 минут одиннадцатого

...Судебное следствие закончилось быстро. Свидетели подтвердили, что подсудимая закрыла лавочку с опозданием на 20 минут. Прокурор просил признать подсудимую виновной. Слово было предоставлено Плевако. Речь длилась две минуты. Он заявил: *"Подсудимая действительно опоздала на 20 минут. Но, господа присяжные заседатели, она женщина старая, малограмотная, в часах разбирается плохо. Мы с вами люди грамотные, интеллигентные. А как у нас обстоит дело с часами? Когда на стенных часах 20 минут, у господина председателя – 15 минут, а на часах господина прокурора - 25. Конечно, самые верные часы у господина прокурора. Значит, мои часы отставали на 20 минут и поэтому я на 20 минут опоздал. А я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские. Так если господин председатель по часам прокурора открыл заседание с опозданием на 15 минут, а защитник явился на 20 минут позже, то как можно требовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы и лучше разбиралась во времени, чем мы с прокурором?"*

Присяжные совещались одну минуту и оправдали подсудимую¹.

Другой современник - В.В. Вересаев - вспоминал:

«Старушка украла жестяной чайник стоимостью менее 50 копеек. Она, как потомственная почетная гражданка, была предана суду присяжных. Прокурор решил обезоружить адвоката и сам высказал все, что можно было сказать в защиту подсудимой: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная. Подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна, все гражданское благоустройство держится на собственности, и, если позволить людям посягать на неё, страна погибнет.

Поднялся защитник Плевако. Он сказал: *«Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за её более чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали её, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на неё, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Рос-*

¹ Цитируется по: Резник Г.М. Ръшарь правосудия // Плевако Ф.Н. Избранные речи. - М., 1993. - С.7-8.

сия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия, уж конечно, не выдержит, от этого она погибнет, безвозвратно». И суд оправдал старушку»¹.

Приведенные примеры не трюки. Как правильно заметил Г.М.Резник, за язвительной иронией Плевако нужно видеть правовую суть его полемики с обвинителем. Неостыжлемое свойство преступления - общественная опасность и адвокат блестяще доказал присяжным, что кража старушкой старого чайника не обладает общественной опасностью.

В условиях царской России адвокатура, однако, быстро деформировалась. Этому способствовало и бескультурие и реакционность правящих слоев и пороки самого устройства адвокатуры. Присяжные поверенные были стеснены обязательными защитами по уголовным делам, могли выступать только в пределах своего округа. Провозгласив широкие права адвокатов, власть все сделала для того, чтобы их ограничить. Неприязненно-му отношению власти к адвокатуре способствовали и выступления адвокатов на политических процессах.

Адвокатура советского периода не могла играть видной роли в обществе и в судебных процессах. Отрицание состязательности судопроизводства исказило роль адвоката в уголовном процессе: он воспринимался как помощник суда, способствующий справедливому разрешению дела, а возложение на суд обязанности полного, всестороннего исследования обстоятельств дела делало формальным и выступление прокурора. Считалось, что суд и прокурор выполняют общую задачу и борются с преступностью. Оправдательные приговоры практически не встречались. Судебное красноречие в течение долгого времени было не востребованным.

Изменения в общественно-политической жизни страны, начавшиеся в конце 80-х годов, провозглашение курса на построение демократического правового государства, разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и признание судебной власти самостоятельной и независимой, закрепление в Конституции РФ принципа состязательности судопроизводства и равноправия его участников, возрождение суда присяжных вновь поставили в повестку дня вопрос о судебном красноречии. Начавшееся реформирование уголовного судопроизводства на основе состязательности означает, что обязанность доказывания обвинения лежит на прокуроре. У защиты впервые за многие десятилетия появилась возможность добиться оправдания подсудимого в связи с недоказанностью обвинения. Результат судебного разбирательства сегодня, как и

---

¹ См.: Там же. - С. 8-9.

во время судебной реформы 1864 года, во многом зависит от профессионального, в том числе ораторского мастерства обвинителя и защитника.

2. Понятие и виды судебной речи

Судебные речи принято рассматривать как содержание судебных прений - особой части судебного разбирательства, в которой участники уголовного процесса подводят итоги не только судебному следствию, но и предварительному расследованию, излагают суду свои предложения по вопросам, подлежащим разрешению в приговоре. Выступления в прениях - важнейшая и необходимая часть судебного процесса, позволяющая сторонам активно влиять на его результат, убеждая суд в своей правоте.

Судебная речь, как и речь вообще, имеет несколько значений. Речь - это выражение мыслей, суждений, эмоций и чувств с помощью второй сигнальной системы, т.е. с помощью слова. Речь может рассматриваться как процесс такого выражения, как действие по произнесению слов (например, прокурор выступил с речью) и как продукт психической («он мысленно повторял заранее подготовленную речь») или физической деятельности человека («обвинительная речь лежала на столе»).

Речь человека может быть внутренней и внешней, устной и письменной, монологической и диалогической. Публичная речь и её разновидность судебная речь, всегда внешние, устные, монологические. Если публичная речь - это выступление перед публикой, перед аудиторией, то судебная речь - это выступление в суде, перед судебной аудиторией. Поскольку оратор - это лицо, произносящее публичную речь, то встречающееся иногда словосочетание *ораторская речь* следует признать тавтологичным.

Итак, судебная речь есть разновидность публичной речи, даже если она обращена к единственному слушателю - судье, она всегда произносится устно и всегда выражается во вне, даже если готовится как внутренний монолог. При этом монологом судебная речь является лишь по форме; по содержанию же она часто представляет собой диалог. Судебный оратор может вести диалог с самим собой, с воображаемым или действительным противником, с публикой. Он как бы ставит себе вопросы от имени слушателей, высказывает себе от имени оппонента возражения и отвечает на них. Использование в монологической речи элементов диалога придает выступлению колорит и своеобразие полемики, предоставляет оратору дополнительные возможности для обоснования своих утверждений. Используя этот прием, оратор может предвосхитить аргументы своих оппонентов, тем самым обезоружить их, лишить почвы под ногами.

Судебная речь - это речь официальная и узкопрофессиональная, произносимая только в суде и только теми участниками судебного разбирательства, которым предоставлено право выступления в прениях. Основны-

ми из них являются прокурор (государственный обвинитель) и адвокат (защитник).

Формулируя понятие судебной речи, нельзя не обратить внимание на несовершенство тех определений, которые пытаются охватить специфические признаки судебного вступления безотносительно к его содержанию и направленности. Чрезмерно громоздкие, усложненные массой второстепенных деталей, такие определения имеют много погрешностей. Поэтому общее определение судебной речи должно, во-первых, быть кратким, во-вторых, отражать те существенные свойства, которые присущи любому судебному выступлению. Судебная речь, таким образом, это обращенное к суду выступление участника уголовного (гражданского) процесса, направленное на обоснование его позиции по рассматриваемому судом делу.

Как уже было сказано, судебные речи произносятся сторонами во время судебных прений и являются их составной частью. И это действительно так. И в уголовном, и в гражданском процессах после окончания исследования доказательств суд предоставляет сторонам возможность высказать свою позицию по обстоятельствам дела, дать оценку доказательствам, предложить наиболее справедливый способ разрешения правового конфликта. Возможность изложить свою точку зрения по делу участники судебного процесса имеют и ранее. Они сообщают суду свое мнение в заявлении о совершенном преступлении, исковом заявлении или жалобе, возражениях на исковое заявление, объяснениях и показаниях, разнообразных ходатайствах и жалобах, заявляемых по ходу производства по делу. Особенно широки эти возможности в гражданском процессе, где изложение истцом или ответчиком своих требований или возражений зачастую сливается с аргументированием своей позиции и опровержением позиции второй стороны. Однако в уголовном процессе возможности сторон высказать свою позицию по существу дела не равны. Если прокурор излагает свои доводы в обвинительном заключении, которое оглашается до начала исследования доказательств, то защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик только по окончании судебного следствия получают право обратиться к суду с обоснованной просьбой о принятии конкретного решения по делу в целом или отдельным его обстоятельствам. Однако и для прокурора судебные прения имеют важное значение; в суде доказательства претерпевают существенные изменения, в связи с чем обстоятельства дела после судебного следствия часто выглядят иначе, чем во время предварительного следствия.

В судебных прениях по уголовному делу в соответствии со ст. 295 УПК РСФСР участвуют государственный и общественный обвинитель,

потерпевший¹, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, подсудимый или его защитник, общественный защитник. Аналогичен состав участников прений по гражданскому делу. Права всех участников прений равны, их выступления одинаковы по своему значению для суда: суд не связан мнением сторон. Каждый участник прений вправе выступить с возражениями против сказанного другими, но только один раз.

Вопрос о соотношении судебных речей и судебных прений предельно ясен применительно к стадии судебного разбирательства. Однако участники уголовного и гражданского процесса наделены правом выступать с обоснованием своей позиции и при рассмотрении дела судом второй инстанции. В соответствии с Постановлением Конституционного суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ч. 4 и 5 ст. 377 УПК РСФСР² обеспечение потерпевшему так же, как осужденному, оправданному, возможности довести до суда свою позицию относительно доводов протеста наряду с обязательным участием прокурора в заседании суда надзорной инстанции позволит в большей степени реализовать и состязательные начала судопроизводства. В связи с этим Конституционный суд признал положения части третьей статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 123 (часть 3) в той мере, в какой они позволяют суду надзорной инстанции рассмотреть дело без ознакомления осужденного, оправданного, их защитников, потерпевшего с протестом, в котором поставлен вопрос об отмене вступившего в законную силу судебного решения, без извещения осужденного, оправданного, их защитников о времени и месте судебного заседания и без обеспечения им права довести до суда свою позицию относительно доводов протеста. Аналогично Постановление Конституционного суда РФ от 14 апреля 1999 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 325 ГПК РСФСР³.

---

¹ Конституционный суд РФ Постановлением от 15 января 1999 г. № 1-П в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева признал «положения частей первой и второй статьи 295 УПК РСФСР, на основании которых потерпевший по уголовному делу не допускается к участию в судебных прениях, кроме как по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, частью первой статьи 129 и статьей 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 52, 46 (часть 1) и 123 (часть 3)» и указал, что «признание положений частей первой и второй статьи 295 УПК РСФСР, на основании которых потерпевший по уголовному делу не допускается к участию в судебных прениях, не соответствующими Конституции Российской Федерации, обязывает суды применять указанную статью без каких-либо ограничений допуска потерпевшего к участию в судебных прениях, исходя из непосредственного действия Конституции Российской Федерации».

² Вестник Конституционного суда РФ. - 2000. - №3.

³ Вестник Конституционного суда РФ. - 1999. - №4.

Выступления сторон в кассационной и надзорной судебных инстанциях не называются судебными прениями, однако от этого их существо как судебных речей, в которых стороны, обосновывая свою позицию, полемизируют друг с другом, не меняется. Поэтому следует признать, что судебными прениями речи сторон не ограничиваются.

Особо следует сказать о специфике выступления сторон в арбитражном судопроизводстве¹. Во-первых, АПК РФ не предусматривает такой части судебного разбирательства как судебные прения. Изложение сторонами доводов совпадает с представлением и исследованием доказательств. Во-вторых, предмет судебного разбирательства – экономические споры – настолько специфичен, что не позволяет использовать в арбитражном процессе те приемы полемики, которые связаны с эмоционально-психологическим воздействием на судей. Выступление в арбитражном процессе поэтому требует особых навыков, многие ораторские приемы в зале заседания арбитражного суда просто неуместны.

Все судебные речи как в уголовном, так и в гражданском процессах могут быть разделены на две группы. Основанием деления является отнесение выступающего с речью участника к той или иной стороне. Термином стороны обозначаются участники процесса, противостоящие друг другу в судебном состязании, выполняющие противоположные по своей направленности функции. В уголовном процессе это обвинение и защита, в гражданском – истец и ответчик. Остальные участники процесса так или иначе примыкают к одной или другой стороне. В связи с этим ошибкой является выделение в особый вид судебного выступления речи адвоката². Такая позиция игнорирует и принцип состязательности, и учение о процессуальных функциях. Адвокат не является участником уголовного процесса, это лишь член коллегии адвокатов, который может выступать в уголовном процессе в качестве защитника обвиняемого (подсудимого) или представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

¹ Само существование арбитражного процесса является спорным в связи с отсутствием упоминания о нем в ст. 118 Конституции РФ. Включение арбитражных судов в систему судов Российской Федерации (ст. 4 Закона «О судебной системе Российской Федерации») порождает предложения о дополнении ст.118 Конституции РФ указанием на арбитражное судопроизводство как на самостоятельную форму осуществления правосудия. Эта мысль имеет опору в действующем законодательстве, поскольку в России действует принятый в 1995 году Арбитражный процессуальный кодекс. Однако среди специалистов в области гражданского процесса распространено обоснованное, на наш взгляд, мнение, согласно которому разрешаемые арбитражными судами экономические споры есть разновидность гражданских споров, в связи с чем арбитражный процесс следует считать гражданским процессом. - См.: Шакарян М.С. Защита прав человека и гражданина в порядке гражданского судопроизводства. // Общая теория прав человека. - М., 1996. - С.234-236; Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту. Дисс. д-ра юрид. наук. - М., 1997. - С.34.

² См.: Макарова З.В. Судебная речь: Учебное пособие. – Куйбышев, 1985. – С. 9.

Функции адвоката-защитника и адвоката-представителя потерпевшего диаметрально противоположны. Представляя интересы потерпевшего или гражданского истца, адвокат объективно выполняет функцию обвинения. его речь по уголовному делу – обвинительная речь.

Точно так же не могут быть объединены в одну группу речи представителя гражданского истца и гражданского ответчика на том лишь основании, что в качестве представителя в уголовном процессе участвует адвокат. Процессуальные функции этих участников, а следовательно, и производимые ими или их представителями речи противоположны. Одна из них обвинительная, другая – защитительная. Кроме того, нельзя упускать из виду, что в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика может выступать не только член коллегии адвокатов, но и иное лицо, допускаемое законом. Процессуальное положение такого лица ничем не отличается от процессуального положения адвоката-представителя.

Из приведенного перечня судебных речей мы видим, что право их произнесения закон предоставляет не только профессиональным юристам. Очевидно, что какие-либо требования к качеству судебного выступления не могут быть адресованы ко всем участникам прений. Предметом нашего изучения являются судебные речи в узком, профессиональном смысле слова. Не сделав такой оговорки, мы можем вслед за некоторыми авторами, восклицаящими «вряд ли можно на судебную трибуну допустить лиц, которые не знают, что сказать и, особенно, как сказать!»¹, попасть в нелепое положение. Конечно же автор, не имея в виду, что к участию в судебных прениях не могут быть допущены ни подсудимый, ни потерпевший. Однако и применительно к прокурору и адвокату такое высказывание не может быть отнесено. Представим только, как суд удаляет с упомянутой выше судебной трибуны государственного обвинителя или защитника за то, что «он не знает, что сказать и как сказать». Как бы ни была плоха с точки зрения суда речь выступающего в прениях, он вправе её прервать, лишь если выступающий явно уклоняется в сторону от предмета судебного разбирательства. Звучащий в приведенной выше цитате пафос смело можно отнести к разряду ложных (кстати, такого рода неоправданный пафос часто можно встретить и в судебных выступлениях).

3. Цели судебной речи и средства их достижения

Цель конкретной судебной речи зависит не только от процессуальной роли произносящего её участника судебного разбирательства, но и от конкретных обстоятельств уголовного дела. Общая же цель судебной речи

¹ Ломовский В.Д. О судебной речи. – Калинин, 1990. - С.13.

может быть определена как оказание воздействия на судей, склонение их к определенной, высказываемой в речи позиции. Судебная речь носит побуждающий к действию (принятию решения) характер. Произносимые в открытом судебном споре (состязании), в полемике судебные речи позволяют выявить спорные, противоречивые факты, помогают суду получить всесторонний анализ обстоятельств дела, активизируют мыслительную деятельность самих судей, направляя её в определенное русло.

Принято считать, что целью судебной речи является и оказание воспитательного воздействия на аудиторию, однако мнение это во многих отношениях уязвимо. Во-первых, далеко не каждая речь способна оказать такое воздействие и далеко не каждый участник прений ставит перед собой такую цель: потерпевший, подсудимый, гражданский истец - разве им есть дело до воспитания присутствующих в зале? Разве защитник, ставящий вопрос об оправдании обвиняемого, но не признающего свою вину в преступлении лица, может выступать в роли воспитателя? О воспитательном воздействии на аудиторию можно говорить только применительно к обвинительной речи, и то только в том случае, если обвинение обосновано и справедливо. При некоторых обстоятельствах - большом скоплении народа, рассмотрении «громкого» дела - прокурор может сознательно ставить целью своего выступления правовое воспитание аудитории. Но в подавляющем большинстве случаев судебные речи произносятся лишь перед участниками судебного разбирательства, и цели, которые преследуют обвинитель и защитник, далеки от воспитания слушателей. Судебные речи обращены к суду: именно суд стороны убеждают в своей правоте, именно суду адресованы их аргументы и призывы. Говорить всерьез о том, что стороны оказывают воспитательное воздействие на суд, смешно.

Вопрос о воспитательном воздействии судебных прений, судебного разбирательства, всего уголовного судопроизводства сегодня стоит совсем в иной плоскости. Гласный, состязательный процесс по конкретному уголовному делу, проведенный с соблюдением всех процедурных требований, завершившийся законным, обоснованным и справедливым приговором, действительно имеет большой воспитательный эффект, так же как и взвешенная обоснованная речь прокурора, юридически грамотная речь защитника. Такая процедура наглядно демонстрирует присутствующим, что суд действительно осуществляет защиту прав и свобод личности, что в суде можно искать и добиваться справедливости. И наоборот, если суд нарушает процессуальные правила, прокурор проявляет необъективность, а защитник беспомощность, то это порождает в обществе чувство незащищенности, недоверия к правоохранительным органами, к судебной власти.

Таким образом, ни правоохранительные органы, ни тем более суд не являются воспитательными органами. Возложение на них такой задачи следует рассматривать как издержки не столь далекого прошлого, полного демагогических заклинаний и лозунгов вроде поставленной в 1960 году

программой КПСС задачи искоренения преступности и воспитания нового человека. Судебные органы выполняют иную функцию. Защищая права и свободы человека в процессе разрешения правовых конфликтов, судебная власть способствует укреплению мира и стабильности в гражданском обществе¹. Только в этом смысле можно говорить о том, что судопроизводство оказывает на людей (в том числе и не присутствовавших в зале заседания) воспитательное воздействие.

Говорят, что целью судебной речи является содействие установлению истины, постановление законного, обоснованного и справедливого приговора. Это действительно так, если говорить о приговоре как воплощении того внутреннего убеждения судей, которое сформировалось под влиянием как судебных прений, так и других факторов. Однако каждый участник судебных прений имеет свою цель, как правило, несовпадающую с объективной истиной. Направивший дело в суд прокурор, естественно, считает истиной свою позицию, однако для суда прокурор - одна из сторон, а обвинительное заключение - лишь версия, нуждающаяся в тщательном и всестороннем критическом анализе с учетом доводов второй стороны. *Consvetudo et altera pars* - пусть будет выслушана и другая сторона - известный постулат римского права, означающий, что истина может быть установлена только путем рассмотрения дела с противоположных позиций. С разных сторон исследуя обстоятельства дела, подвергая доказательства критическому анализу и высвечивая их сильные и слабые стороны, анализируя позицию второй стороны и указывая на её недостатки, участники процесса в конечном итоге способствуют установлению истины, констатация которой происходит в судебном приговоре. Таким образом, истину можно считать лишь опосредованной и отдаленной целью судебных прений. Непосредственная, ближайшая цель судебной речи заключается в формировании у судей правильного, с точки зрения оратора, взгляда на предмет судебного разбирательства.

Какими же средствами оратор достигает этой цели? В литературе по теории ораторского искусства обычно называют три способа воздействия на аудиторию: информирование, убеждение и внушение. Однако насколько применимы названные приемы в уголовном судопроизводстве?

Информирование как ораторский прием состоит в том, чтобы дать слушателям новое представление о предмете, оно осуществляется путем повествования, списания и объяснения. Бесспорно, судебная речь всегда передает какую-либо информацию об обстоятельствах, имеющих значение для дела, однако эта информация не обладает необходимым для информационных речей признаком новизны. Более того, судебный оратор не вправе

---

¹ О функции судебной власти более подробно см. другие работы автора, в том числе: Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. - Самара, 2000; Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. - Самара. 1999.

указывать в своей речи на обстоятельства, не являвшиеся предметом судебного разбирательства. Содержащиеся в судебных речах положения закона, постановлений Пленума Верховного суда РФ и определений Верховного суда по конкретным делам должны быть суду, как правило, известны (исключение составляет, пожалуй, лишь арбитражное судопроизводство, поскольку разнообразие рассматриваемых арбитражными судами экономических споров затрудняет изучение всей опубликованной судебной практики). Поэтому закон и практика его применения используются сторонами не для просвещения судей, а для подтверждения правильности своих выводов, для усиления своей позиции. Информирование в судебной речи проявляется не в сообщении суду новой информации, а в её интерпретации с позиции оратора. Но это как раз и означает, что информирование как самостоятельный способ достижения цели судебной речи в чистом виде не применяется; оно используется лишь как один из способов убеждения.

Вопрос о внушении в судебной речи более сложен. Являясь средством психологического воздействия, внушение, конечно же, присутствует в судебной речи. Яркая, убедительная речь сама по себе обладает внушающим воздействием, а содержащиеся в ней аргументы воспринимаются как истинные. Плохая, бессвязная, невыразительная речь таким воздействием не обладает. Тем не менее пользоваться внушением для достижения цели судебного выступления следует с известными оговорками. Внушение - разновидность насилия над личностью. Под влиянием внушения человек не в состоянии взглянуть на дело или явление объективно, он не свободен в выборе позиции или решения, к навязываемому мнению он относится некритично, в связи с чем ему можно внушить информацию, несоответствующую действительности. Цель выступающего в прениях может и будет достигнута, но принятое в результате судебное решение окажется неверным и впоследствии будет отменено.

Яркий пример приговора, постановленного под влиянием внушения, являет собой дело Кронеберга об истязании 7-летней незаконнорожденной дочери. Кронеберг был обвинен в том, что высек девочку розгами, которые, как выяснилось в суде, оказались «шпицрутенами», за незначительную провинность. Защиту осуществлял В.Д. Спасович. Его талантиливая речь, имевшая у присяжных успех, вызвала бурю негодования в обществе, обсуждение в прессе (её подвергали разбору Достоевский и Щедрин). Общественное мнение не приняло вердикт о невинности.

Как же добился Спасович успеха? Как сумел убедить присяжных в невинности жестокого истязателя?

Свою речь адвокат начал с того, что составляло самое слабое место защиты - беззащитности подвергнутого наказанию ребенка. *«Я боюсь, господа присяжные заседатели, - говорил Спасович, - не определения судебной палаты, не обвинения прокурора... я боюсь отвеченной идеи, призра-*

ка, боюсь, что преступление, как оно озаглавлено, имеет своим предметом слабое беззащитное существо. Самое слово «истязание ребенка», во-первых, возбуждает чувство большого сострадания к ребенку, а во-вторых, чувство столь же сильного негодования к тому, кто был её мучителем»¹.

Далее в речи прослеживается история взаимоотношений между отцом и дочерью, умело рисуется образ благородного человека, случайно узнавшего, что его связь с замужней дамой имела своим последствием рождение ребенка, отданного на воспитание в крестьянскую семью. Кронеберг тотчас же пожелал его обеспечить, взял ребенка из этой семьи и поместил на воспитание в дом к пастору, живущему в Швейцарии. Прошло три года и Кронеберг опять поехал в Женеву; «...он был поражен: ребенок, которого он посетил неожиданно, в незаконное время, был найден одичалым, не узнал отца». Анализируя эту речь, Ф.М. Достоевский писал: «Г. Спасович великий мастер закидывать такие словечки; казалось бы он просто обронил его, а в конце речи оно откликается результатом и дает плод. Коли «не узнал отца», значит ребенок не только одичалый, но уж и испорченный... Спасович, закидывая то тут, то там по словечку, решительно разочарует вас под конец на счет ребенка. Вместо дитяти 7 лет, вместо ангела - перед вами явится девочка «шустрая», девочка хитрая, крикса, с дурным характером, которая кричит, когда её только поставят в угол, которая «горазда кричать»... лгунья, воровка, неопрятная и со скверным затеанным пороком. Вся штука в том, чтобы как-нибудь уничтожить вашу к ней симпатию. Уж такова человеческая природа: кого вы не любите, к кому почувствуете отвращение, того и не пожалеете; а *сострадания-то вашего г. Спасович и боится пуще всего*... Конечно, - замечает Ф. Достоевский, - все эти факты ...не стоят... выеденного яйца... Нет, например, человека, который бы не знал, что трехлетний, даже четырехлетний ребенок, оставленный кем бы то ни было на три года, непременно забудет того в лицо... это всякий отец и всякий врач подтвердит вам. Тут виновны скорее те, кто оставили ребенка на столько лет, а не испорченная натура ребенка, и уж, конечно, присяжный заседатель это тоже поймет, если найдет время и охоту подумать и рассудить; но рассудить ему некогда, он под впечатлением неотразимого давления таланта...»².

«Нет сомнения, - замечает П. Сергич,- что оправдывая Кронеберга, присяжные подчинились не рассудку, а чувству антипатии, внушенной им по отношению к девочке. Но если бы обвинитель сумел вызвать в них то чувство, которого боялся защитник, их решение, вероятно, было бы другое»³.

¹ Цитируется по: Сергич П. Искусство речи на суде... - С.256.

² Там же. - С.257.

³ Там же. - С.259.

Можно ли обвинить Спасовича за то, что он сделал своим талантом, или следует обвинить прокурора за то, чего он не сделал? Одно верно, избежать внушающего воздействия судебных прений невозможно; особенно сильно оно влияет на непросвещенную аудиторию, в том числе на присяжных заседателей. Никакие запреты тут не помогут. Единственное, что может противостоять неправомерному внушению - железная логика и убедительность доказательств, используемых второй стороной. Внушение бес- сильно против надежных и умело представленных аргументов.

Итак, основной способ достижения судебным оратором преследуемой им цели - убеждение. Термин убеждение имеет несколько значений. Им обозначается и состояние уверенности в правильности собственного знания (так называемое внутреннее убеждение, являющееся методом оценки доказательств в уголовном процессе), и коммуникативное действие, на- правленное на создание такой же уверенности у другого лица (других лиц), совершаемое путем обоснования своей точки зрения. Конкретные приемы убеждения мы рассмотрим в одной из следующих лекций.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ. ПРЕДМЕТ И СОДЕРЖАНИЕ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Предмет и значение судебной речи

В теории ораторского искусства принято выделять *предмет* и *материал*. «Предмет - это определенная сторона, часть действительности, которую характеризует оратор, материал - это факты, дающие основание конкретно говорить об избранном предмете»¹; предметом судебной речи по уголовному делу в самом общем виде, следовательно, является преступление, вмененное подсудимому в вину, материалом - исследованные судом доказательства.

Исходя из рассмотренной выше цели судебной речи, следует признать, что в судебных речах участников уголовного процесса находят освещение те вопросы, которые должны быть разрешены в судебном приговоре. Именно по поводу этих вопросов стороны вступают в спор, именно по ним каждый из спорящих высказывает свою позицию, они-то и составляют предмет судебной речи.

В таком понимании предмета судебной речи проявляется подчиненная, служебная роль судебных прений. Судебные речи не являются самоцелью и произносятся вовсе не для того, чтобы иметь возможность блеснуть красноречием. Одно из основных свойств судебной речи - её *конкретность*, проявляющаяся в том, что она, во-первых, ограничена рамками конкретного уголовного дела, во-вторых, требованиями уголовно-процессуального закона. Это означает, что предмет судебной речи совпадает с предметом судебного разбирательства, воплощенном в понятии предмета доказывания, который, в свою очередь, преломляется в положениях ст. 303 УПК РСФСР, закрепляющих перечень вопросов, подлежащих разрешению в приговоре суда. Предметом судебной речи, таким образом, является:

- наличие или отсутствие общественно опасного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый,
- наличие или отсутствие в этом деянии состава преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено,
- виновность подсудимого в совершении этого преступления.
- необходимость применения к подсудимому наказания и какого именно,
- необходимость отбытия этого наказания подсудимым и в каком виде исправительного учреждения.

---

¹ Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. - М., 1995. - С. 37

- подлежит ли удовлетворению заявленный в деле гражданский иск и в каком размере, подлежит ли возмещению материальный ущерб, если иск не был заявлен потерпевшим,

- как поступить с вещественными доказательствами, на кого возложить судебные издержки и др.

В этой связи следует отметить неправомерность отождествления предмета и содержания судебной речи¹. Предмет судебной речи - это подлежащие освещению в ней вопросы, т.е. то, *о чем* должен говорить оратор. Содержание речи - это то, *что* оратор говорит о предмете, *из чего* состоит судебная речь. Если предмет речи определяется прежде всего правовыми нормами, содержащими перечень вопросов, ответ на которые должен быть дан как в речи, так и в приговоре, то содержание речи зависит от конкретных обстоятельств дела. Предмет судебной речи одинаков для всех уголовных дел, содержание - различно, индивидуально.

С вопросом о предмете судебной речи связан и вопрос о том, кому она адресована. В многочисленных определениях судебной речи говорится, что она адресована суду, всем участникам судебного разбирательства и всем присутствующим в зале судебного заседания. Н.Н. Ивакина говорит о наличии четырех адресатов - суда, процессуального оппонента, подсудимого, присутствующих. Такая постановка вопроса неверна в принципе. Служебный характер судебной речи, проявляющийся в четкой обрисовке её предмета, позволяет утверждать, что судебный оратор адресует свое выступление только суду. Именно суд выступающий в прениях должен убедить в своей правоте, т.к. от суда он ждет справедливого приговора. Все доводы, все аргументы, все сомнения и возражения по поводу сказанного оппонентом адресуются суду. Конечно, выступающий в прениях не может не учитывать присутствие публики и её реакции на свое выступление. Он может даже адресовать часть своих аргументов залу или конкретному лицу, но это лишь ораторский прием, позволяющий подчеркнуть определенное обстоятельство и привлечь внимание суда. Точно так же суду адресованы те возражения, которые стороны высказывают по поводу сказанного друг другом. Как прокурор, так и адвокат знают, что переубедить противника, имеющего собственное убеждение, как правило, невозможно. Поэтому выражения типа «признайтесь, господин обвинитель, что Вы не правы», «подсудимый, я обращаюсь к Вам» не более чем риторический прием.

Значение судебной речи велико. Выступление с речью - одно из процессуальных прав широкого круга участников судебного разбирательства, ограничение которого судебной практикой рассматривается как ограничение права на судебную защиту. Конституционный суд РФ постановлением

¹ Такое отождествление можно обнаружить в работе З.В. Макаровой: «в предмет судебной речи входит анализ и оценка доказательств... каждая судебная речь должна обязательно содержать те элементы, которые образуют её предмет...». (см.: Макарова З.В. Судебная речь... - С. 12, 13)

от 15 января 1999 года признал право потерпевшего на участие в судебных прениях по всем уголовным делам. Тем самым был расширен круг обязательных участников судебных прений. Выступая с речами, участники прений подводят итоги исследования в судебном заседании всех обстоятельств дела, аргументируют свои позиции относительно доказанности обвинения и квалификации преступления, формулируют предложения о наказании и т.д. Право на выступление - важная гарантия судебной защиты и справедливого разбирательства дела, реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда непосредственно перед удалением его в совещательную комнату для вынесения решения.

Судебная речь по уголовному делу является мощным средством психологического воздействия на состав суда, побуждающим к определенным действиям и определенным решениям. Судебная речь выступает важным средством правовой пропаганды, способствует повышению уровня правовой грамотности граждан, воспитывает уважение к закону, правам и свободам личности.

2. Содержание и форма (композиция) судебной речи

Итак, содержание судебной речи - это все то, что говорит оратор о её предмете, т.е. о вопросах, составляющих предмет судебного разбирательства. Это содержание излагается в определенной последовательности, оно имеет свою структуру. Структура судебной речи и есть её форма. Иногда к структуре судебной речи применяется термин *композиция*, означающий построение судебной речи, внутреннее согласование между собой отдельных, составляющих её частей. Содержание судебной речи может быть раскрыто только через анализ её отдельных элементов, поэтому прежде, чем говорить о нем, определим, из каких элементов состоит судебная речь.

Разработанная теоретиками ораторского искусства Древней Греции композиция публичного выступления сохраняет свою актуальность и сегодня. Публичная речь состоит из: а) введения, имеющего целью привлечь внимание слушателей, б) изложения предмета выступления, в) аргументации своих доводов и опровержения доводов противника и г) заключения, в котором подводится итог всему сказанному. Ораторы Древнего Рима делили выступление на пять частей: а) вступление, б) изложение обстоятельств дела, в) приведение доводов в пользу своей точки зрения, г) опровержение доводов противника, д) заключение.

Отступив от этой классической модели, советская теория судебных выступлений в уголовном процессе создала новую композицию судебной речи, состоящую из

- общественно-политической оценки преступления,

- изложения фактических обстоятельств дела,
- анализа и оценки собранных по делу доказательств,
- обоснования квалификации преступления,
- характеристики личности подсудимого,
- соображений по поводу меры наказания и гражданского иска,
- анализа причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложений по их устранению.

Являясь следствием смешения предмета судебной речи и её содержания, такая композиция обвинительной и защитительной речей не могла бы возникнуть и просуществовать в условиях состязательного судопроизводства. Она не пригодна для ведения полемики, спора, в ней отсутствует состязательный дух, характерный для судебной речи. Предлагаемая структура судебного выступления, охватывающая все решаемые судом вопросы, отражает господствовавшее долгое время учение о единой цели процессуальной деятельности всех участников судебного разбирательства. Сегодня каждый из указанных вопросов может рассматриваться как элемент содержания судебного выступления только в том случае, если стороны расходятся в его оценке или доказанности, например, во взглядах на квалификацию преступления или характер причин и условий, способствовавших совершению преступления. Однако в таком случае тот или иной вопрос, составляющий предмет судебной речи, должен быть освещен в традиционной последовательности: изложение предмета спора, своего взгляда на него, аргументов в их обоснование, опровержение доводов противника и выводов.

Таким образом, схема ведения судебного спора, принятая в античные времена, остается неизменной. Однако учитывая произошедшее с тех пор усложнение предмета доказывания по уголовному делу, судебную речь условно можно разделить на три основные части: а) вступление, б) основную часть, имеющую собственную структуру, и в) заключение.

Структура и сложность основной части судебной речи зависит от количества элементов, составляющих предмет судебного спора. Каждый вызывающий разногласия по конкретному делу вопрос излагается в традиционной последовательности: определение сути разногласий, изложение своей позиции и аргументов в её подтверждение, рассмотрение и опровержение доводов противника, заключение. Таким образом, композиция судебной речи по уголовному делу может иметь весьма сложную структуру. При этом композиции обвинительной и защитительной речей различны. Защитник, выступая вторым, имеет возможность исключить из своего выступления все то, что не нуждается в опровержении. Обвинитель, на котором в состязательном процессе лежит обязанность доказывания, не может оставить без внимания какие-либо вопросы, подлежащие разрешению судом, на основании предположения, что защита не намерена их оспаривать. Прокурор обязан обосновать позицию обвинения по всем вопросам: даже

если ему известна позиция защитника, он не может быть уверен в позиции суда, не связанного доводами обвинительного заключения.

В литературе высказывались предложения о законодательном закреплении содержания судебной речи¹. Они неприемлемы принципиально. Каждая речь индивидуальна и своеобразна. Её предмет предопределен задачами судебного разбирательства и в самостоятельном урегулировании не нуждается: оратор просто не может говорить в суде о том, что не имеет отношения к рассматриваемому делу. Содержание же речи целиком и полностью зависит от конкретных обстоятельств дела, поставленной оратором цели, от занятой им процессуальной позиции, соотношения обвинительных и оправдательных доказательств, позиции подсудимого и многих других обстоятельств. Даже перечисленные выше элементы необязательно должны присутствовать в каждом выступлении; выбор темы выступления целиком зависит от оратора, его видения перспектив судебного разбирательства, его оценки фактических обстоятельств дела. Если оратор добивается поставленных целей, не уделяя внимания каким-то обстоятельствам, индифферентным с точки зрения стоящих перед ним задач, это не может быть поставлено ему в вину. Вменение судебному оратору в обязанность во всех случаях следовать установленному шаблону выхолостит творческое начало речи; такая речь обречена на провал.

Рассмотрим общую характеристику отдельных элементов судебной речи, т.е. вступления, основной части и заключения. Каждая из них выполняет свою функцию и каждая по-своему обеспечивает успех судебного выступления.

Начать любую публичную, а тем более судебную речь всегда сложно. Это потом, по ходу выступления к оратору придет вдохновение, возникнут свежие мысли и речь его зажурчит ручейком, польется рекой или обрушится водопадом, а вначале оратор часто испытывает скованность, которая может погубить целое выступление. А этого допускать нельзя: оценка оратору и, следовательно, его доводам закладывается с первых минут.

Роль вступления состоит, по определению Цицерона, в том, чтобы путем тонкой лести заручиться вниманием и благоволением аудитории, расположить её к себе, вызвать доверие. Так поступает конферансье заезжей труппы, убеждая публику, что такого количества подлинных любителей искусства, такого теплого приема, он еще не встречал. Так делает умный прокурор, который исподволь, ненавязчиво намекает на отсутствие у него сомнений в способности суда самостоятельно разобраться в сложных обстоятельствах дела. Так поступает тонкий адвокат, обращающий внимание суда на блестящий анализ доказательств и объективность государственного обвинителя, или начинающий речь с похвалы суду, который вниматель-

---

¹ См.: Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. - Л., 1989. - С. 34.

но и тщательно исследовал доказательства и невзирая на их противоречивость, умело вел корабль правосудия по ухабам трудного пути.

Как готовить и что выбрать темой вступления, будет рассмотрено позже. Однако предостерегу, что хуже вступления, произносимого ради вступления, только искусственное вступление по банальному, заурядному делу. В целом ряде случаев судебную речь целесообразно начать с изложения его фабулы, так как она выглядит в глазах выступающего. Вот как это делает, например, А.Ф. Кони в обвинительной речи по делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова:

«Господа судьи, господа присяжные заседатели! В Лесном, под самым Петербургом, умер одинокий скопец, которого считали - и не без основания - человеком очень богатым. После его смерти найдено несколько векселей и расписок на 77 тыс. руб. и 28 рублей наличности. Так как ни векселям, ни распискам не наступил еще срок, то оказалось, что этот богач прожил, в буквальном смысле, последнюю копейку и рисковал остаться совершенно без необходимых для ежедневных расходов средств, если бы... не поспешил умереть вовремя. Обвинительная власть, однако, не может примириться со столь неожиданным обнищанием. Она полагает, что это обнищание действительно свершилось, но не при жизни покойного, а после его смерти, в ущерб его наследникам - совершилось очень быстро и очень ловко. Она простирает свое любопытствующее недоверие так далеко, что решается считать виновником этого превращения солидных средств в 28 руб. человека, который, по его собственным словам, будучи другом умершего «никогда не сходил с пути чести и добра»¹.

Основные требования, предъявляемые теорией ораторского искусства к вступлению - уместность, краткость, связь с обстоятельствами дела.

Главная часть речи является наиболее важной. В ней излагается позиция оратора, приводятся его доводы и возражения, делаются предложения о способе окончания дела. Главная часть включает: а) изложение обстоятельств дела. б) выяснение предмета спора, в) изложение своих доводов, г) опровержение доводов противника. Соотношение этих элементов главной части индивидуально, однако в любом случае основное внимание должно быть уделено изложению своих доводов и опровержению доводов противника. Как уже было сказано, иногда изложение обстоятельств дела может заменить вступление. Изложение обстоятельств дела может быть совмещено с выяснением предмета спора, если именно в них лежат основные расхождения в позициях сторон. Определяя предмет спора, оратор как бы излагает программу своего выступления, что очень важно как для восприятия речи слушателями, так и для самого оратора, поскольку помогает строить выступление в определенной логической последовательности.

---

¹ Кони А.Ф. Избранные произведения... - С. 260.

Не менее важной частью судебной речи является заклЮчение. Конеч - всему делу венеч. Психологические закономерности запоминания таковы, что начало и конец любого события или явления отпечатываются в памяти лучше, чем его середина. Эта закономерность, называемая фактором края, обуславливает запоминание последних фраз, а вместе с ними того впечатления, которое они вызывают. Поэтому конец речи должен быть ярким и эффектным, точным и кратким. Придумать хорошее заключение трудно. Некоторые ораторы никак не могут завершить речь, повторяя несколько раз одно и то же. Это снижает эффект выступления, поэтому очень важно вовремя остановиться. Примером может служить окончание речи по делу Дмитриевой, обвиненной в покушении на убийство. Защиту осуществлял Ф.Н. Плевако и подсудимая была оправдана. Вот что он сказал в завершение своих доводов:

«Если мой взгляд на дело имеет за себя нечто, достойное вашего внимания, то вы в вашем совещательном зале не откажетесь дать место и ему; может быть, согласившись с ним, вы одновременно и спасете молодую жизнь и разрешите предложенное вам дело с наибольшей вероятностью. А от человеческого суда никто не имеет права требовать более этого. Безусловная истина доступна одному Богу»¹.

Заключение бывает необходимо и при подведении промежуточных итогов. Оно бывает важно, если оратор оспаривает или утверждает несколько положений. Завершая анализ каждого из них, следует акцентировать внимание слушателей на вытекающем из этого анализа выводе. Промежуточные итоги не только структурируют речь, но привлекают внимание слушателей, способствуют лучшему запоминанию ими услышанного. В противном случае к концу выступления слушатели забудут многие из высказанных оратором аргументов.

3. Особенности выступления в суде присяжных

Учреждение в России суда присяжных ставит перед выступающими в суде прокурорами и адвокатами новые задачи и открывает перед ними новые горизонты. Впервые в послеоктябрьский период у защитника появилась реальная возможность добиться оправдательного приговора. Впервые прокурор почувствовал, что значит обязанность доказать предъявленное обвинение. Суд присяжных - это суд непрофессионалов, суд свободных и независимых от власти людей, свободных от личных взаимоотношений с постоянными для профессионального судьи партнерами по судебным заседаниям, от предубеждения и профессиональной деформации. Суду присяжных нельзя приказать принять решение по политическим мотивам, его

¹ Плевако Ф.Н. Избранные речи. - М., 1993. - С.453.

нельзя остановить угрозой непредоставления квартиры. Первые годы работы суда присяжных показали его демократическую сущность, продемонстрировали преимущества подлинной состязательности. В 20 случаях из 100 присяжные выносят вердикт «не виновен», практически по каждому делу исключают из разбирательства доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Функционирование судов присяжных создает новые ориентиры для всей судебной практики, способствует её совершенствованию.

Существенные отличия при рассмотрении дела судом присяжных имеют и прения сторон.

Во-первых, законодательство о суде присяжных изменило состав участников судебных прений – одновременно и расширив, и сузив его. Уже в 1993 году потерпевший получил право выступать с обоснованием своей позиции по всем обсуждаемым судом присяжных вопросам, тогда как по делам, подсудным обычному суду, потерпевший еще долго был лишен такой возможности. Законодательство о суде присяжных поставило точку в дискуссиях о том, какую функцию в уголовном процессе выполняет потерпевший. В соответствии со ст. 430 УПК полный или частичный отказ прокурора от обвинения влечет прекращение дела судом только при отсутствии возражений со стороны потерпевшего. Это значит, что потерпевший принимает обвинение на себя, превращаясь из субсидиарного обвинителя в основного. Эта новелла имеет значение гарантии права потерпевшего на судебную защиту и восстановление нарушенных преступлением интересов, т.к. гарантирует рассмотрение дела судом даже в том случае, если прокурор придет к выводу о недоказанности обвинения. Рассматриваемое правовое положение, бесспорно, усиливает состязательность судебного разбирательства и расширяет пределы диспозитивности – возможности распоряжения своими процессуальными правами как для прокурора, так и для потерпевшего.

Одновременно из числа участников судебных прений исключены общественные обвинители и общественные защитники (ч.1 ст. 447 УПК). Тем самым законодатель признал их давно очевидную практическую бесполезность.

Во-вторых, внесены изменения в порядок выступлений с речами. В суде присяжных прения разбиты на две части, каждая из которых соответствует определенному этапу процедуры судебного разбирательства.

Судебное разбирательство при рассмотрении дела судом присяжных распадается на два этапа, что обусловлено разделением компетенции между присяжными заседателями и профессиональным судьей, председательствующим в судебном заседании. Решение вопросов о фактической стороне дела отделено от решения сугубо правовых вопросов, в связи с чем и стороны адресуют свои аргументы отдельно присяжным заседателям и отдельно председательствующему судье.

Основная часть судебной речи - это речь, произносимая перед присяжными, поскольку именно присяжные решают вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а также о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения или особого снисхождения. Произнесение такой речи требует особого мастерства. Виновность подсудимого весьма часто зависит от наличия в его действиях состава преступления, однако в соответствии с ч.1 ст. 435 УПК присяжные должны ответить лишь на вопросы: а) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, б) совершил ли это деяние подсудимый и в) виновен ли он в его совершении. И хотя формально вопрос о наличии в действиях подсудимого состава преступления и его юридической квалификации присяжными не рассматривается, однако отсутствие состава преступления в деянии - свидетельство невиновности подсудимого. В связи с этим прокурор не просто обязан доказать присяжным, имело ли место вменяемое подсудимому деяние, но также то, что это деяние уголовно наказуемо, т.е. является преступным. Соответственно и защитник, избравший темой своей речи невиновность подсудимого в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, не может не затронуть уголовно-правовой природы содеянного. От судебного оратора по такому делу требуется умение излагать сложные юридические вопросы в понятной присяжным заседателям форме.

Закон ограничивает пределы ознакомления присяжных с материалами дела, следовательно в судебных речах стороны не вправе ссылаться на те обстоятельства и доказательства, которые присяжными не были исследованы. Это в первую очередь касается обстоятельств, связанных с прежней судимостью обвиняемого, которая в соответствии с ч. 6 ст. 446 УПК не доводится до сведения присяжных заседателей. Такое правило обусловлено необходимостью избежать влияния на присяжных внушающего воздействия негативной информации о личности обвиняемого, сохранить их непредвзятость в оценке обстоятельств дела. Мне пришлось непосредственно столкнуться с этим явлением при участии в качестве народного заседателя в рассмотрении уголовного дела по обвинению С. в преступлении, предусмотренном статьей 103 УК РСФСР, - умышленном убийстве без отягчающих обстоятельств (в действующем Уголовном кодексе это ч.1 ст.105). Прямые доказательства совершения С. убийства своей жены отсутствовали, однако суд использовал в качестве одного из косвенных доказательств вины подсудимого ставший известным ему факт 15-летней давности, когда С. так же, как и в рассматриваемом деле, из ревности и тем же способом - ударом ножом в грудь - пытался убить свою первую жену. Оглядываясь назад и положа руку на сердце, я не могу не признать, что это обстоятельство сыграло известную роль в постановленном с моим участием обвинительным приговоре.

В суде присяжных не исследуются доказательства, полученные с нарушением закона и исключенные из судебного разбирательства (ч.3 ст.433

УПК) еще во время предварительного слушания. Ст. 435 УПК адресует требование об исключении недопустимых доказательств и судье, рассматривающему дело уже в стадии судебного разбирательства. Сделано это на тот случай, когда о нарушении процедуры собирания доказательства стало известно после начала судебного заседания. Если исследование такого доказательства все же состоялось, председательствующий обязан признать доказательство недопустимым и объявить исследование несостоявшимся. Не вправе ссылаться на исключенные судом доказательства в обосновании своих утверждений и стороны. Об этом прямо указано в ч. 1 ст. 447 УПК: стороны не могут упоминать доказательства, не подлежащие рассмотрению с участием присяжных заседателей. Председательствующий вправе остановить выступающего в прениях участника процесса, если он нарушает данное правило.

Ч. 5 ст. 446 УПК предусматривает право стороны ходатайствовать об исследовании доказательства, исключенного судом из разбирательства. При этом содержание доказательства не излагается, выслушивание мнения участников по заявленному ходатайству и принятие решения производятся без участия присяжных заседателей. Если суд отказал в удовлетворении ходатайства, сторона, будучи не согласной с решением суда, не может в своей речи сослаться на такое доказательство.

Второй этап судебных прений начинается после оглашения вердикта присяжных. Предмет судебной речи на этом этапе определяется теми вопросами, которые на основе вердикта и во его исполнение должен разрешить судья, председательствующий в судебном заседании по данному делу. Это а) квалификация преступления, б) мера наказания, в) разрешение заявленного в уголовном деле гражданского иска, г) признание подсудимого особо опасным рецидивистом и иные вопросы, требующие специальных сугубо юридических познаний.

Судебным выступлениям по указанным вопросам предшествует своего рода продолжение судебного следствия, во время которого исследуются необходимые для их разрешения доказательства, в том числе связанные с прежними судимостями обвиняемого. Речи сторон и на этом этапе имеют определенные ограничения. В частности, стороны не имеют право ставить под сомнение правильность вердикта присяжных (ч. 3 ст. 458 УПК). При нарушении ими этого правила председательствующий вправе сделать замечание (ч. 4 ст. 458).

Выступление во второй части судебных прений для стороны, не согласной с вердиктом присяжных заседателей, представляет немалые сложности. Особенно это касается защитника, избравшего темой основного выступления невиновность подзащитного. Представляется, что защитник не вправе, ссылаясь на свою позицию, уклониться от обсуждения вопроса о квалификации действий подсудимого и наличии обстоятельств, влияющих на выбор вида и размера наказания. Подобное поведение следовало бы

расценивать как отказ в предоставлении защиты, однако и выступление в такой ситуации достаточно сложно. С одной стороны защитник не может отступить от избранной им линии защиты, с другой - не вправе подвергать правильность уже оглашенного вердикта. Специфику такой защиты, называемой альтернативной, мы рассмотрим при подробном анализе защитительной речи.

Еще одна особенность рассмотрения дела судом присяжных заключается в том, что право произнесения речи по таким делам принадлежит и председательствующему, который обращается к присяжным заседателям с напутственным словом перед удалением их в совещательную комнату. Выступление председательствующего вносит заметные коррективы в судебную процедуру обычного судопроизводства, в котором суд удаляется на совещание сразу же после произнесения подсудимым последнего слова и под вызвавшим его впечатлением. Однако напутственное слово председательствующего играет не менее важную роль, оно обусловлено необходимостью сконцентрировать внимание присяжных на вопросах, поставленных перед ними на разрешение, и доказательствах, которые были исследованы судом.

После речей сторон присяжные могут испытывать сложные и противоречивые чувства, прения сторон стирают из памяти присяжных те впечатления, которые были вызваны непосредственным исследованием доказательств; сами доказательства сторонами истолкованы, оценены, а порой и изложены по-разному, эмоционально, а иногда не вполне добросовестно. Роль председательствующего заключается в том, чтобы напомнить присяжным содержание обвинения и доказательств, на которых оно основано, кратко сформулировать позицию сторон, дать представление о критериях, по которым им следует оценивать доказательства.

Выступление с напутственным словом требует от председательствующего и красноречия, и мастерства. Председательствующий не вправе в какой-либо форме выражать свое мнение по поставленным на разрешение присяжных вопросам (ч. 2 ст. 451 УПК). Он должен быть беспристрастен и объективен, что, однако, не просто, поскольку у судьи во времени произнесения напутственного слова сложилось собственное мнение и по вопросам, отнесенным к компетенции присяжных. Нарушение председательствующим принципа объективности при произнесении напутственного слова является основанием к отмене приговора. Однако заинтересованная сторона должна заявить свои возражения по поводу напутственного слова своевременно, т.е. в ходе судебного заседания. Пленум Верховного суда РФ, придавая важное значение объективности слова председательствующего, в Постановлении от 20 декабря 1994 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» требует, чтобы содержание напутственного

слова было подробно изложено в протоколе или приобщено к делу в письменном виде в полном объеме (п. 21).

Напутственное слово председательствующего, естественно, не входящее в состав судебных прений, представляет собой судебную речь особого рода, которая как и любая другая судебная речь требует хорошей подготовки и ораторского мастерства.

Наконец, речи сторон в суде присяжных имеют особенности, обусловленные составом слушателей и спецификой их восприятия. Слово обвинителя и защитника в суде присяжных должно дойти до каждого из них и каждого из них убедить. Особенности коллективного восприятия таковы, что большое количество обрушенных на слушателей аргументов при вынесении вердикта уменьшается до такой совокупности, которая была воспринята и запечатлена большинством присутствующих. Обращенные к присяжным аргументы должны быть рассчитаны не на отдельного слушателя, а на достаточно разнородную массу, что требует знания и учета психологии личности и группы. Кроме того, присяжные заседатели более, чем профессиональные судьи, подвержены внушающему воздействию со стороны выступающих в прениях, поэтому эффективным является использование доводов, обращенных не к разуму, а к чувствам слушателей. Прав был В.Д. Спасович: «Присяжные судят более по впечатлениям, а не по логическим выводам».

В связи с этим возникает вопрос о сочетании в судебной речи эмоционального и рационального, который будет рассмотрен позже.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ. ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Изучение материалов дела

Успех выступления во многом определяется его подготовкой. Нет сомнения, что без тщательной подготовки не может быть хорошей речи. Процесс подготовки сложен и длителен. Он начинается с предварительного изучения материалов уголовного (а равно и любого) дела.

Не все придадут значение этому аспекту подготовки судебного выступления, иногда рассчитывают, что сумеют постичь обстоятельства дела непосредственно в ходе судебного заседания - ведь суд будет оглашать обвинительное заключение (благо, и само заключение у прокурора и адвоката имеется), допрашивать подсудимых и свидетелей, огласит и документы, имеющиеся в деле. Практика показывает, что этот расчет часто оказывается несостоятельным.

Во-первых, не зная дела, участник процесса не может быть уверен в том, что суд огласил все материалы дела, равно как и в том, что органы расследования собрали все необходимые с его точки зрения доказательства.

Во-вторых, незнание материалов дела препятствует использованию участником процесса возможности реализовать право на заявление ходатайства о дополнении судебного следствия: не зная, какая еще в деле есть информация, сложно определить, чем её можно дополнить, тем более что указание на возможность и направление продолжения поиска доказательств нередко содержится в уже имеющихся в деле доказательствах. Учитывая, что в последнее время в науке все чаще высказывается мысль об освобождении суда от всех рудиментов обвинительной власти, в том числе и от права по своей инициативе собирать и исследовать дополнительные доказательства¹, нашедшая подтверждение в ряде постановлений Конституционного суда РФ, следует признать, что надлежащее выполнение участником уголовного процесса, в первую очередь прокурором, обязанностей по отношению к доказыванию предопределяет успех всей его процессуальной деятельности.

В-третьих, не подготовившись как следует к судебному разбирательству и не зная, какая конкретно информация содержится в том или ином протоколе, участник процесса рискует попасть впросак. Иногда адвокат или прокурор заявляют в суде ходатайство об оглашении чьих-либо пока-

---

¹ См. об этом подробнее другие работы автора, в том числе: Проблемы теории и практики судебной защиты в уголовном процессе. - Самара: Изд-во "Самарский университет", 2000.

заний, данных на предварительном следствии, но не могут указать необходимые листы дела. Пытаясь найти соответствующий протокол по описи, судья нервничает, порядок процесса нарушается. В итоге выясняется, что тех показаний, на которые сторона указала, в оглашенном протоколе нет. В действительности же они в деле имеются, но совсем в ином протоколе. Таких конфузов можно и нужно избегать.

В-четвертых, для обоснования участником процесса его позиции очень важны бывают противоречия в показаниях того или иного лица, поскольку они позволяют оценить доказательство как недостоверное или сомнительное. Вообще для правильной оценки показаний всегда важны детали, которые в обвинительном заключении могут отсутствовать и, как правило, отсутствуют. Заметим, что при правильном составлении обвинительного заключения в нем и не должно содержаться пересказа показаний обвиняемых, потерпевших, свидетелей.

В-пятых, успех судебной речи в значительной степени подготавливается активной работой на судебном следствии; незнание материалов дела не способствует проявлению такой активности.

В-шестых, обстановка судебного заседания не дает участнику процесса возможности без предварительного изучения дела анализировать доказательства с точки зрения их согласованности между собой, проследить процесс формирования показаний, условия обнаружения вещественных доказательств и т.п., а следовательно, дать им надлежащую оценку.

Перечень проблем, возникающих в связи с плохой подготовкой оратора к участию в судебном процессе, может быть и продолжен, однако, думается, и без того ясно: **оратор должен знать материалы дела досконально.**

Изучать следует не только доказательства, но и все процессуальные документы, в том числе постановления следователя и определения суда. В уголовном деле нет и не может быть мелочей или несущественных деталей. Каждый начинающий прокурор или адвокат допускает ошибки, которых можно было избежать и которые многие годы потом бередят душу и не дают покоя. Такой случай был и в моей практике как совсем еще молодого государственного обвинителя. Мне предстояло поддерживать обвинение по делу об умышленном убийстве и разбойном нападении, совершенных преступником-рецидивистом и вовлеченным им в преступление 15-летним подростком. Обвинение обоим подсудимым было предъявлено по п.п. «а» и «б» ст. 102 УК РСФСР – умышленное убийство, совершенное из хулиганских и корыстных побуждений. Однако при рассмотрении дела в стадии предания суду (так называлась тогда стадия назначения судебного заседания) судья в определении один из этих пунктов «потерял», просто забыл указать. Готовясь к делу, я на определение о назначении судебного заседания не обратила внимания, а в суде требовала для старшего из преступников казавшейся для него тогда справедливой смертной казни. Суд с

смаывая дело по кассационной жалобе осужденного. Верховный суд РСФСР был более внимателен. Установив, что обвиняемый был осужден за преступление, по которому он не был предан суду, суд изменил квалификацию преступления, исключив из обвинения п. «б» ст. 102, и в связи с этим заменил наказание на 15 лет лишения свободы. Невнимательность, проявленная мною тогда, непростительна, хотя допущенная ошибка сегодня вспоминается с облегчением: как бы ни было тяжко преступление (а рассмотренное - не из разряда самых ужасных), сегодня мне не хотелось бы быть причастной к чьей-то смерти.

Еще одним примером такой «мелочи» может служить уголовное дело по обвинению С. в убийстве его жены. В деле имелась выписка из книги регистрации вызовов «скорой помощи». Она содержала информацию, которую могли в своих интересах использовать обе стороны, но они её просто не заметили. Во-первых, в журнале регистрации, как следовало из выписки, зафиксировано время телефонного звонка - 5 часов 45 минут. Этот факт в совокупности с другими неопровержимо доказывал, что С. позвонил в службу "Скорой помощи" не сразу после нанесения ранения жене, а спустя примерно час, что давало ему необходимое время для инсценировки места происшествия. Это обстоятельство ставило под сомнение правдивость показаний С. о том, что он бросился звонить в тот же миг, как увидел свою жену раненой. Ко времени этого звонка потерпевшая была мертва не менее часа, а со слов звонившего в журнале регистрации записало: «Пырнула себя ножом, умирает». Эта запись опровергала и другие показания С. По его словам, он поехал вызывать "Скорую помощь" и увидел идущих впереди супругов Л-ных, своих гостей, которых только что выгнал из дома. На мой вопрос почему не удивился, что подруга ушла, оставив раненую одну, не остановился спросить её об этом, С. ответил, что решил, что его жене стало лучше. Но если он так решил, то почему врачу "Скорой помощи" сказал, что она умирает?

Кроме того, в этом документе была неверно указана фамилия потерпевшей, что давало основание защитнику поставить под сомнение только что приведенные обвинительные аргументы, если бы они были высказаны прокурором. Учитывая раннее время, сонный врач скорой помощи мог не расслышать не только фамилию, но и остальные слова звонившего, а также неверно указать время вызова. Использовал же такой прием адвокат Холев, защищавший Александру Максименко, обвиненную в убийстве своего мужа путем его отравления мышьяком, который в большом количестве был обнаружен во внутренних органах покойного. Учитывая наличие противоречивых медицинских заключений о причинах смерти Максименко и вероятность того, что смерть была вызвана также параличом сердца или только что перенесенным тифом, присяжный поверенный так объяснил обстоятельства попадания мышьяка в организм покойного: умер человек больной, картина смерти не соответствует смерти от отравления мышья-

больной, картина смерти не соответствует смерти от отравления мышьяком, который мог попасть в организм уже после смерти. По делу было установлено, что врач, производивший вскрытие тела, мыл руки сулемой над открытой полостью живота, но никаких следов сулемы во внутренних органах покойного не обнаружено. Это обстоятельство и использовал адвокат, заявив, что «сонный аптекарский ученик, отпуская ночью сулему, дал по ошибке вместо сулемы мышьяк - жидкость, которая внешне не отличается от сулемы». Конечно, это лишь ничем не подтвержденная гипотеза, но и вышеприведенные заключения врачей о причинах смерти больного - не категоричные и противоречащие одно другому - тоже не более чем гипотезы, и адвокат мастерски использовал этот факт на пользу обвиняемой.

Что значит - изучать материалы дела? Разумеется, не только прочитывать, но и проанализировать доказательства, сопоставить между собой, проследить процесс формирования каждого, оценить с точки зрения относимости и допустимости, наличия или отсутствия внутренних противоречий. Типичной ошибкой является игнорирование постановлений следователя, между тем они позволяют понять логику расследования, обнаружить нарушения закона, ущемления прав личности, которые можно использовать в речи для обоснования недопустимости использования доказательств. Нельзя игнорировать и доказательства, относящиеся к тем эпизодам, которые вменяются подсудимым, защищаемым другими адвокатами.

Как изучать материалы уголовного дела, с чего начинать? На этот счет существуют разные рекомендации и относиться к ним нужно именно как к рекомендациям, т.е. творчески, с учетом особенностей каждого конкретного дела, собственных способностей и прочих обстоятельств.

Известно два способа изучения дела: хронологический и систематический. При использовании первого оратор последовательно изучает все материалы уголовного дела, начиная с первой страницы. Достоинства этого способа заключаются в том, что он позволяет постичь логику расследования преступления, обстоятельств, связанных с появлением тех или иных доказательств. Этот прием обеспечивает полноту изучения доказательств, исключает пробелы и пропуски. Наиболее целесообразен он для изучения материалов небольшого по объему дела с одним обвиняемым, одним или небольшим количеством эпизодов. Дела более сложные, многоэпизодные, в отношении нескольких соучастников, каждый из которых обвиняется в разных преступлениях, требуют предварительного изучения обвинительного заключения, выяснения всего объема обвинения и роли каждого из обвиняемых. Однако и прокурору, и адвокату следует помнить, что обвинительное заключение отражает лишь версию органа расследования, поэтому доказательства в нем приведены не все, а лишь подтверждающие эту версию, причем им дана соответствующая, односторонняя оценка. Само изложение в обвинительном заключении содержания доказательств может быть тенденциозным. Например, по делу III-вой, обвиняемой в мошенни-

честве, следователь в обвинительном заключении искажил содержание документа, используемого в качестве обвинительного доказательства. В тексте расписки о получении III-вой денег было сказано, что эти деньги ей передаются в качестве аванса за продаваемую ею квартиру. Следователь же в указанном официальном документе слегка «подправил» содержание расписки, указав, что в ней говорится об авансе за продаваемую секцию в общежитии. Между тем точный текст расписки имел важное значение, поскольку по версии обвинения III-ва получила от потерпевших деньги путем обмана, выразившегося в её обещании предоставить им для проживания секцию в студенческом общежитии, а обвиняемая утверждала, что получила деньги в долг.

Поэтому изучение обвинительного заключения должно быть критическим, а выводы органа расследования проверены с помощью самих доказательств. В любом случае изучены должны быть все имеющиеся в деле документы, «от корки до корки», независимо от сложности дела или кажущейся простоты. Как чувствует себя в судебном заседании не подготовившийся участник процесса, хорошо описал в своих воспоминаниях более ста лет тому назад М.Ф. Громницкий, бывший тогда товарищем прокурора Московского окружного суда. Вот что он пишет:

«Занятый мелочными текущими делами (правильнее, бездельем), я собрался прочесть это дело за несколько дней до его слушания. Прочитав объемистый обвинительный акт, вижу, что дело сложное, но не трудное; приступаю к предварительному следствию - четыре или пять томов не особенно толстых. Начинаю читать первый том - почерк судебного следователя оказывается невозможным: провозился весь вечер и почти ничего не прочел. В следующий вечер - те же результаты; бросаю первый том и берусь за второй (о другом преступлении). Оказывается, что второе преступление обследовано другим следователем, почерк которого еще хуже, чем у первого. Следующие тома - та же история - новый судебный следователь с еще более невозможным почерком. Побился-побился я два-три вечера и решил, не откладывая дела в долгий ящик, выступить с одним обвинительным актом... Три дня продолжалось судебное следствие, и эти три тяжелых дня я помню и теперь еще¹. Я был как на углях, каждую минуту ждал сюрприза, который мог бы обнаружить мое слабое знакомство с делом; внимание, понятно, развилось до болезненности - отсюда страшное утомление... В 1980 году мне пришлось говорить на 20-й день судебного следствия, и я был менее утомлен, чем тогда! На четвертый день, после окончания судебного следствия, я буквально считал себя счастливейшим смертным!»².

¹ Описанные события имели место за 26 лет до воспоминаний.

² Громницкий М.Ф. Речь прокурора на суде по уголовным делам // Судебное красноречие русских юристов прошлого. - М., 1992. - С. 109.

При изучении материалов дела рекомендуется делать выписки из него; здесь же отмечать возникшие по ходу изучения вопросы, разного рода неясности и неточности, которые должны быть выяснены и уточнены во время судебного заседания. В таком ответственном деле, каким является поддержание государственного обвинения или защита подсудимого, нельзя полагаться лишь на память: подвести может и самая совершенная память, чему способствует множество уголовных дел, одновременно находящихся в вашем производстве, истечение определенного, иногда значительного (например, в связи с отложением судебного заседания) срока после изучения дела и т.п. Целесообразно сразу же группировать изучаемый материал в зависимости от его отношения к избранной вами линии поведения на суде. Вокруг сведений, которыми вы намерены обосновывать версию защиты или обвинения, группируются так называемые вспомогательные доказательства, подтверждающие достоверность, правдивость этих сведений. К доказательствам, противоречащим избранной линии поведения на суде, присоединяются те сведения, которые могут их опровергнуть. Отдельно формируется группа нейтральных до определенного времени доказательств и продумывается тактика превращения их в «свои» доказательства, защиты от использования в качестве таковых второй стороной. Обязательно выписывание фамилий основных и второстепенных «фигурантов», важных с доказательственной точки зрения дат, сумм. Это не только поможет вам в судебном выступлении, но и не позволит уронить авторитет, что неизбежно происходит, если оратор путается в фамилиях, цифрах и датах.

Изучение материалов уголовного дела и выписывание из него нужной информации позволяет составить не только план выступления, но и план участия в судебном следствии, связь между которыми самая непосредственная. Чем больше неясностей и противоречий, имеющихся в каждом деле, во время судебного следствия будет устранено или, наоборот, посеяно, тем больше шансов на победу во время судебных прений. Поэтому, делая выписки из дела, следует тут же фиксировать вопросы, которые предполагается задать во время допроса того или иного лица, продумать ходатайства, которые, возможно, придется заявлять. При этом следует сразу же, как рекомендовал еще П. Сергеич, отделить установленное от неизвестного и от сомнительного с тем, чтобы заранее определить, как воспользоваться установленным, прояснить сомнительное, установить неизвестное. В любом уголовном деле всегда больше сомнительного, чем бесспорного, умелое обращение с информацией поможет в достижении цели выступления. Даже при хорошем качестве предварительного расследования остаются сомнения, обусловленные спецификой самого преступления, сложностью и неоднозначностью его фактических обстоятельств и юридической квалификации. Поэтому нельзя принимать на веру те объяснения фактов, которые дает следователь в обвинительном заключении.

Каждый факт подлежит изучению не только с точки зрения избранной тактики участия в судебном заседании, но и с точки зрения своего процессуального оппонента. Оценивая обстоятельства дела и выстраивая собственную версию, полезно на какое-то время встать на противоположную позицию. Как Вы, адвокат, будучи обвинителем по данному делу, стали бы обосновывать в суде официальную версию и опровергать подготовленные Вами же, адвокатом, доводы? Что Вы, прокурор, став адвокатом, могли бы возразить против версии обвинения? Такое «проигрывание» ситуации с разных процессуальных позиций позволит обнаружить слабые стороны избранной линии защиты или обвинения, а иногда и пересмотреть её; подготовиться к отпору возможных возражений противника, не растеряться от неожиданности.

Готовясь к участию в деле, не лишне обратиться к тексту подлежащего применению закона, посмотреть новую судебную практику, еще раз подвергнуть анализу казалось бы хорошо известное постановление Пленума Верховного суда и вникнуть в суть его разъяснений. Во время выступления оратор должен быть во всеоружии; он не может допустить возникновения такой ситуации, в которой он не знает, как поступить. Участие в судебном разбирательстве требует мгновенной реакции; здесь нельзя отложить размышления на завтра. Оратор должен быть готов к любым аргументам противника, а свою позицию сделать неуязвимой. Знание закона, судебной практики играет в этом не последнюю роль. Конечно и опыт существенно облегчает задачу, а потому, пока собственный опыт не наработан, следует использовать чужой опыт, передаваемый в знаниях.

2. Работа над содержанием и композицией судебной речи

Готовясь к выступлению в суде, прокурор и защитник должны иметь четкое представление о композиции своей речи. Как мы уже знаем, судебная речь состоит из вступления, главной части и заключения.

2.1. Подготовка вступления

Вступление несет большую психологическую нагрузку, подготавливая слушателей к восприятию основного материала. За время вступления оратор должен завоевать внимание аудитории, расположить к себе, вызвать доверие, т.е. подготовить почву для изложения своей позиции. Значение вступления понимали и древние мастера ораторского искусства. Квинтилиан учил: «Единственная цель вступления - сделать слушателя благосклонным к другим частям речи. Все согласны в том, что эта цель лучше всего достигается, когда мы делаем слушающего более благосклонным, более внимательным и более послушным. Это не значит, что в следующих частях речи мы должны совсем бросить заботу о слушателях, но

эта забота особенно нужна во вступлении, чтобы, так сказать, прокрасться в душу судьи и все глубже и глубже в неё проникать».

Поэтому вступление должно быть тщательно продумано. Потом оратор может рассчитывать на то, что увлечется предметом спора, к нему придет вдохновение и середина его речи будет, как всегда, яркой и зажигательной. Но это будет потом, если неудачное начало не испортит все впечатление. Пока оратор не найдет нужного тона, он может не сомневаться, что эта часть выступления не будет услышана. Хуже того, видя невнимания слушателей, порой даже опытный оратор теряет нить рассуждений и может скомкать остаток речи. Возникающие при этом отрицательные эмоции препятствуют возникновению вдохновения, и, таким образом, неудачное начало обеспечивает провал целого выступления.

Вступление тем отличается от главной части речи, что не требует досконального знания обстоятельств дела; оно лишь должно иметь с ними определенную связь и быть уместным, поэтому вступление вполне может быть подготовлено заблаговременно. Цицерон даже советовал придумать заранее несколько вступлений и пользоваться ими по мере надобности. Опытный оратор всегда имеет в запасе достаточное количество вариантов различных вступлений, из которых выбирает наиболее подходящее к случаю, варьируя и модифицируя его в зависимости от потребности.

Однако такая рекомендация не может быть воспринята механически. Представим себе прокурора сельского района или практикующего в этом районе адвоката (а он иногда почти единственный), каждый день выступающего в одном и том же суде перед одним-двумя судьями с подготовленными на все случаи жизни вступлениями.

В идеальном варианте вступление не следует готовить раньше, чем будет готова главная часть, которую оно предвваряет. Как правило, попытки начать подготовку речи, как и письменной работы, непосредственно со вступления, обречены на провал: мысль не идет, фразы не складываются. В таком случае подготовку надо начинать с осмысления того, о чем точно знаешь, что сказать; постепенно, по мере увлечения творческим процессом, эти затруднения исчезают, речь складывается. Тогда и тема вступления становится ясной.

В недавние времена было принято начинать судебную речь с изложения так называемой общественно-политической оценки рассматриваемого судом дела. Начало звучало примерно так: «В то время, как вся страна в едином порыве переживает эпоху ...очередной пятилетки, освоения целины, строительства Байкало-амурской магистрали, перестройки и ускорения...». Завершалась фраза противопоставлением личности подсудимого высоким коллективным устремлениям, что отгораживало его в сознании судей от общества: он не один из нас. Такой штамп был свойственен, главным образом обвинительным речам, которые использовались для профилактики преступлений в среде присутствующей в зале суда публики. Если

дело рассматривалось судом в так называемом выездном заседании - количество рассмотренных в красных уголках предприятий уголовных дел подвергалось тщательному учету и отражалось в статистической отчетности - то прокурору рекомендовалось начинать речь с достижений славного трудового коллектива этого предприятия (цеха, колхоза), который позорит один отщепенец. Такие вступления сразу настраивали против подсудимого не только присутствующих людей, но и рассматривающих дело судей и народных заседателей. Доказывание виновности становилось ненужным.

Вступление никогда не должно состоять из общих фраз и выражений. Как бы ни было красиво такое вступление, от него трудно перейти к существу дела, поэтому такое вступление не облегчает, а затрудняет переход к главной части судебной речи.

Теория и практика ораторского искусства выработали несколько различных видов вступлений. Вступление *простое*, или *естественное*, как правило, заключается в кратком изложении обстоятельств дела, сути разногласий между обвинением и защитой, цели или программы выступления. Оно пригодно для простых дел, незначительных и не представляющих большой общественной опасности преступлений; приемлемо и для тех ситуаций, когда не предвидится принципиального спора между сторонами. Такое вступление годится и когда оратор вполне уверен в расположении к нему аудитории и её внимании. В практике такие вступления наиболее распространены. Например, по делу братьев Бабаниных, обвиняемых в покушении на убийство, Ф.Н. Плевако начал свою речь так:

«Обвинитель несколько смело утверждает, что единственно правильным приговором, какой могут вынести изучившие этот процесс лица, должен быть приговор обвинительный. Пока здесь есть один человек, который, изучив это дело, мнения прокурора не разделяет: этот человек – защитник подсудимых, т.е. я. Надеюсь, что через несколько часов к разделяемому мною мнению присоединятся многие, кто действительно глубоко вникнет в это дело»¹.

При неблагоприятном для оратора настроении аудитории более приемлемо вступление *искусственное*; оно необходимо для того, чтобы преодолеть неприязнь слушателей, изменить их настроение. Яркое вступление особенно важно для защитника, которому необходимо разрушить предубеждение судей, ослабить впечатление, произведенное сильным противником. Однако такое вступление требует значительного мастерства, ибо если за время него оратор не сумеет расположить к себе аудиторию, его речь обречена на провал.

В качестве примера используем отрывок из речи по делу Р., обвинявшегося в хулиганстве. Обстоятельства дела свидетельствовали о крайней малозначительности деяния, вмененного Р. в вину, – между ним и продав-

---

¹ Плевако Ф.Н. Избранные речи... - С. 480-481.

щицей киоска возникла обоюдная перепалка, каждая из сторон допустила нецензурные выражения в адрес другой стороны, однако Р. еще и разбил бутылку пива (обвинением утверждалось, что бутылок было разбито две). Формально действия Р. содержат признаки преступления - хулиганства, но в силу малозначительности состава преступления не образуют. Районный суд постановил обвинительный приговор. Речь защитника в судебной коллегии областного суда начиналась так: *«Я прошу прощения у судебной коллегии за то, что позволю себе напомнить вам: уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан. Поэтому органы расследования в каждом случае обнаружения признаков преступления обязаны возбудить уголовное дело и принять все меры по установлению события преступления, виновных в совершении преступления лиц. Выполняя эту, без сомнения, важную задачу, следственные органы Красноглинского РОВД под неусыпным надзором со стороны районного прокурора в течение двух месяцев вели трудную работу по расследованию преступления, производили задержания, допросы, осмотры, выемки. Наконец, преступление раскрыто. Преступник перед вами».*

К делам, вызвавшим высокий общественный интерес, имеющим особое значение, когда обстановка в зале суда соответствует настроению самого оратора и он ощущает свое единство с аудиторией и уверен в расположении к нему слушателей и своих силах, подходит вступление *торжественное*. Примером может служить отрывок из речи Ф.Н. Плевако:

«Господа присяжные заседатели!

Для подсудимого настала решительная минута: вопрос его чести, его жизни отдан на суд ваш.

Вследствие обвинений, брошенных на него разными лицами, вследствие некоторого согласия в этих обвинениях, давно он уже лишен свободы, давно заключен в тюрьму - эту школу всякого порока, тем более опасную, чем впечатлительней, моложе её воспитанник.

Но обвинение еще не признак виновности подсудимого. И на честную душу может быть подано, сгруппировано самое поразительное обвинение: самая лживая клевета, пока не обсудится, не обследуется, может быть так же стройна, так же логична, как и добросовестное заявление о совершении преступления.

И было время - наше счастье, что оно прошедшее время, - когда записись такое обвинение узаконенным числом свидетелей или сбивчивостью оробевшего или подгулявшего, не ожидая допроса, подсудимого, и далеко от родной стороны приходилось ему раскаиваться в своей робости или носить в сердце чувство недоверия к человеческому правосудию.

Не то теперь!

Вы, представители общественной совести, судите согражданина: перед вами являются обвинитель - со всеми доказательствами, защита - со всеми аргументами, тогда только, все выслушав, все обсудив, вы произносите ваше совестливое решение»¹.

Наконец, вступление может быть *неожиданным*, когда оратор одной фразой, несколькими словами, точно попадающими в цель, многократно усиливает царящее в зале настроение или чувство. Примером такого вступления является речь Цицерона против Катилины: «До каких же пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять терпением нашим?».

Аналогичный пример описан московским адвокатом Е.Ю. Львовой. Выступая по одному из дел, защитник произнес: «*Это обвинительное заключение настояно на страданиях подсудимого, на крови потерпевшего, на слезах жены и детей подсудимого, а каждый факт, изложенный в нем, или извращен или вымышлен, поэтому грош цена ему*» - и порвал обвинительное заключение. Эффект, по описанию Е.Ю. Львовой, был пронзительный: зал суда, набитый слушателями, минуту молчал, потом взорвался аплодисментами².

Перечислить все варианты вступлений невозможно. каждая речь индивидуальна. Однако в литературе, посвященной судебному красноречию, выказано несколько полезных для любого вида вступления советов. В частности, не рекомендуется, по крайней мере без особой необходимости, говорить о себе - оратор должен заставить думать не о себе, а о деле; неуместно кокетничать, говоря о своих недостаточных талантах (уж точно каждый говорящий это уверен в их достаточности); не следует ссылаться на плохое самочувствие, не позволяющее развернуть свое дарование во всю ширь. Вместе с тем, можно и нужно говорить о чувствах, которые вызывает в вас рассматриваемое дело, личность подсудимого или потерпевшего, например так: «*Приступая к изложению обвинения, я не скрою некоторого чувства робости ввиду того крайнего интереса, с которым все общество Варшавы и вся читающая публика вне пределов города следит за ходом процесса об убийстве Марии Висновской*»³; о задаче, которую оратор ставит перед собой в данном деле и средствах их достижения: «*Для того, чтобы признать это обвинение правильно направленным против Колемина, предстоит разрешить два существенных вопроса. Первый из них: есть ли игра в рулетку игра запрещенная? Второй: есть ли в деянии Колемина признаки содержания им игорного дома? Оба эти вопроса тесно между собой связаны*»⁴.

¹ Плевако Ф.Н. Избранные речи... - С. 196.

² Защита по уголовному делу: Пособие для адвокатов / Под ред. Е.Ю. Львовой. - М., 1998. - С. 125.

³ Судебное красноречие русских юристов прошлого... - С. 161.

⁴ Кони А.Ф. Избранные произведения... - С. 230.

Судебную речь можно начать с описания картины преступления, если она поражает воображение: «Утром 6 мая Нефедов, придя к своей родственнице и толкнув дверь, оказавшуюся незапертой, увидел страшную картину – все разбросано, вещи разбиты, всюду кровь, и посреди этого разорения уже остывшее, истерзанное, окровавленное тело»; или, наоборот, настолько обыденна, что прокурорский гнев против подсудимого явно преувеличен. Помните, старушка украла чайник ценою 30 копеек...

Можно начать речь с исключительной важности преступления или какого-либо чрезвычайного или необычного обстоятельства. Подобное вступление использовал профессор Гольцендорф, защищая графа Арнима: «Только в крайнем случае профессор Университета вправе оставить свою аудиторию, чтобы в судебном заседании вступить в борьбу с прокуратурой. Наше теоретическое вооружение годится не для быстрого огня судебных прений, а для долговременной осады крепостных валов, служащих оплотом закоренелых ошибок и унаследованных лживых традиций... Такой случай, когда профессор должен явиться по зову обвиняемого, теперь наступил»¹.

Речь может быть начата с уместной в конкретном случае остроты или шутки, иронии или сарказма по поводу какой-либо части выступления предыдущего оратора. Однако в обвинительной речи остроты и шутки неуместны вовсе. Темой вступления может быть личность подсудимого или потерпевшего, последняя фраза обвинительной речи или предшественника – адвоката; во вступлении можно указать на особый характер доказательств, исследованных судом, например на отсутствие прямых доказательств, сложность доказывания с помощью одних лишь косвенных улик или, наоборот, на ясность, четкость и достаточность доказательств. Во вступлении можно опереться на афоризм, использовать общеизвестные истины, обратиться к судьям с каким-либо призывом. В любом случае вступление не должно быть слишком длинным, слишком сложным, слишком шаблонным.

2.2. Основная часть речи

Не менее тщательно должна быть заранее продумана и основная часть речи. Как уже отмечалось, она распадается на следующие составляющие: а) определение собственной позиции по делу и выявление спорных моментов, б) обоснование этой позиции, т.е. приведение доводов в её подтверждение, в) критика и опровержение доводов противной стороны, г) выводы.

Более сложна композиция судебной речи по многоэпизодным или групповым делам, особенно для обвинителя, поскольку требует обозначе-

¹ Судебное красноречие русских юристов прошлого... - С. 160.

ния позиции оратора и сути разногласий с другой стороной. доводов и возражений по каждому эпизоду.

В теории ораторского искусства предлагается два способа изложения главной части речи - хронологический и систематический. При *хронологическом* способе материал располагается оратором в той последовательности, в которой совершались преступления. Если же несколько преступлений совершены несколькими лицами, целесообразнее использовать *систематический* способ изложения материала. При этом доводы в подтверждение своей позиции и опровержение позиции другой стороны группируются в зависимости от состава соучастников, отношения их к обвинению, наличия или отсутствия доказательств и других существенных особенностей дела. Чаще всего используется и является наиболее целесообразным *смешанный* способ расположения материала, при котором доводы оратора группируются вокруг каждого преступного эпизода, а они, в свою очередь, располагаются в хронологическом порядке.

Такая речь достаточно продолжительна во времени, поэтому в начале её необходимо сразу же обозначить программу выступления (например: «я оспариваю приговор как незаконный, необоснованный и несправедливый»), а саму речь разбить на логические звенья (отдельно представив доказательства незаконности, необоснованности и несправедливости приговора), каждое из которых завершается промежуточным выводом. Формулируя такой вывод, целесообразно напомнить поставленную задачу или обозначенную в начале соответствующей части речи программу доказывания. Таким образом слушатели убеждаются, что оратор сдержал обещание и доказал искомое, пусть и промежуточное, обстоятельство. Это вызывает доверие слушателей, способствует повышению их внимания. Изложение программы выступления, как и её четкое структурирование, облегчает восприятие, а совпадение промежуточных выводов между собой, накопление частных выводов, ведущих слушателя в общем направлении, повышает убедительность судебной речи.

Изложение доводов - самая сложная часть судебного выступления. Она должна быть стройной, каждый новый аргумент увязан с предыдущим, из одного вывода должен следовать другой. Поэтому судебная речь ни в коем случае не должна сводиться к перечислению и пересказу доказательств подобно тому, как это делается в обвинительных заключениях, напоминающих инвентарные ведомости. В том нет никакой необходимости; оратор, обосновывающий очевидное, напоминает дон Кихота, размахивающего копьём перед ветряными мельницами. Доводы оратора должны группироваться вокруг тех обстоятельств, которые могут быть оспорены и оспаривались уже в ходе предварительного или судебного следствия другой стороной, в отношении которых возможно расхождение в оценках, которые позволяют оратору в самом выгодном для него свете показать по-

ступки или личность подсудимого или потерпевшего. В теории ораторского искусства схема такого выступления носит название *боевой схемы*.

Боевая схема речи обеспечивает логичность и целенаправленность выступления. Следуя этой схеме, оратор говорит только о том, что нуждается в доказывании или опровержении. При этом он может рассмотреть абсолютно все факты и исчерпывающе изложить все свои аргументы, привязав их к подлежащим доказыванию или опровержению обстоятельствам. Построение такой взаимосвязанной системы доказательств требует определенных навыков; этому надо учиться и над этим надо тщательно работать во время подготовки к выступлению.

Изложение оратором своих доводов может предшествовать опровержению доводов противника, но может и переплетаться с ним. В ряде случаев все доказывание может быть построено на опровержении. Особенно хорош такой прием для защитника, не несущего обязанности доказывания; он достигает своей цели уже тем, что показывает неубедительность обвинения, порочность положенных в его основание доказательств. Однако каждый судебный оратор должен владеть приемами как доказывания, так и опровержения.

Доказывание заключается в обосновании истинности какой-либо мысли (тезиса) с помощью других мыслей (аргументов). Излагая свои доводы, оратор стремится убедить суд в правильности своей позиции по каждому спорному вопросу. Доказывание – это прежде всего логическая деятельность, поэтому её эффективность напрямую зависит от соблюдения оратором правил и законов логики. Рассмотрим некоторые из этих правил.

С логической точки зрения, доказывание вины есть цепь последовательных уморассуждений, вытекающих одно из другого. Каждое уморассуждение заключается в построении обоснованного вывода от логического основания (аргумента) к подлежащему доказыванию тезису. *Первое правило доказывания* основано на связи тезиса, основания и вывода, при которой использование негодного основания ведет к ошибочности вывода. Поэтому для обоснования какого угодно тезиса может быть использовано только такое доказательство, которое отвечает требованиям относимости и допустимости. Поскольку логические выводы вытекают один из другого, каждый последующий вывод в своем основании имеет всю совокупность доказательств, подтверждающих предыдущие выводы. Если внизу выстроенной обвинителем пирамиды окажется хотя бы один сомнительный аргумент, вся пирамида рухнет. Адвокату достаточно найти это слабое звено, чтобы разрушить обвинение. Поэтому выстраивание обвинительной линии всегда сопровождается обоснованием надежности каждого промежуточного вывода, что достигается с помощью так называемых вспомогательных доказательств. Причем чем больше сомнений может возникнуть по поводу основного доказательства, тем больше вспомогательных доказательств следует привлечь для обоснования его надежности; если брешь останется,

противная сторона этим непременно воспользуется. Таким образом, чем больше в деле вспомогательных доказательств, тем надежнее вывод, вытекающий из основного доказательства.

Рассмотрим абстрактный пример. Единственным прямым доказательством угрозы убийства являются показания свидетеля-очевидца. Эти показания могут быть поставлены под сомнение путем указания на а) плохой слух свидетеля, искажившего сказанное обвиняемым, б) плохое зрение, обусловившее ошибку опознания угрожавшего лица, в) неприязненные отношения свидетеля и обвиняемого, дающие основания полагать наличие оговора, г) невозможность слышать угрозу с того места, где находился свидетель, в виду его удаленности, д) неспособность свидетеля правильно воспринимать характер происходящего вследствие недостатков психического развития, е) нарушение процедуры допроса свидетеля и т.п. Для того, чтобы исключить сомнения в достоверности свидетельских показаний, обвинителю следует указать в своей речи на медицинское заключение о состоянии слуха и зрения свидетеля и его психическое здоровье, результаты осмотра места происшествия и следственного эксперимента, подтверждающие возможность видеть и слышать с места нахождения свидетеля, показания других лиц, доказывающих отсутствие неприязни или вообще каких-либо отношений между обвиняемым и свидетелем. При этом каждое вспомогательное доказательство требует обоснования своей надежности, поскольку также может быть поставлено под сомнение: следственный эксперимент произведен с нарушением требований УПК, свидетель, подтвердивший отсутствие неприязненных взаимоотношений обвиняемого и очевидца преступления, является родственником потерпевшего, давший заключение эксперт не обладает достаточным профессиональным опытом и т.д. Доказывание любого тезиса требует учета и согласования между собой множества аргументов, умения группировать доказательства в проверочные и накопительные комплексы. Это *второе правило доказывания*.

Третье правило заключается в умении строить логически верные рассуждения. Существуют различные логические ошибки и тот, кто не владеет логикой, проигрывает в споре. Достаточно распространенной ошибкой является принятие за причину какого-либо явления предшествующего ему явления, однако *post hoc non est propter hoc* (после того - не значит вследствие того). Типичный пример: пропажа обнаружилась после ухода лица. Можно ли лишь на этом основании обвинить данное лицо в краже? Характерна для доказывания и ошибка игнорирования множественности причин. Для того, чтобы признать доказанной одну из возможных причин, например смерти человека, следует исключить все другие вероятные причины. Так, по делу об убийстве З., рассматриваемом в условиях отсутствия прямых доказательств, было выдвинуто три версии:

убийство совершено из ревности мужем,

убийство совершено из ревности подружкой убитой,

потерпевшая совершила самоубийство вследствие стыда, вызванного разоблачением её связи с мужем подруги. Помимо доказательств, подтверждающих виновность мужа, органы уголовного преследования собрали и доказательства, опровергающие возможность самоубийства (отсутствие достаточного мотива, характерных для самоубийства поверхностных повреждений вокруг раны, направление раневого канала, исключающее нанесение ранения собственной рукой, исчезновение орудия преступления), а также причастность к преступлению подруги убитой (отсутствие следов крови на теле, одежде и изъятых у неё сразу после происшествия предметов - сумочке и ее содержимом, отсутствие мотива ревности ввиду не подтверждения факта прелюбодеяния её мужа с потерпевшей).

Логике известна и так называемая ошибка ложного основания. Если человека видели в месте совершения преступления, это еще не является доказательством совершения им преступления. Иногда на таких аргументах выстраивается порочный круг: ложный вывод используется как основание следующего вывода. Иногда за причинно-следственную связь принимается связь сопутствующих явлений. Например, муж действительно ревновал жену, но убил её не он, а любовник. Такими примерами изобилует детективная литература.

Четвертое правило заключается в предъявлении доказательства таким образом, чтобы каждое новое доказательство не ослабляло, а усиливало убежденность слушателей в правоте оратора. Поэтому доказательства либо выстраиваются в речи по мере возрастания их доказательственной ценности, либо малоубедительные доказательства подаются в совокупности, убеждая своим количеством, которое, как известно, в определенный момент обязательно переходит в качество. Однако следует помнить, что убедительность выводов зависит не столько от количества доказательств, сколько от их значения, их весомости, хотя количество и вес доказательств могут конкурировать между собой. Подозреваемый имеет алиби в виде однозначного утверждения его жены о том, что муж в момент совершения преступления находился дома, однако два или три очевидца видели кого-то похожего на подозреваемого среди лиц, совершивших преступление. Понятно, что можно как использовать в свою пользу, так и опспорить и то и другое доказательство.

Опровержение, как способ ведения полемики, имеет место не только в речи защитника, но и обвинителя, несмотря на то, что он выступает первым и не всегда может предвосхитить доводы противника. Значительная часть доводов защитника, как правило, ясна до начала судебных прений. Она обусловлена позицией подсудимого и проявляется в характере задаваемых им вопросов, заявляемых ходатайств. И все же опровергать еще не высказанные противником аргументы следует весьма осторожно. Умелый защитник ловко перегруппирует свои доводы так, чтобы свести на нет усилия обвинителя и тонко заметит, что все, против чего так красноречиво

спорил прокурор, не составляет предмет дискуссии по данному делу, суть спора совсем в другом. Поэтому заранее подготовьте ту часть речи, которая направлена на опровержение доводов противника, практически невозможно. Эта часть речи требует умения схватывать на лету, думать и реагировать быстро. Однако для того, чтобы уметь вести полемику, оратор должен знать правила и приемы опровержения.

Первое правило опровержения можно сформулировать так: не вступать в дискуссию прежде времени, излагая все свои возражения до выступления оппонента. Пусть ваш противник думает, что вы исчерпали свой арсенал: выступая вторым, он будет уверен, что вам нечего больше сказать, и ошибется, потому что часть своих доводов вы предусмотрительно приберегли именно с целью последующего разрушения его линии доказывания. Если же в реплике вам нечего возразить, слушатели будут думать, что права была вторая сторона, но если вы попытаетесь в опровержение её доводов привести уже использованные вами аргументы, председательствующий прервет вас.

Второе правило опровержения состоит в том, чтобы снизить убедительность речи вашего оппонента. Поверьте, это не так сложно, даже если первое общее впечатление от речи противника было не в вашу пользу. В такой ситуации важно показать, что убедительность речи другой стороны лишь внешняя, для чего следует расчлнить её на несколько утверждений меньшей общности и показать сомнительность каждого из них. Во-первых, выполняя это правило, всегда можно использовать *фигуру умолчания*, т.е. такой прием ораторского искусства, который позволяет, оставляя без внимания некоторые доводы соперника, против которых вам нечего возразить, стереть таким образом оставленное ими впечатление из памяти слушателей. Если довод не опровергается, значит, он не столь важен, поэтому вы имеете возможность сконцентрировать внимание аудитории на выгодных для вас вопросах. Во-вторых, каждый отдельный аргумент всегда легче поставить под сомнение или опровергнуть в силу его конкретности. Любому доводу всегда можно дать различную интерпретацию. Например, если противник использует в качестве своего доказательства показание свидетеля, можно согласиться: показание свидетеля веская улика, однако тут же задать вопрос: а что же оно доказывает? Был ли свидетель очевидцем преступления или сообщает какие-либо второстепенные детали? Насколько надежен свидетель как источник информации? Не было ли допущено нарушений в процедуре его допроса и т.п. По одному из дел об изнасиловании в качестве доказательства обвинения фигурировал найденный на месте преступления клочок газеты с парой чисел: 14-9. Следствием было установлено, что цифры соответствовали номерам дома и квартиры знакомой обвиняемого, что позволило прокурору утверждать, что газета оставлена на месте преступления обвиняемым. Доказательство достаточно убедительно, однако легко может быть поставлено под сомнение хотя бы пото-

му, что на каждой улице в многомиллионном городе есть дом и квартира с такими номерами.

Уменьшить убедительность выступления противника можно и демонстрацией фактов против его необоснованных умозаключений, использованием его собственных аргументов и допущенных им промахов, фактических и логических ошибок. В одном случае следует показать ненадежность доказательства, в другом - неверность вывода, в третьем - повернуть аргумент противника против него самого. В частности можно использовать так называемые обоюдоострые рассуждения, т.е. такие, которые можно повернуть в любую сторону. По делу С., обвиненного в убийстве жены, прокурор сослался как на доказательство виновности на протокол обыска, в ходе которого из-под сиденья автомашины С. извлечены три кухонных ножа. Вывод простой: если обвиняемый прячет ножи, значит они его уличают. Однако ни на одном из этих ножей не обнаружено следов крови, ни один из них экспертами в качестве возможного орудия убийства не признан. Защитник совершенно обоснованно возражал: факт обнаружения в машине обвиняемого ножей, не имеющих отношения к смертельному ранению, не доказывает причастность С. к преступлению.

Способствует достижению указанной выше цели указание на то, что противник обошел молчанием какие-либо обстоятельства, значит он не нашел им объяснения, значит они не укладываются в обосновываемую им версию, следовательно, есть вероятность иного объяснения этих фактов и иных версий.

Третье правило опровержения заключается в его разумной достаточности. П. Сергеич не без оснований советовал оратору не спорить против очевидного, не возражать по пустякам, не повторять доводов противника, соглашаться с ним как можно чаще во всем несущественном, но не оставлять без внимания сильных доводов противника¹. Излишне добросовестное возражение противнику, повторение сказанных им слов для того, чтобы потом поставить под сомнение или оспорить, способно привести к обратному эффекту и в силу ряда психологических закономерностей усилить его доводы. Спор по несущественным вопросам ведет к распылению внимания слушателей и создает убеждение, что по существу дела оратор так ничего и не сказал. Лучше «не заметить» сильного аргумента противника, чем подчеркнуть его значение своим слабым возражением.

2.3. Подготовка ораторских отступлений и заключения

Заранее следует продумать и так называемые *общие места или ораторские отступления* от основного содержания дела. Умело подобранные темы для таких отступлений не только не отвлекают от предмета обсуждения, но, наоборот, привлекают к доводам оратора повышенное вни-

¹ См.: Сергеич П. Искусство речи на суде... - С. 214 - 222.

мание, буквально приковывают к нему. Не относясь непосредственно к существу дела, ораторские отступления соответствуют поставленной им цели и служат средством её достижения. В качестве темы такого отступления П. Сергеев советовал выбирать одну из вечных проблем, волнующих человечество и находящихся определенное преломление в рассматриваемом деле. Такими темами могут стать проблемы справедливости смертной казни как таковой; целесообразность применения длительных сроков лишения свободы вообще (здесь можно всю развернуть критический анализ условий содержания осужденных в исправительных учреждениях); нравственная природа презумпции невиновности (особенно хороша когда защита оспаривает доказанность обвинения) или правил об оценке доказательств, недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением требований закона.

Выступая обвинителем по делу об убийстве иеромонаха Иллариона, А.Ф. Кони поставил своей задачей доказать присяжным, что они не должны быть игрушкой в руках подсудимого и судить лишь на основании признания им своей вины, если это признание, неискреннее и неполное, умаляет тяжесть содеянного. Он говорил: *«Сознания бывают различных видов, и из числа этих различных видов мы знаем только один, к которому можно отнестись совершенно спокойно и с полным доверием. Это такое сознание, когда следы преступления тщательно скрыты, когда личность совершившего преступление не оставила после себя никаких указаний и когда виновный сам, по собственному побуждению, вследствие угрызений совести является к суду, заявляет о том, что сделал, и требует, просит себе наказания, чтоб примириться с самим собою»*. Дав характеристику явки с повинной, рассматриваемой и сегодня в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, обвинитель перешел к сути дела: *«Подобного сознания в настоящем деле нет, а есть сознание другого рода, которое подходит к разряду сознаний, вынужденных самою обстановкою дела и теми обстоятельствами, при которых оно дано»*.

Темой отступления может стать рассуждение о несовершенстве человеческой природы, об особенностях психологии, о влиянии репутации человека на оценку его поступков; об опасности судебной ошибки и т.п. Такие отступления при условии искусного произнесения, помимо того, что доставляют удовольствие, исподволь подводят слушателей к переносу общих рассуждений в конкретное дело. Если защитник убедит судей, что смертная казнь - варварство, ему легче затем добиться более мягкого приговора и для подзащитного; если прокурор докажет, что злоупотребление властью должностным лицом - неоспоримое социальное зло, требование о суровом наказании для подсудимого не будет воспринято как необоснованное.

Например, А.Ф. Кони, выступая обвинителем по делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, ис-

пользовал этот ораторский прием следующим образом: *«Власть имеет сама в себе много привлекательного. Она дает облеченному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и, хотя бы в очень узкой сфере, карать и миловать; для суетного самомнения отраден вид сдержанной тревоги, плохо скрытого опасения, искаженных и недоумевающих взоров... Поэтому люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая эту власть в свои руки, обращаются с нею осторожно, а вызванные на проявление её в благородном смущении призывают себе на память не только свои права, но также свои обязанности и нравственные задачи. Но бывают и другие люди. Обольщенные прежде всего созерцанием себя во всеоружии в отмежеванной им власти, они только о ней думают и заботятся – и возбуждаются от сознания своей относительной силы. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение»*¹.

Иногда достаточно одной-двух фраз, искусно вплетенных в общую нить рассуждений, для того чтобы создать необходимое впечатление. Вот Ф.Н. Плевако выступает в защиту Чернобаева, обвиняемого в покушении на убийство студента Батаровского, с которым жена обвиняемого состояла в связи. Защитник доказывал в своей речи, что Батаровский не столько любил жену Чернобаева, сколько использовал её в своих эгоистических целях, и не имел намерения устроить её жизнь, *«человек сильный нравственно, - говорит адвокат, - приносит в жертву во имя любви себя, но никогда не женщину, такой человек не станет искать награды, которой еще не заслужил, не возьмет всего, что можно взять, - и честное имя, и счастье, и покой, не дав взамен ровно ничего... Человек, который ляжет целых полтора года перед обманываемым мужем; по милости которого молодые люди, которым еще доучиваться нужно, вовлекаются в роль каких-то почтарей, посредников между любовником и чужою женой, - такой человек не является носителем твердых нравственных убеждений»*². Адвокат не говорит прямо, что потерпевший - человек безнравственный - сам виноват в случившемся, однако без сомнения присяжные воспримут нарисованный им образ безнравственного человека, совратителя и обманщика как характеристику жертвы.

Таким образом, использование общих мест в судебной речи играет роль дополнительного и достаточно сильного аргумента, усиливающего и украшающего речь. Однако такие отступления должны отвечать требованиям уместности и краткости, сам оратор должен быть искренне убежден в своих воззрениях на предмет рассуждения. Ораторское отступление

¹ Кони А.Ф. Избранные произведения... - С. 242.

² Плевако Ф.Н. Избранные речи... - С. 430.

должно быть естественным, что не исключает его тщательной подготовки. Умный, думающий человек всегда найдет, чем усилить и украсить свое выступление, даже без предварительной подготовки, но, избрав своей профессией обвинение или судебную защиту, целесообразно заранее продумать какое-то количество таких общих мест, ознакомиться с литературой, освежить в памяти высказывания классиков. Если вопрос действительно волнует оратора, если он на самом деле считает его важным, то в нужный момент он вольется в его речь непринужденно и естественно.

Следует подумать и о том, чтобы речь была разумно пропорциональна. Это не значит, что каждый элемент судебного выступления должен занимать одинаковое количество времени; всегда чему-то уделяется большее, чему-то меньшее внимание. Но распределение времени должно быть естественным и необходимым, что возможно лишь в том случае, когда ничего не упущено и нет ничего лишнего, надуманного или бесполезного.

Точно так же тщательно должно быть подготовлено и заключение - ответственная часть выступления, которая выглядит как последний удар, последний бросок, последняя точка, иногда - последняя капля. Важно продумать не только *что* и *как* сказать в завершение речи, но и в какой момент это сделать. В ораторском увлечении в последние минуты выступления гораздо труднее отказаться от слов, чем их находить. Оратор продолжает говорить, когда уже самые сильные слова сказаны, и тем перечеркивает созданное ими впечатление. Эта особенность обнаруживается и у великих ораторов прошлого. Представляется совершенно излишней и снижающей эффект от выступления просьба об оправдании подзащитного после того, как вы патетически завершили анализ обстоятельств дела выводом о невиновности подзащитного. Оправдание в случае невиновности очевидно, а просьба об очевидном может выглядеть как навязчивая.

В конце речи можно кратко суммировать все доводы, высказать надежду, просьбу, пожелание. Заключение должно быть ярким, выразительным. Именно оно остается в памяти судей, уходящих в совещательную комнату, и оратор должен использовать последний шанс оставить след в их сердцах и умах.

3. Подготовка текста судебной речи. Работа над языком и стилем

«...не исписав нескольких сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке... Остерегайтесь импровизации. Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важное», - писал П.Сергеич, основываясь на многолетнем опыте публич-

ных выступлений¹, и мой опыт позволяет подтвердить абсолютную правоту этого высказывания. Как часто в пылу спора забываешь, может быть, не самое важное, но бесспорно существенное, то, что при спокойном осмыслении вопроса накануне выступления находило свое место в стройном ряду рассуждений. Аргумент упущен, а вместе с ним и вытекающий из него, иногда и не один, следующий довод, и вот уже все выступление пошло совсем в ином направлении. Даже опытный оратор, развив неожиданно пришедшую в голову мысль, не всегда умеет вернуться к тем пропущенным аргументам и потом сожалеет, что позволил себе увлечься импровизацией.

Дискуссия о том, писать или не писать выступление, стара как мир. Не только Сергеич считал, что речь должна быть написана от начала до конца, свои речи писал даже Цицерон, писали их Спасович и Андреевский. Но никогда не писал речей А. Кони. Возражения против написания речи сводятся, главным образом, к следующему:

- написанная речь сковывает инициативу оратора, лишает его речь творческого полета и делает неинтересной,

- заранее подготовленная речь может не согласовываться с изменившимися и новыми, появившимися лишь в суде доказательствами,

- нельзя заранее знать позицию противника и, следовательно, продумать свои возражения,

- привычка выступать по написанной речи приводит к тому, что при осложнении ситуации оратор легко теряется.

Бесспорно, яркие экспромты производят на слушателей гораздо более сильное впечатление, чем речь, прочитанная по бумаге. Импровизация, творчество, легкость мысли украшают речь, она становится более живой, неформальной, доходчивой. Однако серьезно относящийся к своим обязанностям прокурор и осознающий свою ответственность адвокат не могут позволить себе импровизировать в суде. Под удар ставится не только авторитет оратора, но и авторитет государственной власти, которую представляет прокурор, и судьба человека, доверившего свою защиту адвокату. Даже на действительно талантливого человека влияние оказывают слишком многие обстоятельства - самочувствие, погода, настроение, личные проблемы или проблемы, связанные с другими делами и т.п. Поэтому проблема письменной подготовки речи включает в себя, по сути, два вопроса, один из которых - писать или не писать речь, другой - читать или не читать её. Если на первый вопрос ответ может быть, как правило, положительный, то на второй - как правило, отрицательный.

Оратор может и не писать текст выступления, если абсолютно уверен в своих способностях и знании материалов дела и если при этом его уверенность - не результат легкомысленной недооценки сложности предстоящего выступления. Однако и заранее написанная речь способна произвести

---

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде... - С.289.

впечатление яркого экспромта. Многие зависят от личности оратора, навыков выступления, памяти, словарного запаса, общего развития и культуры. В ряде случаев, при общей нежелательности прочтения текста речи по бумаге, лучше хорошо прочитать подготовленное выступление, чем плохо, но без бумажки его пересказать. Абсолютного рецепта здесь нет, но я, имея достаточный опыт публичных выступлений не только в качестве обвинителя и защитника, но и лектора, всегда готовлю письменный текст. Письменное изложение мыслей и чувств, выводов и аргументов позволяет более последовательно выстроить рассуждения, увязать доказательства между собой, обосновать эту взаимосвязь. Работая над текстом выступления, оратор имеет возможность видеть свои аргументы как бы со стороны, обнаружить слабые стороны своей позиции, а следовательно, усилить свои аргументы. Письменная подготовка позволяет без ограничения возвращаться к какой-либо мысли, добиваясь безупречности формы её изложения.

При такой подготовке речи легко заметить пропуски в рассуждениях, обнаружить недостающие логические звенья и ликвидировать этот недостаток прежде, чем на него укажет противник. Письменная подготовка способствует лучшему запоминанию не только самого выступления, но и излагаемых в нем доказательств. В результате этой работы у оратора формируется и усиливается убеждение в своей правоте; если какие-либо вопросы остаются сомнительными, он вновь и вновь анализирует доказательства «за» и «против» до тех пор, пока сомнения не исчезнут и не появится уверенность, которая и придает оратору ту страстность и убедительность, которые так необходимы ему на суде. Подготовившись к делу таким образом, вы можете быть уверены, что в суде вам не понадобится текст речи, вы можете оставить его дома: проделанный вами труд не пропадет бесследно. Именно при такой подготовке легко рождаются новые аргументы, появляется желание импровизировать. В большинстве случаев импровизация в публичном выступлении - это результат длительной работы над темой выступления, результат её всестороннего осмысления, «прокручивания» с самим собой. Высказываемые в непринужденной форме выражения типа: *«мне вспоминается вдруг...»*, как правило, приготовлены и отрепетированы заранее, но у слушателей возникает впечатление, что мысли оратора рождаются у них на глазах. Вообще же импровизация дается тем легче, чем больше человек читает, думает, чем выше уровень его интеллекта.

Особенно важна письменная подготовка по сложным в доказательственном отношении делам, в более простых случаях можно ограничиться планом или тезисами выступления. Подготовив выступление, необходимо произнести его вслух - фальшивость тона, несовершенство речи на слух заметнее, чем при прочтении «про себя». Такую же роль играет обсуждение фрагментов выступления с коллегами по работе и друзьями. Высказыва-

вание мыслей вслух позволяет увидеть слабость аргументации или, наоборот, убедиться в силе воздействия ваших доводов.

Работа над текстом речи дает возможность совершенствовать её *язык и стиль*, что не менее важно. Ведь слушателя убеждает не только логически правильно выстроенная система доказательств, но манера их преподнесения, грамотность изложения. Для выражения своих мыслей оратор должен найти самые верные слова и самые точные выражения. Форма произнесения судебной речи не менее важна, чем содержание, ибо глубокие и верные мысли, высказанные бесцветно, сухо, невыразительно не произведут должного впечатления, не достигнут ни ума, ни сердца слушателей. Можно долго описывать тяготы тюремного заключения, но лучше, понятнее, чем сказал по этому поводу присяжный поверенный Жуковский, не сказать: *«Знаете ли вы, господа присяжные заседатели, что такое одиночное заключение? Это - три шага в длину, два шага в ширину и... ни клочка неба!»*. «Я не знаю, - писал в этой связи П. Сергеич, - такого стихотворения, которое с такой ясностью передавало бы пытку заточения»¹.

Одним из приемов украшения речи является её образность. Речь, составленная из одних рассуждений, хороша для людей, понимающих смысл передаваемой информации, но тяжела даже для студентов-старшекурсников. В голове людей непривычных абстрактные юридические рассуждения сложны и непонятны. Образная речь, создающая понятные каждому картины описываемого события, и выразительнее, и несравненно короче простой и, кроме того, производит гораздо более сильное эмоциональное впечатление не только на судей из народа (присяжных или народных заседателей), но и на профессиональных судей. Учитывая, что большинство судебных речей адресовано коллегии из судьи и двух народных заседателей, решающих дело большинством голосов, и перспективы расширения сферы действия суда присяжных, нельзя не признать, что образность речи и сегодня в большинстве случаев играет не последнюю роль в убеждении судей. Сегодня не принято говорить так витиевато, так изысканно, как в прошлом веке. Ускорение темпа жизни благодаря научно-техническому прогрессу, с одной стороны, сделало юридическую речь более лаконичной и строгой, с другой - более наукообразной, пестрящей иноземными, но общераспространенными терминами. Рассмотрение значительного количества дел лишь одним судьей, загруженным большим объемом работы, профессионально деформированным, выхолащивает художественную образность судебных прений, сводит их к сухому юридическому анализу фактов и правовых норм. И тем не менее, рассматривая дела о преступлениях, даже профессиональный судья не может игнорировать их человеческую природу. По-прежнему в решении многих вопросов нельзя обойтись без учета характе-

---

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде... - С. 50.

ристики личности подсудимого и жертвы, обстоятельства, влияющих на мотивацию человеческого поведения. По-прежнему в решении вопроса о виновности главная роль принадлежит внутреннему убеждению судьи, а это значит, что как прокурор, так и защитник, влияя на формирование этого внутреннего убеждения, не могут игнорировать, не учитывать и не использовать убеждающее воздействие своего красноречия, достигаемого с помощью образности речи.

Образность речи достигается с помощью метафор, художественных сравнений и уже известных вам общих мыслей, ораторских отступлений. Плевако по делу люторических крестьян, обвиняемых в бунте, говорил так:

«Вы не допускаете такой необыкновенной солидарности, такого удивительного единодушия без предварительного сговора? Войдите в детскую, где нянька в обыкновенное время забыла накормить детей: вы услышите одновременные крики из нескольких люлек. Был ли здесь предварительный сговор? Войдите в зверинец за несколько минут до кормления зверей: вы увидите движение в каждой клетке. Вы с разных концов услышите дикий рев. Кто вызвал это соглашение? Голод создал его, голод вызвал и одновременное неповиновение помещику со стороны люторических крестьян».

Готовя речь, оратор должен продумать, какие стилистические приемы он будет использовать во время своего выступления. Поскольку каждый из известных стилей выполняет свою функцию, полезно уметь пользоваться каждым из них, находя ему подходящее место. Чем разнообразнее по стилю речь, тем она интереснее, хотя обычно судебная речь соотносится с официально-деловым стилем, поскольку обслуживает официально-деловые отношения в сфере уголовного судопроизводства. Вместе с тем судебная речь, направленная на формирование внутреннего убеждения судей, носит характер публицистической речи, функцией которой является оказание воздействия, формирование определенного мировоззрения. В ряде случаев для передачи настроения подходит простая разговорная речь, а для убеждения присяжных или народных заседателей можно пользоваться художественно-образной речью. Следует, однако, знать, что неверность взятого тона может испортить впечатление: для сложного юридического анализа правовой нормы, примененной или подлежащей применению в конкретном деле, не уместен художественный или разговорный стиль речи, официально-деловой стиль малопригоден для описания страданий жертвы преступления. Хотя истина и объективная категория, но её убедительность для слушателей во многом зависит от того, кто и как высказывает эту истину. Почему мы иногда верим человеку, который говорит неправду, и не верим тому, кто правдив? В значительной мере это зависит от манеры речи, её убедительности, однако не в меньшей - от нашего отношения к говорящему. Мы подсознательно отторгаем информацию, исхо-

дающую от лица, не внушающего нам симпатии и доверия. Поэтому начинающему оратору важно создать впечатление грамотного, знающего свое дело прокурора или адвоката.

Одним из способов создания нужного впечатления является *ораторский образ*. Выбор ораторского образа определяется личностью самого оратора, обстоятельствами дела, используемого речевого стиля. В зависимости от этих факторов оратор может создавать своим выступлением один из следующих ораторских образов.

Образ бесстрастного исследователя предполагает спокойное последовательное рассмотрение возможных версий, объективный анализ их достоинств и недостатков. Такая речь хороша для оратора, имеющего развитое логическое мышление, позволяющего удерживать в сознании несколько линий доказывания одновременно. Постепенно доказывая несостоятельность различных версий, оратор в итоге ненавязчиво приводит слушателей к убеждению в верности той из них, которую и стремился обосновать. Слушатели, ведомые оратором, не замечают его направляющей роли, поскольку они вместе с ним взвесили все обстоятельства дела, рассмотрели все доказательства. Решение, принимаемое после такой речи, является обдуманым, взвешенным и убедительным.

Образ лица, советующегося с аудиторией, подойдет для дела с острыми противоречиями в доказательствах, совокупность которых не позволяет слушателям легко прийти к определенному выводу. Навязывание своего взгляда на обстоятельства дела может быть воспринято недоброжелательно, а прямые утверждения способны привести к воскрешению в памяти слушателей фактов, убеждающих в обратном. Главное достоинство речи в таком образе состоит в том, что слушатели включаются в процесс мышления оратора, вместе с ним преодолевают сомнения и, влекомые его мыслью, приходят к одному с ним выводу, воспринимая его как собственный. Такая речь произносится в виде размышления вслух, в ней много элементов диалога. Эффект участия слушателя в рассуждениях оратора достигается использованием местоимения *мы*, объединяющего оратора и слушателя, а также специфических глагольных форм, побуждающих к действию: *давайте рассмотрим, обратим внимание*, постановкой вопросов, носящих риторический характер: *что же произошло?... Возможно ли что?...*

Образ трибуна-обличителя - это образ страстного борца с преступностью или, в зависимости от процессуальной функции оратора, с нарушением прав и свобод человека в процессе производства по делу, ложью, оговором, насилием в любых его проявлениях. Это речь экспрессивная, эмоциональная, завораживающая, она обладает всеми достоинствами эмоциональных выступлений, позволяет использовать звуковые и интонационные приемы. Такой образ хорош не только для крупных, получивших широкую известность дел, но и при присутствии в зале заседания публики.

догадываться, поэтому следует выбирать такой образ, который лучше всего подходит вашему внутреннему состоянию.

Иногда судебные речи делят на логические и эмоционально-фонические, но их противопоставление лишено оснований. Действительно, тип речи часто прослеживается достаточно отчетливо. Но логически безупречная речь не должна быть сухой и бесцветной, она вполне сочетается с яркой эмоциональной манерой изложения аргументов, так же, как и образная, богатая интонационными оттенками речь, состоящая в анализе мотивов человеческих поступков, не должна быть лишена логики.

Выразительность речи достигается не количеством красивых фраз, а яркостью, эстетичностью, литературной грамотностью и живостью. Умелое литературное сравнение, исторический пример, меткая поговорка, афоризм - все это оживляет любую речь, придает ей неповторимое своеобразие и индивидуальность, делает её более доходчивой.

Примером удачно найденного сравнения может служить речь адвоката И.Г. Рубинштейна в защиту Никешина.

Никешин свою вину в преступлении признавал, объясняя его совершение тем, что он по настоянию жены хотел попасть в лечебно-трудовой профилакторий, предназначенный тогда для лиц, страдающих от алкоголизма, однако начальник отделения милиции, к которому он обратился с такой просьбой, ответил Никешину, что попасть в ЛТП очень сложно, поскольку существует длинная очередь. Но вот если бы Никешин совершил правонарушение, суд определил бы его на лечение сразу. Выйдя от начальника милиции, Никешин вошел в отделение сберкассы, подошел к заполнявшей бланк Ельниковой, перед которой лежало несколько купюр 10-рублевого достоинства, и тихим голосом сказав: "Я возьму одну", взял одну купюру и тихо пошел к выходу, возле которого стоял милиционер. Адвокат свое выступление начал так: *«Дело по обвинению Никешина невольно воскрешает в памяти новеллу О. Генри «Фараон и хорал»... Писатель с горькой иронией повествует о печальной судьбе бездомного бродяги Сопи. В отличие от своих богатых американских сограждан, покупающих себе на зимний сезон билеты во Флориду или на Ривьеру, Сопи при помощи «несложных приготовлений» стремится на это время года попасть в тюрьму, чтобы там обрести верный кров и скромную пищу. Для этого, как вы помните, он разбил камнем витрину магазина.*

Сходство ситуаций между этой новеллой и рассматриваемым делом я вижу, разумеется, лишь в необычности, я бы сказал, неожиданности, способов достижения целей, избранных литературным героем О.Генри и реальной личностью - Никешиним. Создается впечатление, что живой, реальный Никешин позаимствовал у литературного героя способ действий, с помощью которого он был намерен достичь своей цели.

К этому литературному сравнению адвокат прибегал на протяжении всей речи. Вот как адвокат объясняет, почему Никешин при задержании

ни пытался вырваться: «...герой... новеллы... разбивший витрину, хотел обратить на себя внимание полисмена, который, по его расчетам, должен был его за это посадить в тюрьму, допустил серьезную ошибку. Разбив витрину, Сопи «стоял, заложив руки в карманы и улыбался навстречу блестящим пуговицам. «Кто это сделал?» - живо осведомился полисмен. - «А вы не думаете, что тут замешан я?» - спросил Сопи не без сарказма, но дружелюбно, как человек, приветствующий великую удачу. «Полисмен, - пишет автор, - не пожелал принять Сопи даже как гипотезу. Люди, разбивающие камнями витрины магазинов, не ведут переговоров с представителями закона. Они берут ноги в руки. Полисмен увидел за полквартала человека, бегущего за трамваем. Он поднял свою дубинку и помчался за ним»...

Отнюдь не литературный герой Никешин, целеустремленно и настойчиво осуществляя свое решение, сумел избежать просчетов и ошибок незадачливого Сопи. Всеми своими действиями и поведением в отличие от Сопи он создал довольно реальную картину совершенного преступления, что и повлекло за собой запланированное им задержание»¹.

Хорошая речь - это всегда большой труд, результат постоянной работы души. Для того, чтобы хорошо говорить, надо много читать и много думать. Не обладающий общей культурой человек не может быть красноречивым. Те речи, которые кажутся произнесенными так легко и просто, «на одном дыхании», на самом деле - плод широкого образования, больших профессиональных знаний, долгого опыта, мучительных сомнений и кропотливой работы над каждым делом, писал П. Сергеич. И практика каждый день подтверждает его правоту.

---

¹ Речь советских адвокатов по уголовным делам. - М., 1975. - С. 156-167.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОИЗНЕСЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Начало судебной речи. Установление контакта с аудиторией

Тщательная подготовка судебной речи важна еще и потому, что выступление перед аудиторией имеет свои подводные камни, свои сложности. Выступление перед аудиторией с монологом – одна из форм общения, в котором участвуют две стороны. Поведение слушателей, их внимание, поддержка и одобрение помогают оратору, вызывают в нем состояние уверенности, способствует живым творческим экспромтам. Невнимание же слушателей ведет к обратному результату; тут уж не до экспромтов, суметь бы довести выступление до логического конца – чувствуя неудачу, выступающий теряет нить рассуждений, ощущает неуместность украшений, вследствие чего речь его становится еще более невыразительной. Если оратор к тому же и не владеет предметом обсуждения, путается в фамилиях и датах, провал ему обеспечен. Поэтому тщательная подготовка речи является **первым условием успешного выступления**, но одного этого недостаточно. Ведь оратору нужно не просто пересказать содержание речи, а донести до слушателей все свои мысли и чувства, сделать их мыслями и чувствами слушателей. Такой результат возможен лишь в условиях полного контакта с аудиторией, являющегося **вторым условием успешного выступления**, который тесно связан в первом: чем лучше оратор подготовлен к выступлению, тем меньше внимания он уделяет содержанию речи и тем больше – установлению и поддержанию контакта со слушателями.

Основа психологического контакта со слушателями закладывается в течение всего судебного разбирательства. Внешний вид¹, поведение, направленность вопросов, исследуемых участником процесса в ходе судебного следствия, уже оценены и судьями, и присутствующими в зале заседания. Поэтому о создании надлежащего ораторского образа следует помнить с самого начала, с появления в зале или даже помещении суда. Без внимания не остаются ни небрежность в одежде, ни допущенные в ходе допросов промахи и нетактичные реплики по поводу сказанного другими участниками процесса. К началу судебных прений в зале заседания уже складывается как определенная психологическая атмосфера, так и опреде-

---

¹ По делу об убийстве, рассматриваемому военным судом округа, одна из адвокатов, солидная дама, каждый день являлась в судебное заседание в разных нарядах: детской трикотажной кофточке с рисунком в виде бабочек, майке, пляжном сарафане, полинявшем трикотажном платье-халате. Ее облик в этих нарядах настолько диссонировал с серьезностью обстановки, строгостью судей в военной форме, что вызвал негативную реакцию не только коллег адвокатов, но и публики.

ленное отношение к выступающему, в зависимости от которого оратор развивает достигнутый контакт или вынужден преодолевать негативное отношение аудитории, а следовательно, менять тактику выступления уже в ходе его.

Очень важно почувствовать настроение аудитории и не допустить ошибки в самом начале выступления. Неудачное начало усиливает негативное отношение слушателей или оставляет их равнодушными, что, в свою очередь, является причиной плохого, скованного продолжения речи. окончательно разрушающего контакт со слушателями. Возникает замкнутый круг, из которого уже не выбраться.

Получив слово, оратор встает, и в этот момент, несмотря на то, что присутствующие его наблюдали и слушали в течение нескольких часов или дней, аудитория изучает его заново. Судебные прения - особый момент в судебном заседании, присутствующие понимают, что развязка близка, и, хотя имеют свой взгляд на рассмотренные обстоятельства, с напряжением ждут, что скажут обвинитель и защитник - ведь от этого зависит приговор суда. Острота и ответственность момента приковывают внимание к встающему оратору, и то, как он встает, как выглядит, уже оценивается присутствующими и влияет на последующее восприятие его речи.

С началом речи не следует торопиться. Аудитория еще не готова слушать, её внимание еще не переключено, для этого требуется определенное время, и его аудитории надо дать, иначе говоря, следует выдержать паузу. Пауза в данный момент играет роль фактора, организующего внимание слушателей, позволяет завершиться течению прежних мыслей и внутренне подготовиться к восприятию новых. Пауза дает возможность и самому оратору освоиться «на трибуне», внутренне сосредоточиться на выступлении, преодолеть естественное волнение или робость. Очень важно точно уловить момент начала речи. Передержка паузы крайне нежелательна: слушатели уже готовы, они вначале ждут, потом недоумевают, затем раздражаются и отвлекаются.

Объявление судебных прений всегда вызывает выброс адреналина в кровь оратора. Этот момент обладает для него высокой степенью эмоционального напряжения, независимо от опыта публичных выступлений и степени подготовленности. Всякий оратор испытывает волнение во время вступления, если он осознает свою ответственность перед обществом или конкретным лицом, если он искренне переживает за исход судебного спора, если ему не безразличен собственный авторитет в глазах присутствующих.

Если волнение оратора вызвано его неуверенностью в себе, страхом перед аудиторией, оно является безусловной и сильной помехой. А.Ф.Кови правильно говорил, что размер такого волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду. И хотя, безусловно, есть натуры, вечно сомневающиеся и неуверенные в себе, знание обстоятельств дела, а также

опыт предшествующих публичных выступлений, в процессе которых вырабатывается умение владеть собой, способствуют устранению такого волнения. Но волнение, выступающее как результат творческого вдохновения, как переживание сопричастности происходящему в зале суда, придает речи ту страстность, которая необходима для наилучшего убеждения слушателей. Такое волнение оратора само по себе способно привлечь слушателей, ибо свидетельствует о его искренности. Чувствуя, что волнение мешает ему, оратор может использовать это обстоятельство в своих интересах, открыто сказав об испытываемых чувствах. Откровенность часто обезоруживает негативно настроенную публику, вызывает сочувствие, а следовательно, благосклонное внимание к последующим доводам.

Задача оратора не только привлечь, но и удержать внимание аудитории во время всего выступления. На этот счет существует много рекомендаций, и со временем каждый вырабатывает собственную систему приемов поддержания контакта со слушателями. Судебная речь – это не лекция на абстрактную тему, имеющая целью донести до аудитории определенную информацию; она должна активно вовлекать слушателей в процесс принятия решения, вызывать ответ на поставленные вопросы. Поэтому внешняя форма судебного выступления отличается от абстрактно-информационной речи, доклада, научного сообщения. Судебная речь – это постоянное взаимодействие с аудиторией, позволяющее удерживать её внимание.

Один из приемов удержания внимания – уже известная нам *пауза*, которую можно использовать перед каким-то важным сообщением, перед переходом к следующему аргументу или другому эпизоду. Пауза необходима и когда внимание аудитории отвлечено посторонними причинами (сменой конвоя, хождением по залу, открыванием окна, реакцией публики на замечание председательствующего и т.п.). Внезапная остановка речи вызывает ожидание, а следовательно, повышает внимание. Однако не следует злоупотреблять паузой: затянувшийся промежуток моментально заполняется посторонними мыслями, разговорами слушателей между собой, потягиванием, т.е. ведет к обратному результату.

Следует постоянно поддерживать контакт со слушателями, *обращаясь* к ним *непосредственно*: «Уважаемый суд», «Ваша честь» (если судья рассматривает дело единолично). Иногда уместно обратиться к своему оппоненту, глядя на него: «Вы утверждаете, что...». Обращение к аудитории может быть и обезличенным, когда адресуя свои доводы всем присутствующим, оратор имеет в виду судей: «Я спрашиваю вас, можно ли верить этому свидетелю?» (после разбора его показаний). В особо ответственный момент необходимо прямо воззвать к вниманию слушателей: «приступая к следующей части своего выступления, я прошу вас внимательно выслушать меня». Еще Аристотель говорил: «Не упускайте случая сказать: «Я просил бы вас обратить внимание на это соображение, оно гораздо важнее для вас, чем для меня».

Всегда хороши *риторические вопросы*, которые не требуют ответа, ибо он, как правило очевиден: «Можно ли представить человека, равнодушного к счастью своего ребенка?». От риторических следует отличать вопросы, направленные на создание иллюзии участия слушателей в обсуждении. Адресованный слушателю вопрос произвольно заставляет думать, а следовательно, способствует сосредоточению внимания. К этой же цели направлены приемы, объединяющие слушающего и говорящего: «Давайте рассмотрим поведение подсудимого с точки зрения уголовного закона» или «Проанализируем сказанное этим свидетелем».

П. Сергеев советовал использовать в качестве риторического приема неожиданное прерывание мысли для какого-то отступления, сообщения типа «Мы еще вернемся к этому вопросу, а пока...». Такой прием заставляет ждать обещанного, а значит, удерживать внимание. Способствует сохранению внимания на длительный срок предварительное изложение программы выступления: слушатели знают, о чем еще будет сказано, и ждут связи уже услышанного со следующими вопросами.

Крайне отрицательно отражается на внимании слушателей рассеянность самого оратора, отсутствие логики в изложении, вызывающие необходимость напрягаться для того, чтобы понять услышанное, использование большого количества непонятных слов и выражений, монотонность речи, отсутствие интонационных переходов, неоправданно длинные рассуждения. Для судебного выступления не годится ни слишком тихая, ни слишком громкая речь, хотя оратор может специально повышать или понижать голос для того, чтобы произвести нужный эффект.

2. Рациональное и эмоциональное в судебной речи

Вопрос о соотношении эмоционального и рационального, о допустимости злоупотребления ораторским даром не нов. На него нет и не может быть однозначного ответа. Хорош тот прием судебной речи, который привел к искомому результату. Поэтому каждый выступающий в суде выбирает ораторские приемы в соответствии с назначением своей речи, особенностями аудитории, обстоятельствами дела. Нет нужды противопоставлять логические доводы, обращенные к рассудку, и эмоциональные, обращенные к чувствам. В судебной речи всегда можно найти место и тем, и другим. Главное здесь - чувство меры и уместность использования того или иного убеждающего приема.

В суде вершатся человеческие судьбы. Это не громкие слова. За каждым приговором - люди с их изломанной, исковерканной жизнью. Совершение преступления - всегда свидетельство неблагополучия, сложных взаимоотношений, обид и конфликтов. Каждый преступник - человек, имеющий свои взгляды, свою философию. Каждый потерпевший достоин

жалости и сострадания. Судебный процесс – клубок горя и противоречий, к которым не может быть равнодушна аудитория. Нельзя не признать, что законное с формальной точки зрения решение не всегда справедливо с позиций общественной морали. «Что если правда говорит одно, а совесть другое? Если рассудок твердит: он убил, а сердце молит: спаси его», - писал П. Сергеев. Избежать эмоционального воздействия судебных прений невозможно, да и не нужно. Потому и требуется для рассмотрения дел о преступлениях человеческий суд, т.к. только человек в состоянии понять беду и боль другого человека.

В газете был описан такой случай. В глухой сибирской деревне, расположенной на значительном расстоянии от райцентра, добраться до которого в распутицу невозможно, со старухой-матерью жил молодой человек, страдающий психическим заболеванием. В деревне лечить его нечем; психиатрическая больница только в областном центре; ездить туда у матери ни сил, ни средств не хватает. Так он и вырос, без медицинской помощи; образования никакого не получил, работал скотником. Со временем нашел себе пару наподобие себя и жил с ней в одном доме.

Однажды в селе пропал 4-летний мальчик, его искали всем миром, не нашли, однако кто-то вспомнил, что возле дома, где проживали те двое, видел следы детских ног. Тут сообразили, что эти двое в поисках ребенка не участвовали. Вся деревня собралась у их дома, требовала, чтобы хозяева вышли и хотя через щели в закрытых ставнях было видно, что дома кто-то есть, никто не выходил. Тогда сельчане взломали дверь, обыскали дом и в подвале нашли окровавленный мешок, в нем - тело ребенка, исколотого ножом. находка потрясла людей. Они закрыли двери и ставни дома снаружи, облили дом керосином и подожгли. Здесь же был участковый оперуполномоченный, безуспешно призывавший людей к благоразумию. Он дал показания о том, что зачинщиком расправы над убийцами был отец мальчика. Его и привлекли к ответственности.

Я пытаюсь излагать обстоятельства дела сухо, без эмоций. Но можно ли по такому делу бесстрастно произнести обвинительную или защитительную речь?

Слово, обращенное к чувствам, доходит до слушателей и увлекает их быстрее, чем взывающее к разуму и логике. Вспомните описанное в первой лекции дело Кронеберга, оправданного судом по обвинению в истязании 7-летней дочери, дело Веры Засулич, признавшей в покушении на убийство и оправданной, нашумевшее в 1991 году дело о чернокожем Родни Кинге, избитом белыми полицейскими, которые были оправданы судом присяжных Лос-Анджелеса. И таких примеров можно привести много. Ознакомьтесь с речами Марка Брута и Марка Антония, произнесенными в толпе римлян после убийства заговорщиками Юлия Цезаря. Толпа, готовая растерзать убийц, в мгновение ока была усмирена главой заговора - Брутом, застигнутым с окровавленным ножом в руке. Слово взял другой ора-

тор - Марк Антоний - и озверевшая под влиянием его выступления толпа бросается поджигать дома заговорщиков. Почитайте речи известных русских юристов. Каждая из них достойна подражания, однако перенимать этот блистательный опыт можно лишь с оговоркой: то, что годится для суда присяжных, может оказаться бесполезным и даже причинить вред в суде профессионалов. Поэтому сформулируем несколько правил, ориентирующих на разумное использование эмоциональных аргументов:

- любое воздействие на чувства профессионального судьи должно опираться на доказательства. Судья в силу своего опыта и знаний воспринимает все, сообщаемое сторонами, особенно защитником, критически; неподтвержденные доказательствами воззвания к его чувствам способны вызвать лишь раздражение;

- художественные образы - плохой помощник в доказывании виновности подсудимого, однако незаменимы при обосновании степени вины и меры ответственности. Они помогают создать живую картину тех жизненных обстоятельств, заложниками которых оказались преступник и его жертва, вызвать сопереживание, заставляют понять побуждения людей, а следовательно, признать, что нельзя требовать от человека слишком многого, что не во всех бедах и преступлениях следует винить лишь его самого;

- недопустимо, как предостерегает и П. Сергеич, возбуждать в судьях чувства низменные и недостойные.

Следует помнить, что наилучший результат дает сочетание двух рассматриваемых приемов. Доводы, обращенные лишь к чувствам собеседника, воспринимаются только им, они не будут поняты вышестоящим судом при пересмотре приговора в кассационном или надзорном порядке, тогда как логически обоснованные доводы сохраняют свое действие в условиях отсутствия непосредственности. Против логических рассуждений эмоции бессильны, однако эмоционально-психологические аргументы могут быть разрушены не только путем уморассуждений, но и путем оказания более сильного психологического воздействия, как это и случилось по делу Евдокии В., обвиненной в подстрекательстве бывшего любовника к отравлению мужа.

Выступающий с обвинительной речью, прокурор нарисовал перед судьями образ женщины злой, ехидной и своевольной. Она, которую нежно и преданно любит муж, заводит себе любовника, да и того использует лишь как игрушку и толкает на неслыханное злодеяние. По её наущению, любовник, напоив мужа в трактире допьяна, завел его на лестницу одного дома и там насильно влил ему в рот азотную кислоту. Покушение не удалось, потому что кислота попала в желудок в незначительном количестве и сильно разбавленная слюной. Сама Евдокия оставалась в тени, а потом – при опасности – отвернулась от любовника. Это чума, отравляющая все, к чему она прикасается.

Защищая подсудимую, адвокат С.А. Андреевский создает иной образ. Это несчастная женщина, незаконнорожденная, не имея средств к самостоятельному существованию, пошла на содержание к студенту, который затем, через несколько лет, женился на ней, однако курса так и не окончил, пил и дошел до крайности.

Вот как говорит защитник о том, как она стала содержанкой: *«Она инстинктивно искала то, что отняло у неё общество - семьи. Да, представьте, эта разрушительница семейных принципов по странному противоречию начала именно с того, что искала семьи».* Адвокат объясняет, противоречащий общественной морали поступок просто: она не любила своего сожителя и жила с ним, чтобы не умереть с голоду, потому что сама не могла прокормить себя. *«Она в течение двух лет приносила себя в жертву любовнику, оставаясь к нему физически равнодушной...».* Прошло 5 лет, и Евдокия влюбилась «знойною любовью» в Валериана К. Защитник, далее, мастерски описывает те лишения, унижения и горести, которые переносит Евдокия в совместной с Федором жизни, и за смену испытываемым к ней присяжными антипатии приходит сомнение, истом жалость и, наконец, сочувствие.

Далее адвокат умело переносит антипатию присяжных на личность потерпевшего: *«Любил ли он жену? Говорят: любил, а она его ненавидела. Я этому не верю. Любовь должна же выразиться на деле. Я вижу: она о нем хлопотала, для него работала, доставала ему одежду и пищу - значит любила, хотя бы как друга. А он? Что, какую милость он сделал для неё? А как он обирал её? Как бросил её без помощи? Разве это любовь? Вот и теперь он узнал о её измене. Что же? Этот удар разбудил его? Искал он удовлетворения у любовника жены? Мстил ли ему? Старался ли задобрить жену, изменить свои привычки, уберечь, увезти, окружить довольством и заботами? Ничего, ничего... Нет! Он не любил её, он только нуждался в ней. Зная о связи жены, он говорит с равнодушием: «Дура, вздумала связаться с мальчишкой»... А если он не любил её любовью мужа, за что он держал её на цепи, не давал развода? Мало того, он убивал в ней последнее чувство. Вот что он пропил из их нищенских позитков: 4 января - брюки, 18 - плед, 19 - скунсовый воротник, 22 - аршин ситцу, 26 - дамскую шубку, 6 февраля - пикейное одеяло... Но вот, что ужасно: здесь уже пропиты и чужие краденые вещи. Да, он крал. Был в этом уличен и сознался. Крал в пьяном виде, а в последний раз утащил в трезвом виде два рубля у своих хозяев. Вы помните сцену, когда его обыскали и нашли деньги. Подсудимая, хотя и выражается напыщенно, всегда имела душу благородную. Она отшатнулась окончательно. У них уже не было ни угла, ни одежды. Она убежала от мужа; он разыскал её, прибыл на улице и повел за собою, растрепанную, в слезах...».*

О преступлении в этой речи не было сказано ни слова, лишь вскользь упомянуто, что Евдокия дала Валерию не отраву для мужа, а полудя. Зато

он рисует, как она обрадовалась, узнав, что муж жив. «...За её прожитые несчастья и испытания, за ту дрожь внутренних уколов, которые она испытала в те минуты, когда в безвыходном положении решилась на злодеяние, и в особенности за ту радость, которую она ощутила, когда преступление не удалось, за её однажды согрешившую, но привязчивую, глупую душу - простите её!». Присяжные простили и оправдали Евдокию.

3. Приемы речевого воздействия на аудиторию

Чем противоречивее обстоятельства преступления и доказательства, тем острее спор между сторонами, тем выше уровень полемичности, т.е. непримиримости судебных речей. Каждый оратор стремится склонить слушателей на свою сторону, сделать их своими союзниками. Это достигается, как уже говорилось, путем использования аргументов, обращенных как к уму, так и чувствам слушателей. Сложность состава судебной аудитории, наличие среди судей не только профессионалов, но и людей из народа (присяжные и народные заседатели), присутствие в зале заседания публики требуют искусного владения не только *argumentum ad rem*, но и *argumentum ad hominē*. Поскольку логическим приемам доказывания и опровержения фактов было уделено достаточное внимание в предыдущем разделе, рассмотрим способы подачи аргументов, обращенных к человеку, его психологии, чувствам и настроениям.

Использование *argumentum ad hominē* предполагает, что оратор обладает не только знаниями в области права, но и основами психологии и даром художника. Даже облеченные властью судьи остаются людьми, которые в своих решениях руководствуются не только холодным рассудком, но и чувствами. Тайна успеха многих русских ораторов эпохи судебной реформы заключается именно в умении вызвать у слушателей, т.е. судей, определенное чувство. Для этого и речь самого оратора должна быть наполнена чувством. Не даром говорят, что чувство - это душа красноречия, доводы рассудка лишь убеждают, а порывы чувств подчиняют и поработывают. Именно чувства судебного оратора придают его речи тот возвышенный приподнятый тон, то воодушевление, которое называют *пафосом*.

П. Сергеев верно говорил, что первым условием истинного пафоса является его искренность: то, что должно возмутить или растрогать слушателей, должно быть прочувствовано и передумано оратором¹, как артистом, создающим спенический образ. «Чтобы вызвать мои слезы - плачь сам», - писал Гораций.

Одним из способов передать свои и вызывать чужие чувства является создание художественных образов. Описание ярких картин гораздо силь-

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде... - С.275.

нее воздействует на нас, чем простое описание события; картины создаются подробностями. Это знали еще античные ораторы. Цицерон говорил: *«Если вы скажете, что город был отдан на разграбление войском победителя, в этих словах уже заключается все, что бывает в подобных случаях; но слова эти не производят впечатления. Раскиньте перед слушателями все картины, скрытые в них: горят дома и храмы, падают кровли; отовсюду слышны вопли отчаяния, сливающиеся в один общий стон; одни бегут, другие сжимают в своих объятиях близких; женщины и дети плачут, старики проклинают судьбу, давшую им дожить до ужасного дня солдаты уносят расхищенную утварь храмов или рыщут за новым грабежом; граждане, обращенные в рабов, идут в цепях за разбойниками, ставшими их повелителями; матери в ужасе прижимают к груди своих плачущих детей, и среди всех этих воплей и стонов победители ссорятся и дерутся из-за добычи.»*

Нельзя не учитывать, что человеку более всего понятны его собственные страдания и заботы; чужие проблемы, как правило, оставляют нас более или менее равнодушными. Каждый день в мире и в нашей собственной стране льется кровь; с экранов телевизоров мы слышим о массовой гибели людей, об убийствах и грабежах и сохраняем при этом спокойствие. Но если беда затронет нас или близких нам людей, если преступление совершится на наших глазах, сила страстного негодования неизмерима. Искусство оратора состоит в том, чтобы сделать то, что недоступно сухим протокольным записям, — пробудить воображение судей, сделать их свидетелями описываемой картины, превратить чужие страдания в собственные страдания слушателей.

Однако пафос должен быть не только искренним, но и уместным; не следует злоупотреблять им по заурядному, незначительному делу. Пафосом вообще не следует злоупотреблять: чувства недолговечны, к ним быстро привыкают (ничто не высыхает быстрее слез), однако резко менять настроение, легко переходить от печали к веселости нельзя, это позволяет усомниться в искренности оратора. Надо помнить и то, что никакое чувство не возникает внезапно, поэтому слушателей надо подготавливать постепенно.

Пафос может проявляться и без комментариев, это пафос фактов, т.е. такая передача обыденных подробностей, от которых стынет или, напротив, закипает кровь и сами собой выступают слезы.

По делу об убийстве Андреевым своей жены адвокат С.А. Андреевский, создавая образы персонажей, описывает сцену их бракосочетания, происходившего после 17 лет совместной жизни и после того, как она уже дала обещание любовнику Пистолькорсу, считающему, что она давно состоит в законном браке, что разведется (!): *«Религиозный, счастливый жених, Андреев, с новехоньким обручальным кольцом, обводит вокруг аналоя свою избранницу. Он настроен торжественно. Он благодарит бога, что*

наконец узаконяет перед людьми свою любовь. Новобрачные в присутствии приглашенных целуются... А в ту же самую минуту блаженный Пистолькорс, ничего не подозревающий об этом событии, думает: «Конечно, самое трудное будет добиться развода. Но мы с ней этого добьемся! Она непременно развяжется с мужем для меня...» Не правда ли, как жалки оба эти любовника...?»

Вот как адвокат описывает поведение Зинаиды Андреевой после свадьбы: «За границей она смело держит себя с Пистолькорсом как невеста. Перед самым выездом в Россию она берет от Пистолькорса браслет в 1200 марок. Временно расставаясь с ним, она заставляет дочь сочинять ему влюбленные телеграммы. Её обручение с ним должно состояться чуть ли не тотчас после возвращения в Петербург. А в то же время мужу посылает прежние письма: «Милый Миша», «Добрый Миша». В письмах продолжают требования разных сумм на всякие расходы... И в самом последнем письме говорится: «Мы сожалеем, что ты не с нами...». Ну где тут было бедному Андрееву догадаться, что с приездом жены может стрястись над ним ужасная катастрофа?»

А вот сцена самой катастрофы: «Наконец жена приехала. И вот еще одна изумительная подробность: в первую же ночь Андреева отдается мужу, будучи еще не совсем здоровой, непременно требует от него ласки. Я думаю, что этого её поступка ни Пистолькорс, ни Андреев никогда в жизни не поймут.

И в самом деле. Ведь это новое последнее сближение с мужем неминуемо должно было удвоить его будущую ревность после признания жены. Этот любовный акт был в то же время и заочным поруганием чувств Пистолькорса. Но Андреева судила иначе. Она, вероятно, думала, что после «этого» Миша будет с ней добрее и весьма легко на все согласится... Действительно, на следующий же день, за утренним чаем, развязно посмеиваясь, она вдруг брякнула мужу: «А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса...». Душевное состояние Андреева после этого признания адвокат описывает так: «В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск - и все погибло.

Все это, от начала до конца, продолжалось в течение двенадцати ужасных дней.

«А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»...¹.

¹ Речи известных русских юристов... - С.71-80.

Не правда ли, нарисованные защитником образы весьма красноречивы.

Другой пример истинного пафоса являет описание П.Сергеичем сцены совращения: «*Восемь девочек отсылаются на квартиру барина. Они удовлетворяют требованиям выбора, они должны принести ему в развлечение свою невинность. Одна из них, на свое несчастье, оказалась милее других. Она была невинна: в этом не осталось сомнений даже у взволнованных, во всем сомневающихся экспертов. Пришла она к подсудимому, пробыла у него полтора часа и ушла. Пришла девственницей, ушла, оставив ему свою невинность.*

Что сделал он? Как достиг своей цели? Взял ли он её грубой силой или заманил блестящими обещаниями? Это было нетрудно. Она жила у бедной тетки, которая не могла кормить её, работала на фабрике, да её уволили по слабости здоровья. Перед нею голод. А здесь важный барин обещает, что она будет жить в довольстве, рассказывает что-то про дом в двести тысяч, обещает золотые горы. Если верить подсудимому, он в течение какого-нибудь получаса убедил её отдать ему то, что женщина может отдать только один раз в жизни. Она подтверждает эти рассказы, но говорит, что не сдавалась на его предложения, что он взял её силой. Что же было на самом деле?

Пришел подросток. Вы видели её: худая, хрупкие члены, деревянный голос. Все ясно говорит, что это организм, не созданный для пышного расцвета. Отодвиньте это тщедушное создание на три года назад, представьте, чем была она тогда: заморенный ребенок, нечто в высшей степени жалкое, может быть, отчасти привлекательное своей телесной хрупкостью и полной беспомощностью, матери у неё нет, отец где-то в Любани, в Петербурге какая-то нищая тетка... Пришел ребенок, были какие-то разговоры, какие-то образы, может быть, и восхищенные на мгновение воображение девочки, затуманившие её сознание, осторожные ласки, которым она не решалась противиться - перед нею барин. Ей обещают золото, ей, нищей, беспомощной, говорят о каком-то неслыханном благополучии. Она начинает терять самообладание...

Раздается звонок. Может быть, это случайный гость, может быть, взрослая любовница... во всяком случае, это опасный свидетель, который может застать у него растленного ребенка. Он торопливо сует ей 40 копеек на извозчика и через черную лестницу выталкивает на улицу. Он отнял у неё единственное сокровище, которое может быть у бедной девушки, он говорит, что это произошло по её доброй воле, что она продала ему свою невинность. Я спрашиваю вас, за какую цену? Сколько рублей извлекла она из кармана этого великолепного статского советника?

*Сорок копеек и море слез. Она говорит, 40 копеек, и он не смеет сказать, что это неправда*¹.

Следующий отрывок описания поведения потерпевшей использован в обвинительной речи по делу об изнасиловании в качестве косвенного доказательства: *«Вырвавшись от своего мучителя, Акимова бросилась к лодке, в которой должен был спать её сожигатель: он защитит её, он увезет её на лодке домой... Не добежав нескольких шагов, она споткнулась о чьи-то ноги, пощупала - они были холодны, а оттуда, где должна была находиться голова, раздавались страшные хрипы... Убили - мелькнула мысль, надо спасаться. Не разбирая дороги, бросилась она сквозь заросли кустарника, то и дело проваливаясь в воду, ветки хлестали её по лицу, мокрая юбка цеплялась за сучья, ... ей слышалась погоня. Какие-то случайные люди перевезли её на другой берег, но она, холодная и голодная, промокшая и испуганная, бросилась не домой в спасительный уют, а ближайшее отделение милиции».*

Хорошими средствами речевого воздействия являются метафоры и сравнения. Известный многим поколениям самарских юристов адвокат Аркадий Борисович Мардер, оценивая производные доказательства по делу о взяточничестве, говорил: «Так называемые свидетели напоминают мне кумушек, сплетничающих друг о друге на лавочке у подъезда и перемывающих друг другу кости».

Для усиления впечатления может быть использована *инверсия*, т.е. намеренное изменение прямого порядка слов: «Необычны обстоятельства этого дела», речевые *повторы*: «он бежал, бежал безоглядно», «она верила ему, верила слепо, верила безрассудно, так как может верить лишь любящий человек», *парцелляция* - часть высказывания, выделенная интонационно: «Рассматривая это дело (оно, безусловно, может быть отнесено к разряду наиболее сложных), мы...».

Всей своей речью и всем своим поведением оратор должен выражать уважение к суду, процессуальному противнику, подсудимому и остальным участникам процесса, а также присутствующим. Только тогда он может рассчитывать на взаимное уважение. Уважение проявляется в манере обращения к слушателям, форме упоминания о присутствующих, честном признании слабых сторон своей позиции, тактичной дискуссии, собственной скромности. Ораторская мораль неразрывна от ораторского благоразумия и ораторской предосторожности. Нетактичное речевое поведение часто возвращается бумерангом, т.к. не способствует формированию доверия и уважения к оратору. Разумеется, в судебной речи трудно избежать нелицеприятных слов о подсудимом, потерпевшем или свидетелях, но форма их изложения не должна выдержать личного негативного отношения оратора к кому-либо. Весьма неприятное впечатление производит об-

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде... - С. 283-284.

ращение на «ты» хотя бы и к своему клиенту или несовершеннолетнему, подчас режет слух упоминание о ком-то лишь по фамилии. Неуместно ставить судей на место подсудимого или потерпевшего, обращаться к суду или оппоненту без эпитета «уважаемый».

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

1. Понятие и значение обвинительной речи

Говоря о речи прокурора в суде первой инстанции всегда имеют в виду обвинительную речь. Это и понятно. Являясь органом уголовного преследования, прокурор приходит в суд для того, чтобы поддержать то обвинение, которое было сформулировано органами предварительного расследования. Его деятельность в суде и выступление в судебных прениях в подавляющем большинстве случаев имеют обвинительную направленность. Однако нельзя не учитывать, что представляя государство, прокурор осуществляет уголовное преследование только до тех пор, пока оно находит основания в материалах уголовного дела и обязан отказаться от обвинения, если оно в судебном заседании не подтверждается. В этом случае прокурор тоже выступает с речью, но она носит принципиально иной, чем обвинительная речь, характер. В дальнейшем изложении при отсутствии соответствующей оговорки речь прокурора употребляется в значении обвинительной речи.

Обвинительная речь - это речь государственного или частного обвинителя, в которой он доказывает суду виновность подсудимого в совершении преступления. В литературе встречаются и более развернутые определения обвинительной речи, включающие указание на её содержание и значение, что представляется излишним, т.к. эти понятия имеют собственный смысл.

В чем значение обвинительной речи? Очевидно, оно должно быть связано с целями и задачами участия прокурора в судебном рассмотрении дела, вытекающими из его процессуальной функции. При всей спорности вопроса о функции прокурора в уголовном процессе обвинительная направленность его деятельности не вызывает сомнения. Являясь органом уголовного преследования и обеспечивая присущими ему методами законность предварительного расследования, прокурор является в суд для того, чтобы доказать обоснованность предъявленного подсудимому обвинения. Его задача в судебном рассмотрении дела, следовательно, заключается в том, чтобы убедить суд, что обвинение основано на полученных законным способом доказательствах, которых достаточно для постановления обвинительного приговора. Прокурор в суде и поддерживает обвинение (в материальном смысле слова), и осуществляет его (в процессуальном смысле). Это государственное обвинение, поскольку прокурор является представителем государственного органа, цель существования которого – защита государственных и общественных интересов от правонарушений, совершаемых в том числе и отдельными лицами.

Исходя из этого, значение обвинительной речи прокурора состоит в следующем:

- прокурор в своей речи подводит итоги не только судебного следствия, но и предварительного расследования, дает оценку этой деятельности, констатирует достижение её целей. Его речь свидетельствует о том, что длительная и трудная работа органов предварительного расследования по раскрытию преступления и изобличению лица, его совершившего, завершена успешно,

- прокурор подводит итоги и своей деятельности как государственного обвинителя. Обвинительная речь - это кульминация всей предшествующей деятельности прокурора, в ней в скончательном виде формулируется обвинение и выражается адресованная суду просьба о признании подсудимого виновным и наказании его. В обвинительной речи прокурор имеет последнюю возможность с учетом данных судебного следствия уточнить формулировку обвинения, его юридические признаки,

- обосновывая обвинение перед судом, разворачивая перед ним цель уличающих обвиняемого доказательств, прокурор способствует формированию у судей внутреннего убеждения в виновности подсудимого, необходимого для принятия правильного решения по делу,

- речь прокурора имеет огромное воспитательное воздействие не только для присутствующих, но и общества в целом, она убеждает в неотвратимости наказания, в торжестве закона и справедливости.

Заметим, что такое значение, однако, может иметь не любая обвинительная речь, а лишь та, которая удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям.

Первое (и основное) требование заключается в том, чтобы обвинительная речь была *аргументированной*. Это значит, что ни одного тезиса, ни одного слова не должно быть произнесено без обоснования его доказательствами. Требование доказанности в равной мере относится ко всем выводам и предложениям прокурора: о виновности подсудимого, о квалификации его действий, о характеристике личности, о заявленном гражданском иске, о причинах совершения преступления. Требование аргументированности, обоснованности обвинительной речи является прямым следствием лежащего на обвинителе бремени доказывания, в силу которого именно прокурор обязан доказать виновность подсудимого, недоказанная им вина равняется доказанной невинности. Ни один другой участник уголовного процесса не несет обязанности доказать обвинение и бремя последствий невыполнения этой обязанности в виде оправдательного приговора суда. Предъявление этого требования к обвинительной речи прокурора тем более важно в условиях признания состязательного характера уголовного судопроизводства и принципа презумпции невинности. Как указал Конституционный суд РФ в постановлении от 20 апреля 1999 г. N 7-

П¹, при полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на вынесение судом оправдательного приговора либо, соответственно, на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования. Такая позиция защиты является допустимой формой отстаивания интересов подсудимого, ибо суд при этих обстоятельствах обязан следовать принципу презумпции невиновности, закрепленному в статье 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Из этого принципа в совокупности с принципом состязательности (ст. 123 ч. 3 Конституции Российской Федерации) следует, что суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Суд, иницируя продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, по сути выполняет не свойственную ему обвинительную функцию.

Рассматривая уголовные дела, суд осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение, поэтому не устранимые ими сомнения в виновности обвиняемого в силу ст. 49 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, толкуются в пользу последнего. Таким образом, если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме, это должно приводить к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

Обвинительная речь, рассматриваемая как одно из важнейших средств осуществления уголовного преследования, не будучи аргументированной не способна выполнять эту важную роль, не сможет повлиять на решение суда и убедить судей в справедливости требований обвинителя. Все то, что доказательствами не подтверждается, из обвинения должно быть исключено. Являясь органом государства, прокурор обязан устранить все ошибки, допущенные в стадии предварительного расследования. Необоснованное обвинение не способствует возникновению доверия к позиции прокурора, умаляет его авторитет. Следует помнить, что убеждающим воздействием обладает не собственная убежденность прокурора, но та совокупность доказательств, на которых его убеждение основано. Как бы ни был красноречив прокурор, любое его слово, не подтвержденное доказательствами, легко оспоримо.

---

¹ См.: Вестник Конституционного суда РФ. - 1999. - №4.

Второе требование, предъявляемое к обвинительной речи, это её *объективность*. Объективность связана с аргументированностью, ибо означает, что содержащиеся в ней положения основаны на материалах дела. Вместе с тем, требование объективности имеет самостоятельное значение. Объективная речь всегда аргументирована, но не всякая аргументированная речь объективна. Для того, чтобы обвинительная речь была признана объективной, она должна не просто опираться на доказательства, но опираться *на все* доказательства, в том числе учитывать и те, которые противоречат обвинительной версии или опровергают обвинение. Прокурор не вправе не только исказить содержание доказательств, но обойти молчаливым те факты, которые ему невыгодны. Прокурор не вправе обвинять «во что бы то ни стало», защищая «честь мундира», прикрывая огрехи, допущенные и не выявленные им в стадии расследования. Не случайно А.Ф.Кони называл прокурора *публично говорящим судьей*, что означает не выполнение им общей с судьей функции, на то, что прокурор не вправе быть менее объективным и менее справедливым, чем судья. Провозгласив приоритет человеческой личности, Конституция РФ (ст.2) возложила на государство в лице его органов обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 18) и гарантировала каждому государственную защиту его интересов (ст. 45). Представляя в уголовном процессе обвинительную власть государства, прокурор защищает не только общественные интересы как таковые, но и интересы отдельной личности, являющиеся важной частью общественного интереса. Необъективность прокурора означает, что он настаивает на незаконном и необоснованном приговоре, а это извращает сущность прокуратуры как государственного органа, призванного обеспечить в стране соблюдение законности.

Третье требование заключается в том, что обвинительная речь должна быть содержательной и конкретной. Хорошо известны слова А.Ф.Кони: «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего». Конкретная речь всегда содержит четкое указание на то, в каких именно действиях обвиняется подсудимый, какие обстоятельства нуждаются в обосновании для того, чтобы вина подсудимого была установлена, и какими доказательствами эти обстоятельства подтверждаются. Обвинительная речь не может состоять из общих рассуждений и ничего не значащих фраз. Цветами красноречия не заменить скрупулезного, детального анализа доказательств и строгого, последовательного изложения фактов. Примером такой неконкретности обвинения может служить речь присяжного поверенного Урусова по известному делу Мироновича в качестве гражданского истца.

Миронович обвинялся в убийстве 13-летней Сары Беккер. Единственным доказательством убийства выступал его сексуальный мотив, который объективно ничем не подтверждался, однако Урусов исходил из него, как из установленного факта. Он говорил: *«Почему, ради чего он убил Сару Беккер? Он убил её не с обдуманно заранее намерением, а в запальчиво-*

сти и раздражении, вследствие неудавшейся попытки воспользоваться невинностью, попытки, оставленной вследствие её сопротивления... (заметим, что подозрение на сексуальный мотив возникло лишь в результате позы трупа, лежавшего поперек кресла с раздвинутыми ногами и задранной до колен юбкой; никаких следов полового насилия, нарушения девственности потерпевшей, а также следов от её сопротивления на теле Мироновича не было обнаружено), «но не сопровождавшейся, по-видимому, - продолжал он, - никакими реальными последствиями, и в которой он на суде не обвиняется (к чему же, если не обвиняется, об этом и говорить?). Если бы он не убил её, он обвинялся бы в покушении на изнасилование, соединенное с растлением и она бы против него свидетельствовала на суде, и он был бы осужден. Чтобы этого не было, он её убил. Он убил её в порыве бешенства и страха, боясь быть застигнутым на месте преступления (бездоказательное предположение). Итак, хотя изнасилования нет (адвокат и сам признает пустоту своих рассуждений), хотя в судебно-медицинском смысле покушение на растление ничем не может быть доказано, но тем не менее обстоятельства дела приводят к непоколебимому заключению, что в основе дела лежит чувственность Мироновича» (во так: доказательств нет, но уверенность непоколебима). Почему же избрал Урусов такой путь для своего выступления? Он сам ответил на этот вопрос: «...если нет мотива, так не о чем говорить»¹.

Защитая Мироновича, присяжный поверенный С.А. Андреевский в связи с этим заметил: «Прокурор рисует в своем воображении свои картины, не имеющие не единой опоры в вещественных следах, делает предположения признанные профессором Эргардтом (экспертом) «из всех невозможных невозможностей самыми невозможными» и недопущенные никем из других ученых (т.е.экспертов). А гражданский истец говорит прямо: нам довольно одного мотива. Лакомка на ребенка - и убил. Но за что же? Не касаясь к ребенку, не пытаясь завладеть им, не получив никакого отпора, ни одной царапины? Нет, так рассуждать невозможно. Мало ли кому чего хочется от живого существа, а другие его убивают. Вам хотелось поскорее наследство получить от старого богача, а его убивает вор, - и вас будут судить только потому, что вы не огорчены его смертью? Разве допустимо уличить одним мотивом, когда самого факта не существует?»².

Требование конкретности не означает, что в обвинительной речи неуместны общие рассуждения. Напротив, они часто не только украшают обвинительную речь, но и необходимы для правильного понимания сути обвинения, если только связаны с обстоятельствами дела. Рассуждения о ценности и неповторимости человеческой жизни, например, уместны по

¹ Речи известных русских юристов... - С. 528-542.

² Там же. - С. 126.

делу об убийстве, они показывают общественную опасность этого преступления. Рассуждения об общих целях уголовного наказания помогают обосновать нравственную и юридическую оправданность предлагаемой прокурором меры наказания. Вопросы психологии полезны для обоснования оценки того или иного доказательства, как, например, в следующей отрывке из речи Кони по делу о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой:

«Если сравнивать действия человека, поступающего закономерно и правильно, с уверенностью в своей правоте, с действиями человека преступного, то в них всегда можно подметить резкие отличительные черты, яркие особенности. Человек, сознающий правоту своих действий, не будет говорить о них с украдкой, не станет действовать, по возможности, без свидетелей, не будет стараться затем подговорить их «на всякий случай», не станет скрывать следов того, что совершил и запастись такими данными, которые должны лишить веры всех, которые могут усомниться в правильности его действий.

Совершенно в обратном направлении будет действовать тот, кто сознает, что поступает нечисто и дурно. У него явятся и подставные свидетели, и сокрытие следов. Иногда на помощь правосудию придет и другое, довольно нередко встречающееся в преступлениях свойство: виновный проболтается, проговорится и сам поможет таким образом разъяснить дело. Желание похвастать, неумение вовремя промолчать слишком общие и частые явления в жизни человека. Иногда виновный дает против себя оружие, проговаривается под влиянием отягощенной совести, которая настойчиво требует хоть косвенного признания. Но чаще бывает, когда он совершит какое-нибудь ловкое действие и видит в том силу и торжество своего ума. С подобного обстоятельства приходится начинать исследование улик и по настоящему делу»¹.

Четвертое требование к обвинительной речи состоит в её нравственности, соответствии этическим требованиям. Речь может быть и страстной и пылкой, но не должна быть раздраженной, не должна свидетельствовать о личной неприязни прокурора к подсудимому. Известно, что А. Ф. Кони, будучи обер-прокурором Сената, отстранил от дальнейшего участия в деле одного из товарищей прокурора за такое высказывание о подсудимом: «Ну, хоть я и проиграл, зато ему всю морду сапогом вымазал». Задача прокурора в суде - не «морду подсудимого сапогом вымазать», но доказать его вину, помня, что подсудимый еще не есть виновный, что оскорбление подсудимого, унижение его чести и достоинства употреблением бранных эпитетов - есть оскорбление и унижение достоинства самой обвинительной власти. Поэтому недопустимо говорить о подсудимых так, как это сделал будучи Генеральным прокурором СССР печально известный А. Я. Вышин-

¹ Кони А. Ф. Избранные произведения... - С. 287.

ский: «Жило-было дело, называлось дело лаборантов за № 2504. Жило-было и его не стало. Есть дело - нет дела. Правда, его не съела свинья, как у Гоголя, но его съели свиньи по предварительному между собой соглашению на общей для них платформе». Комментарии, как говорится, излишни.

При анализе картины преступления, описании личности подсудимого, его взаимоотношений с потерпевшим, тем более при исследовании интимных обстоятельств жизни необходимы такт и чувство меры. Личное благородство оратора является куда более сильным средством убеждения, чем бранные слова в адрес противника. Требование нравственной допустимости ораторских приемов, безусловно, относится ко всем выступающим в прениях, однако прокурор, представляя государство всей своей деятельностью, в том числе и речью, должен свидетельствовать, что в обвинении подсудимого с его стороны нет ничего личного, что такие требования, которые предъявлены к подсудимому, государство предъявляет к любому гражданину. Всегда можно найти достойные для выражения своих чувств слова.

2. Содержание обвинительной речи прокурора

Практически вся литература, посвященная рассматриваемому вопросу, предписывает оратору в своем выступлении изложить политическую оценку дела, фабулу преступления, анализ и оценку доказательств, обоснование квалификации преступления, характеристику личности подсудимого и потерпевшего, соображения по поводу меры наказания и причин, способствовавших совершению преступления. Вместе с тем почти все пишущие на эту тему отмечают, что речь не должна быть шаблонной или стереотипной, однако вышеприведенная структура речи и есть шаблон, избежать которого можно, лишь предоставив оратору право самостоятельно определять содержание и структуру своего выступления, подчиняя их преследуемым в данном процессе целям и исходя из конкретных особенностей рассматриваемого дела.

В обвинительной речи, конечно, присутствуют названные компоненты, однако все её содержание направляется на обоснование виновности подсудимого в совершении преступления, правильности предъявленного ему обвинения, его законности и обоснованности. Виновность подсудимого - главный элемент обвинительной речи, подчиняющий себе все её остальное содержание и предопределяющий её структуру. Но что значит - доказать обоснованность предъявленного обвинения? Когда предъявленное подсудимому обвинение может считаться доказанным? Очевидно, когда совокупность имеющихся в деле доказательств позволяет категорически утверждать, что в действиях подсудимого имеется состав преступления. Охватывая как фактическую, так и юридическую стороны деяния, со-

став преступления выражает его объективную и субъективную стороны. Доказывание состава преступления означает обоснование утверждения, что подсудимый совершил приписываемое ему деяние, что это деяние является общественно опасным, т.е. нарушающим определенные общественные отношения и потому запрещенным законом под страхом наступления уголовной ответственности, и что подсудимый совершил его умышленно или по неосторожности, т.е. виновен. Столь сложная структура состава преступления требует скрупулезного анализа фактических обстоятельств дела и доказательств, относящихся к каждому из его элементов. Поэтому простого перечисления доказательств и изложения их содержания, подобно тому, как это делают следователи при составлении обвинительного заключения, недостаточно. Если прокурор говорит: «Вина подсудимого доказана показаниями потерпевшей, из которых следует, что она обнаружила исчезновение из шкафа хранившихся там денег», то он допускает достаточно распространенную на практике ошибку. Приведенные показания потерпевшей могут служить лишь доказательством факта исчезновения определенной суммы денег, т.е. подтверждать один из элементов объективной стороны состава преступления, да и это обстоятельство еще нуждается в проверке и сопоставлении с другими доказательствами, однако по отношению к вине подсудимого это доказательство индифферентно. Точно так же лишены доказательственного значения встречающиеся в прокурорской практике утверждения о том, что подсудимый уличается в совершении преступления актом судебно-медицинского исследования трупа, из которого следует, что смерть наступила в результате, например, рефлекторной остановки сердца, или о том, что вина подсудимого подтверждается протоколом осмотра места происшествия или обыска. Каждое из этих доказательств устанавливает какой-либо факт, находящийся в определенной связи с другими фактами. Доказывание вины подсудимого в совершении преступления заключается в выявлении этой связи, что требует не просто перечисления доказательств, но их скрупулезного анализа. В противном случае в деле может оказаться большое количество доказательств, подтверждающих, например, наличие какого-либо элемента объективной стороны состава преступления, например, факта пропажи денег, недостаточного для того, чтобы с достоверностью сделать вывод не только о совершении определенным лицом действий, образующих объективную сторону состава преступления, но и совершение этих действий кем бы то ни было.

Нечто похожее имело место по делу Каструбо-Карицкого и Дмитриевой, обвиняемых в краже процентных бумаг на сумму около 38 тыс. рублей. Заявление о совершении кражи от Галича поступило 22 июля 1868 года, однако потерпевший затруднялся точно определить, где (в городском или деревенском доме) и когда (в июне или июле) произошла кража, поскольку наличие ценных бумаг давно не проверял, а если и проверял, то не пересчитывал. Подозрение пало на племянницу Галича Дмитриеву, кото-

рая продавала ценные бумаги под чужим именем, она в свою очередь показала, что бумаги для продажи дал ей её любовник Карицкий, который однажды ночевал в доме Галича, в кабинете, где и хранились деньги.

Защищая Каструбо-Карицкого, Плевако обращал внимание суда на то, что обвинителем не представлено других доказательств совершения кражи его подзащитным, кроме показаний Дмитриевой. Он говорил: *«Прежде всего я должен заметить, что ни обвинитель, ни защитник Дмитриевой не доказывали вам прямо виновность Карицкого в тех преступлениях, в которых обвиняется он по определению московской судебной палаты. Нет, они требовали от вас разрешения других вопросов, которые, правда, наводят на некоторые размышления, способны даже бросить тень на Карицкого, но в смысле прямого обвинения ничего не доказывают ни за, ни против него.»*

Таких вопросов поставлено перед вами три: доказана ли связь Карицкого с Дмитриевой, доказано ли свидание их в остроге и, наконец, имела ли какие-нибудь основания Дмитриева для своей клеветы? Затем, разрешение утвердительно два первых из этих вопросов и отрицательно последний, обвинение заранее торжествовало победу.

Но я не признаю этой победы... В самом деле, если вы решите, что и связь и свидание Дмитриевой с Карицким доказаны, и в то же время скажете, что Дмитриева могла все-таки оклеветать его - то и в таких ответах ваше обвинение еще не найдет для себя прямой опоры. При наличности трех фактов, о которых идет речь, перед нами встает новый, самый существенный в деле вопрос, на который еще нет ответа: достаточно ли их для обвинения, можно ли на основании только этих фактов признать Карицкого виновным?»¹ Присяжные согласились с доводами защитника.

Причиной неубедительных речей обвинителей часто становится неумение анализировать доказательство, делать логически обоснованные выводы из подтвержденных ими промежуточных фактов. Главный вопрос, который прокурор, поддерживая обвинение, решает для себя, это вопрос о том, какие факты должны быть им доказаны, чтобы у суда не осталось сомнений в том, что подсудимый виновен в совершении преступления. Эти факты и образуют, по Сергеичу, боевую схему речи, о которой речь шла выше.

Возьмем для примера уголовное дело по обвинению С. в убийстве своей жены З. В ходе расследования было установлено, что С., за два месяца до происшествия вступивший в зарегистрированный брак с З., праздновал наступление Нового года вместе с ней, её подругой Л. и мужем подруги в принадлежащем ему частном доме. Утром 1 января между присутствовавшими в доме возникла ссора на почве ревности, испытываемой С. к своей жене и Л., в ходе которой З. был нанесен удар ножом в область

¹ Плевако Ф.Н. Избранные речи... - С. 75-76.

сердца, от которого она и умерла. С. было предъявлено обвинение в умышленном убийстве.

Что должен был доказать прокурор для обоснования вины С. в судебном заседании при отсутствии прямых доказательств?

Первое - наличие у С. мотива к убийству, т.е. ревности.

Второе - отсутствие мотива к убийству у Л. и её мужа.

Третье - отсутствие у З. мотива к самоубийству.

Четвертое - физическую невозможность самоубийства.

Пятое - ложность показаний С., а для этого - время наступления смерти и наличие инсценировки.

Группировка доказательств вокруг этих обстоятельств позволяла убедительно обосновать вывод о совершении обвиняемым вмененного ему преступления.

Таким образом, нельзя доказывать виновность подсудимого в целом, для этого необходимо обосновать ряд тезисов, закономерно приводящих к основному выводу. Иногда требуется доказывать, что инкриминируемое подсудимому деяние имело место, иногда - что это деяние содержит состав преступления или что его совершил именно подсудимый. В других случаях - требуется доказать наличие умысла или обосновать неосторожность.

Разумеется, задача обвинения решается проще в делах, где имеются прямые доказательства совершения преступления определенным лицом. В таких случаях основная задача обвинителя сводится к обоснованию достоверности обвинительных доказательств. При этом нельзя забывать, что совершение лицом общественно опасного деяния возможно и при отсутствии вины, поэтому субъективная сторона преступления - всегда предмет особой заботы обвинителя.

Обвинение может быть построено и по иной схеме. Например, в случае наличия у подсудимого алиби одним из важнейших элементов обвинительной речи является его опровержение, а в случае признания подсудимым вины - обоснование добровольности такого признания. Иногда для обоснования виновности одного подсудимого прокурор должен доказать невиновность другого.

Такой способ доказывания мне пришлось использовать много лет назад при осуществлении обвинения по делу А. и П., совершивших в ночное время разбойное нападение на гражданина Борисова, в ходе которого ему был нанесен удар ножом, приведший к смертельному исходу. Борисов не был допрошен, так как, несмотря на сделанную ему операцию, умер, однако, придя в себя, успел рассказать об обстоятельствах убийства своей матери. По словам матери, удар ножом был нанесен старшим из нападавших, одетым в пиджак. Старшим был А., ему на момент совершения преступления исполнился 31 год, он трижды судим, в том числе и за совершение разбойного нападения, сопряженного с вовлечением в него малолетнего. Именно он в тот вечер был одет в пиджак. П. было всего 15 лет, и одет он

был в белую рубашку. А. своей вины не признавал. В судебном заседании оба подсудимых утверждали, что А. передал свой пиджак П., а последний к тому же заявил, что удар ножом нанес именно он.

Для доказывания вины А. в умышленном убийство пришлось значительную часть речи посвятить обоснованию невиновности П., а для этого доказать, что его признание вины - самооговор. Это в свою очередь потребовало обоснования мотива самооговора (в суде П. заявил, что ему «все равно больше десятки не дадут»), допустимости и достоверности производного доказательства - показаний матери потерпевшего (которая была следователем допрошена раньше, чем произошло задержание подозреваемых), неубедительности показаний П. (он не смог описать оружие преступления и сказать, где взял и куда его затем выбросил), их противоречивости (первоначально П. изобличал в совершении убийства А.), сравнения и оценки данных о личности обоих подсудимых.

Выступая вторым, защитник П. не мог не сказать, что его задача почти полностью выполнена прокурором.

Обвинительная речь может быть построена на основе данных о личности подсудимого или потерпевшего или их противопоставлении. Во главу угла могут быть положены причины, которые привели к преступлению - все зависит от того, какую цель избрал обвинитель в качестве непосредственной. Поэтому заранее предписывать прокурору определенную структуру речи не только нецелесообразно, но и не нужно, и даже вредно. Структура речи, её композиция определяется логикой доказывания, избранной прокурором стратегией. Нельзя загонять живую речь в жесткие рамки. Не случайно уголовно-процессуальный закон (ст. 248) указывает, что прокурор обязан представить суду свои соображения лишь по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого. Как, каким путем прокурор придет к обоснованию этих соображений, зависит от избранной им линии поведения, в конечном итоге - от обстоятельств конкретного дела.

Сказанное не означает, что в речи прокурора нет места оценке преступления с точки зрения его общественной опасности, анализу причин и условий, способствовавших совершению преступления, но разбор любых, в том числе и этих, обстоятельств должен быть подчинен основной цели обвинительной речи. Если по делу нет спора о вине, то со всей остротой может встать вопрос о целесообразности применения к подсудимому уголовной репрессии, о необходимости назначения наиболее строгой или даже исключительной из предусмотренных законом мер наказания. В таком случае не исключено, что центр тяжести обвинительной речи придется на обоснование опасности преступления, демонстрации его последствий, степени причиненного общественным и личным интересам вреда. Значительного внимания в этом случае заслуживает личность подсудимого. А там, где прокурор полагает возможным смягчение уголовной репрессии, его

речь направляется на изобличение общественных пороков, которые привели к совершению преступления и по поводу которых необходимо частное определение суда.

Точно так же самостоятельно и творчески, руководствуясь внутренней логикой обвинительной речи, прокурор избирает последовательность изложения своих доводов. Однако представляется, что фабула обвинения прокурором должна излагаться во всех случаях, иначе слушатели могут не понять, к чему относятся те или иные доводы. Освещая событие преступления, прокурор одновременно сообщает план своего выступления, определяет, на что будет направлено его внимание. Если в ходе судебного следствия обстоятельства дела претерпели изменения, прокурору следует акцентировать на этом внимание, показать, каков был характер и объем обвинения по обвинительному заключению и что из этого обвинения он намерен поддерживать в настоящий момент. Возможно, что уже при изложении фабулы обвинения потребуются приведение доказательств - если спор вызывает её преступный и уголовно-наказуемый характер (например, имело место убийство или самоубийство).

Доказав наличие события преступления, следует обосновать его состав, т.е. сразу же дать его юридическую квалификацию, и лишь потом переходить к изложению доказательств, подтверждающих совершение преступления подсудимым. Однако если спорной является именно квалификация деяния, а не участие в нем подсудимого, последовательность изложения аргументов может быть изменена. Бесспорно установленное всегда целесообразнее излагать ранее спорного тогда на него можно опереться в своих рассуждениях, использовать как логическое основание для последующих выводов.

Совершенно очевидно, что нельзя заранее указать, в какой момент выступления прокурор должен сообщить суду свой взгляд на общественную значимость преступления и нужно ли ему будет это делать вообще. Преступление может не иметь большого общественного значения, однако его общественная опасность, как предусмотренного уголовным законом деяния, слишком очевидна, чтобы говорить о ней без необходимости обосновать тот или иной вид наказания или его конкретный размер. Там, где это необходимо, для демонстрации общественной значимости преступления можно привлечь данные о распространенности этого вида преступления в соответствующем регионе, о изменности мотивов, которыми руководствовался подсудимый. Для обоснования особой общественной опасности преступления можно использовать данные о страданиях потерпевшего и наличии отдаленных вредных последствий. Общественная опасность преступления может проявиться в породивших его причинах, в каких-то негативных явлениях общественной жизни, сопровождающих преступление, поэтому её изложение может совпасть с характеристикой соответствующих элементов обвинительной речи. Рекомендации о структурном со-

держании речи приводят лишь к искусственному вычленению какого-либо ее элемента из контекста, лишают речь естественной стройности и логичности. Сказанное относится и к характеристике подсудимого как элемента обвинительной речи. Она может прозвучать в обвинительной речи в разных аспектах: для демонстрации повышенной общественной опасности преступления, для обоснования необходимости назначения подсудимому наказания, избрания конкретного его размера и необходимости его реального отбытия, для определения мотива преступления. В качестве примера удачного совмещения характеристики подсудимого с общественным значением преступления приведем завершающую часть произнесенной в Сенате речи А.Ф. Кони по делу Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности. Обосновывая невозможность удовлетворения ходатайства осужденного об отмене приговора судебной палаты, А.Ф. Кони говорил: *«Будучи в настоящее время прокурором апелляционного суда, т.е. представителем обвинительной власти, я выражаю надежду, что Правительствующий Сенат оставит приговор палаты в силе, а ходатайство подсудимого без последствий. Устав о службе гражданской т. III Свода законов определяет в ст. 712 «общие качества должностного лица и общие обязанности, которые должны быть зеркалом всех его поступков». К ним принадлежат: здравый рассудок, человеколюбие, рвение о должности, правый и равный суд всякому состоянию и т.д. Мы видели, как часто гнев потемнял здравый рассудок подсудимого, мы знакомы с характерными способами выражения им своего человеколюбия, мы знаем, как рвение о должности превращалось у него в рвение о своей власти, нам известно, как облегал он обращение к своему правому и равному суду... Он не может без опасения причинения дальнейшего вреда поручаемому ему делу оставаться матросом на корабле государственной службы. Его следует ссадить за борт, и когда он, предавшись частной жизни, сольется с массою людей, не имеющих никакой власти, он взглянет на последнюю снизу вверх и, вероятно, поймет, как дурно для других и опасно для себя распорядился он тою властью, которая была ему с доверием дана...»¹.*

3. Характеристика отдельных элементов речи прокурора

3.1. Анализ доказательств

Анализ доказательств является, несомненно, важнейшим элементом обвинительной речи. Определив стратегию своей речи, план доказывания виновности подсудимого, прокурор в обоснование каждого из своих выводов должен взять только такие доказательства, которые не вызывают со-

¹ Кони А.Ф. Избранные произведения... - С.258-259.

мнения в своей допустимости и достоверности. Верным может быть только тот вывод, который вытекает из верных посылок. В обвинительной речи анализу и оценке подвергается как каждое отдельное доказательство, так и все доказательства в совокупности.

Прежде всего детальному разбору подлежат показания подсудимого, независимо от того, признает ли тот свою вину. Несмотря на то, что показания подсудимого теорией доказательств рассматриваются лишь как одно из доказательств, равное с другими и не имеющее по сравнению с ними ни большей, ни меньшей силы, они не утрачивают своего особого значения. Это значение определяется тем, что подсудимый - главный и непосредственный участник преступления, он лучше, чем кто-либо другой, знаком с обстоятельствами его совершения и, следовательно, может дать о нем наиболее полную информацию. Показания подсудимого - важнейшее средство его защиты, поэтому ни орган уголовного преследования, ни суд не вправе игнорировать его объяснения, лишая возможности защищаться. Показания подсудимого должны быть тщательно проверены и сопоставлены с другими доказательствами и в зависимости от их содержания либо использованы для обоснования обвинения, либо опровергнуты.

Задача прокурора значительно упрощается, если подсудимый признает себя виновным в совершении преступления, однако, помня об известном правиле оценки этого вида доказательства, прокурор обязан обосновать правдивость этих показаний, добровольность сделанного признания, его соответствие иным доказательствам. При отрицании подсудимым вины у прокурора есть два варианта поведения. Он может обойти молчанием позицию подсудимого и доказать его вину с помощью других доказательств; ложь подсудимого, таким образом, становится очевидной и в опровержении не нуждается. При втором варианте обвинитель шаг за шагом опровергает показания подсудимого, показывает суду их надуманность и противоречивость. Возможно использование и обоих приемов одновременно.

Пример: С. утверждает, что войдя в кухню, увидел кровь на груди своей жены. Поняв, что что-то произошло, возможно самоубийство, а может быть и убийство - подруга жены Л. в одной сорочке стоит рядом и держит раненую за руку, выскочил во двор и стал заводить машину, чтобы доехать до телефона-автомата и вызвать "скорую". По его словам, он был сильно обеспокоен состоянием жены, поэтому не стал к ней подходить, а сразу бросился к машине. Выехав со двора, в 70 метрах от калитки увидел идущих впереди супругов Л., полностью одетых в зимнюю одежду. На вопрос суда ответил, что не видел, как Л. прошли мимо него, сидящего в машине.

Остановимся пока на этом. Все эти показания при правильной оценке выглядят совершенно неубедительно. Прокурору достаточно задать вопрос: что делает муж, видя жену раненой? Что делает любой человек в подобной ситуации? Разве не естественно спросить, что случилось, попы-

таться помочь, поднять на руки, положить на диван, перевязать? Поведение С., им самим описанное, противоречит элементарным психологическим законам, здравому смыслу, нелогично. Возможные контраргументы С. сводятся к тому, что он только что застал жену в двусмысленной, как он утверждает, позе с посторонним мужчиной, гостем, мужем подруги, и требовать от него в такой ситуации заботы о жене – противоестественно. Однако позволительно тогда спросить, куда же бросился С., увидев раненую жену? За помощью. Значит ли это, что его раздражение против жены прошло? Что сострадание проснулось в нем? Допустим. Но почему тогда, увидев, что подруга вместе с мужем уходит, не остановился, не спросил, как она могла оставить раненую одну? С. отвечает, что решил, что жене стало лучше. Настолько лучше, что подруга оставила её одну с ножевым ранением? Но если лучше, значит можно вернуться и не звонить в "скорую", а если он все-таки едет дальше, и звонит, и говорит дежурной, что жена пырнула себя ножом и умирает, то как мог не возмутиться, увидев, что гости уходят, оставляя его жену окровавленную, бесчувственную? Где правда? Где логика?

Обратимся к другой части показаний С. Вот он видит, что Л. стоит на кухне раздетая, в одной сорочке и даже описывает рисунок этой сорочки. А спустя несколько минут он же видит её впереди себя, за 70 метров от дома, одетой в зимнее пальто, сапоги (а родственники, к которым Л. пришли подтвердили, что она была полностью одета, в чулки и теплое зимнее белье, которое женщины носят зимой). На вопрос суда С. отвечает, что машина, не смотря на зимнее время, завелась сразу, значит прошло совсем мало времени – когда же Л. успела одеться и уйти так далеко?

Еще неточность. С. утверждает, что вышел из дома первым, Л. оставалась еще там. Каким образом она оказалась впереди С. на дороге? Он говорит, что не видел, как Л. с мужем прошли мимо него, но нарисованный им план двора явно говорит о том, что пройти можно только по той дорожке, где стояла машина, вплотную к машине, т.к. вся остальная территория занесена снегом. Пройти больше нигде, но и незамеченным пройти нельзя.

Так постепенно опровергаются показания обвиняемого.

Сложна позиция прокурора при изменении подсудимым показаний в зале судебного заседания, что достаточно распространено на практике. Признавая свою вину на следствии и отрицая её в суде, подсудимый, как правило, ссылается на оказываемое на него давление со стороны органов расследования, нарушение права на защиту, плохое самочувствие на допросе и подобные обстоятельства. Дать этим заявлениям оценку достаточно сложно, поскольку нарушения прав обвиняемых и подозреваемых все еще имеют место и формальное наличие в протоколе допроса всех отметок о разъяснении прав и подписей не всегда свидетельствует о том, что признание делалось обвиняемым в свободной от принуждения обстановке.

Лучше всего в таком случае аргументировать свои доводы другими доказательствами, наличие которых убеждает, что у органов расследования не было должных мотивов к недобросовестному склонению обвиняемого к признанию вины. Тем самым косвенным образом подтверждается и правдивость тех показаний, которые были получены от обвиняемого на следствии.

Изменение показаний в судебном заседании обусловлено и приближающимся наказанием, и ознакомлением обвиняемого с материалами дела, и мотивами, которыми обвиняемый руководствовался признавая свою вину. Тонкий знаток психологии А.Ф. Кони так описал состояние подсудимого в своей речи по делу Александра Штрамма: в его показаниях *«повторилось общее явление, свойственное всем делам, где собственное сознание обвиняемого является следствием косвенных улик. Сначала подозреваемый сознается совсем неправильно; потом, когда улики группируются вокруг него, когда сила их растет с каждым днем, с каждым шагом следователя, обвиняемый подавляется этими уликами, ему кажется, что путь отступления для него отрезан, и он дает показание наиболее правдивое; но проходит несколько времени, он начинает обдумывать все сказанное им, видит, что дело не так страшно, каким казалось сначала, что против некоторых улик можно придумать опровержение, и тогда у него является третья сознание, в котором он признается лишь в том, в чем нельзя не признаться».*

Для того, чтобы правильно оценить правдивость тех и других показаний обвиняемого, следует понять, чем мотивировано их изменение. По делу Р. и других, обвинявшихся в изнасиловании и убийстве несовершеннолетней, один из подсудимых - С. - в суде неожиданно заявил, что Р. не насиловал потерпевшую и не приказывал её убить. Исследование доказательств в суде установило, что Р. перед своим арестом собирался жениться на сестре С. и уже жил с ней на правах мужа. Это обстоятельство в совокупности с данными о возрасте С. (15 лет) и Р. (19 лет), с учетом руководящей роли Р. в совершении преступления и информации о том, что во время перевозки подсудимых в суд они имели возможность общаться между собой, позволило оценить изменение С. показаний как стремление помочь Р. избежать ответственности.

Поскольку среди доказательств значительное место занимают свидетельские показания, очень важно уметь отличать правду от лжи, различать преднамеренное и ненамеренное искажение свидетелями действительности. В классическом смысле слова свидетель - это лицо, не причастное к совершению преступления, а следовательно, объективное. Однако таких свидетелей бывает не так уж и много. Многие свидетели состоят в родственных отношениях с обвиняемым или потерпевшим, имеют с ними дружеские или приятельские связи. Многие становятся свидетелями в силу того, что сами так или иначе причастны к совершению преступления, но по

тем или иным причинам к ответственности не привлечены. Незаинтересованные в исходе дела свидетели могут иметь недостатки органов чувств или плохую память. Наконец, на показаниях свидетелей отражаются объективные закономерности протекания познавательных процессов - ощущений, восприятия, запоминания и забывания. Взятые все вместе эти причины делают свидетельские показания весьма уязвимым доказательством, но именно они и придают этому виду доказательств особую ценность, незаменимость. Редкий свидетель говорит абсолютную правду, ни в чем не ошибаясь и не заблуждаясь, так же, как и редкий свидетель говорит абсолютную ложь. В его показаниях всегда содержится полезная для ваших интересов информация, а знание психологии человека, особенностей протекания познавательных процессов поможет правильно её оценить.

Людмила Л., допрошенная сразу же после того, как сообщили об убийстве подруги, дает показания о том, что когда они с мужем, изгнанные ревнивым мужем подруги, уходили, З. стояла на крыльце, упрашивая остаться, прижимала к груди полотенце или салфетку, на которой, как ей кажется, была кровь. Эти показания давали основания думать, что убийство было совершено до того, как супруги Л. ушли из дома С., следовательно, даже если они сами к убийству не причастны, то что-то видели, но от следствия скрывают. Впоследствии Л. уточнила показания, заявив, что её сообщение о том, что она видела кровь было лишь предположением.

Для того, чтобы правильно оценить эти показания, следует учесть такой фактор как внушаемость свидетеля, благодаря которому он сообщает то, что ему кажется должно было быть при определенных обстоятельствах. Скандальная ночь, необоснованная ревность со стороны подруги мужа, его буйство, некрасивая сцена изгнания гостей, ночное путешествие к родственникам и последующее обсуждение с ними происшедшего вызывали массу впечатлений, высказываемых вслух и осмысливаемых про себя. Появление ранним утром работников милиции с сообщением, что подруга убита, закономерно вызвало мысль: я так и знала. Свидетельнице начинает казаться, что она действительно знала, что так все и закончится, что она, кажется, даже видела что-то красное в руках стоящей на крыльце подруги. Почему она прижимала полотенце к груди? Очевидно, зажимала рану. Почему опиралась на косяк двери? Потому, что была уже ранена. Все это не более, чем домыслы, результат разыгравшегося воображения. Прошло время, свидетельница успокоилась, стала способна спокойно вспоминать тягостное событие и поняла, что ничего этого она в действительности не видела, иначе бы ни за что не ушла, оставив давнюю подругу без помощи.

В показаниях подсудимых и свидетелей следует искать такие детали, которые не могут быть выдуманы, а значит, являются доказательством правдивости. Например, свидетель, описывая действия подсудимого, говорит: «Со слов подсудимого, когда он вошел в комнату, у раненой кровь била, как из курицы». Это сравнение, придумать которое невозможно, го-

ворит о том, что подсудимый по меньшей мере присутствовал в момент нанесения удара, а не вошел в комнату позднее. По разъяснениям экспертов, фонтанирование крови кратковременно и возможно лишь в момент извлечения из раны орудия преступления.

Для оценки показаний свидетелей важно, через какой промежуток времени после преступления они были допрошены - сразу же, по горячим следам, когда они еще не знают тех обстоятельств, в сокрытии которых заинтересованы, или когда им уже известно значение тех или иных фактов.

По делу С. был допрошен его сын Азат, который сообщил на первом допросе, что отец приехал к нему в 4.30 утра. Однако по словам отца, он заехал к сыну сразу после звонка в "скорую помощь". Звонок поступил в 5.44. Разница во времени давала обвиняемому возможность вместе с сыном произвести инсценировку места происшествия. Это обстоятельство разрушало и версию С. о том, что он не знал, что произошло с женой, т.к. сразу же кинулся вызывать скорую. Поэтому вникнув в обстоятельства дела, Азат на втором допросе изменил свои показания, сказав, что не помнит точного времени прихода отца, но это было уже утром, ближе к 6 часам.

Прокурор не может оставить без внимания и те доказательства, которые противоречат избранной им линии доказывания. Это ослабляет его позицию, делает его необъективным. Поэтому задача прокурора - продемонстрировать ложность таких показаний или хотя бы зародить сомнения в их достоверности. Достигается это путем демонстрации внутренней противоречивости свидетельских показаний, сопоставления их с теми фактами, которые бесспорно установлены, указания на несоответствие правде какой-либо части показания - и сомнительным становится все доказательство.

Имеет ли значение для оценки показания личность свидетеля? Можно ли ссылаться на прошлое поведение свидетеля в доказательство правдивости или ложности его показаний? Личность свидетеля весьма важна для оценки показаний. Мы обычно связываем сообщаемое человеком с тем, что он из себя представляет, насколько он для нас в какой-то ситуации авторитетен. Например, свидетель говорит, что подсудимый - хороший врач, но сам у него никогда не лечился. Цена его показаниям - грош. Личность человека может свидетельствовать о наличии или отсутствии мотива лжи. Любая порочащая свидетеля информация, в том числе и не имеющая отношения к делу, способна вызвать негативное отношение к нему и тем самым поставить под сомнение правдивость показаний. В деле действительно сомнительном использование этого способа доказывания ненадежности показаний может сыграть значительную роль. Но если показания такого свидетеля соответствуют обстоятельствам дела и подтверждаются другими доказательствами, использование такого приема может умалить достоинство судебного оратора. Допустим, свидетель в прошлом судим. Разве это является доказательством его лжи в данном деле? Допустим, свидетель пьяница, в связи с чем восприятие им событий часто искажено.

Но если в описываемом им случае он был трезв? Гораздо более эффективно разрушает доверие к свидетельским показаниям указание на объективные причины, влекущие ненамеренное искажение действительности - плохое зрение свидетеля, слабая память, насыщенность его жизни событиями, вследствие чего он мог перепутать их последовательность, и т.п.

Проанализированы должны быть в обвинительной речи и другие доказательства - заключения эксперта, вещественные доказательства, документы и протоколы. Как правило, сами по себе они не уличают в совершении преступления, но являются важными звеньями в цепи логических рассуждений, подтверждая отдельные, промежуточные выводы. Скажем, у обвиняемого обнаружено орудие преступления. Достаточно ли это для того, чтобы заявить о его виновности? Разумеется, нет. Адвокат скажет, что это оружие обвиняемому было подброшено, что не этим оружием совершено убийство. Поэтому прежде, чем от факта обнаружения оружия строить вывод о виновности подсудимого в совершении преступления, следует доказать, что обвиняемый имел намерение совершить преступление, для чего и приготовил оружие, что на нем имеются отпечатки его пальцев, что оружие имеет следы недавнего употребления, что обыск был произведен по всем правилам и понятые наблюдали факт обнаружения оружия, что им не мог воспользоваться никто другой.

Заключение эксперта само по себе тоже, как правило, недостаточно для утверждения о вине подсудимого, ибо эксперт никогда не может указать на конкретное лицо, как совершившее определенные действия. Однако экспертиза дает такие промежуточные факты, которые, если взять их в совокупности с другими, создают неопровержимую цепь доказательств. Например, эксперт дает заключение о причине смерти от проникающего ножевого ранения, однако в мотивировочной части отмечает направление раневого канала - сверху вниз, спереди назад и слева направо. В совокупности с данными о том, что потерпевший не был левшой, это заключение опровергает версию о самоубийстве.

Таким образом, анализ и оценка каждого отдельного доказательства важны не сами по себе, а лишь в связи с тем местом, которое каждое из них занимает в общей линии доказывания.

3.2. Характеристика подсудимого

Она может иметь значение не только сама по себе, но и для установления мотива совершения преступления, который привлекается прокурором для доказывания виновности, а защитником - для смягчения ответственности подсудимого. Если в первом случае речь идет о социальной характеристике личности - отношений к труду, семье, поведении в прошлом, то во втором - и о психологической характеристике личности, о её нравственных переживаниях и внутренних побуждениях. Этот аспект очень силен в речах юристов прошлого века и практически отсутствует в совре-

менных. В речах наших обвинителей характеристика личности подсудимо-го излагается, как правило, формально, чаще всего можно услышать стандартную фразу: «При назначении меры наказания прошу учесть, что подсудимый на момент совершения преступления нигде не работал, ранее трижды судим, преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения...». Между тем это один из наиболее сложных компонентов обвинительной речи, требующий глубокого знания психологии человеческого поведения. Что чувствовал, что думал человек, готовясь к совершению преступления, что пережил совершив его - ответить на эти вопросы, значит понять и подсудимого, и причину его преступления, точно определить степень опасности его для общества, наличие или отсутствие необходимости лишения свободы.

Но чтобы составить характеристику личности, следует изучить предшествующую жизнь человека, допросить близко знавших его людей, исследовать его поступки. Образ подсудимого складывается и из его отношения к содеянному, с очевидностью проступающего из его собственных показаний. Для оценки личности важны не столько прямые ответы подсудимого на вопрос об отношении к содеянному, сколько описание им подробностей совершения преступления - ведь лучшая характеристика дается не словами, а фактами.

Н., описывая совершенное им убийство женщины, говорил: «Я её взял за голову и - об колено». Характер проступает отчетливо, так не сделает и так не скажет человек, лишенный жестокости, однако если задать подсудимому прямой вопрос, он скорее всего ответит, что сожалеет о содеянном.

Вот как описывает подсудимого обвинитель А.Ф. Кони: *«Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы он не ссорился, человек «озорной», неспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно - и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», стало быть человек, не очень оставяющийся в своих порывах.*

Для того, чтобы признать человека виновным, еще недостаточно признать, что им совершено преступление. Вина человека - его внутреннее душевное отношение к содеянному, задача суда - установить характер этого отношения - наличие злой воли, как говорили раньше, т.е. умысла, или следование влиянию ослепляющей страсти. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращающийся со своей любовницей, «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю: «Идешь ли?» - прикрикивает он на жену, зовя её с собою; «Гей, выходи», - стучит в окно, «выходи», - властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто

ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла»¹.

Основания для вывода о характере человека есть в любом деле, надо уметь пользоваться его материалами. Если свидетель употребляет по отношению к подсудимому какой-то эпитет, например, трудыга, добряк, пьяница, значит он его хорошо знает. В речи этот эпитет можно воспроизвести. При этом следует помнить, что свидетельские показания о личности могут быть субъективны, мы склонны оценивать человека потому, как к нему относимся. Характеристика подсудимого должна быть объективна, как и все остальное в речи обвинителя. Известно, что прокурор склонен считать подсудимого худшим, а защитник - лучшим, чем он есть на самом деле. И хотя защитник вправе рисовать облик подсудимого односторонне, а прокурор - нет, возможно, оба они характеризуют его верно: в каждом человеке переплетается и хорошее, и плохое. Еще Ларошфуко писал: «В отдельных случаях умный человек может поступить как глупец, упрямый - с уступчивостью, храбрый как трус, грубый и жестокий - с нежностью и мягкосердечием».

У нас часто путают характеристику личности как описание человека и характеристику как документ с аналогичным названием, в котором в сухой и очень краткой форме сообщается, кем работал подсудимый, пользовался ли уважением в коллективе, нарушал ли трудовую дисциплину. Но что за человек подсудимый - из материалов дела часто не видно. Исследованию личности на суде уделяется мало внимания, очевидно потому, что субъективная сторона преступления перестала быть предметом доказывания, вина в виде умысла или неосторожности презюмируется, особенно при наличии заключения психиатрической экспертизы о вменяемости. Однако способность человека сознавать характер своих действий и руководить ими не означает еще, что в данный конкретный момент он отчетливо понимал, что делает и каковы будут последствия. В психологии, кроме преступлений, совершенных в заранее обдуманном намерении или по неосторожности, выделяют большую группу так называемых аффективных преступлений. Они относятся к разряду умышленных, однако зависимость поведения от внешней ситуации, какого-либо повода, на котором фокусируется сознание, не позволяет говорить о полном осознании таким лицом фактического характера и общественной опасности своих действий и о способности руководить ими. Возникающее в острых психотравмирующих ситуациях сильное душевное волнение в определенный пиковый момент достигает такой силы, что лишает человека способности адекватно оценивать ситуацию и контролировать свои действия. Эта особенность человеческого по-

¹ Кони А.Ф. Избранные произведения... - С. 302-303.

ведения учитывается законодателем, предусматривающим значительно меньшую ответственность за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего или иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего (ст. 107 и 113 УК РФ). В доказывании аффекта заинтересована, как правило, сторона защиты. Однако и прокурор не может выполнить своей задачи и утверждать, что подсудимый в полной мере ответственен за свои поступки, без анализа аффективной ситуации и мотивации поведения подсудимого.

В преступлениях против личности важное значение имеет анализ взаимоотношений подсудимого с потерпевшим, поскольку именно в них зачастую кроется причина преступления и именно они позволяют судить о степени опасности личности для окружающих - носит ли преступление ситуативный характер и вызвано лишь конкретными межличностными отношениями или оно совершено в отношении случайной жертвы, на месте которой мог оказаться любой человек. Проявляя объективность в первом случае, прокурор не может оставить без внимания роль потерпевшего в преступлении, однако он имеет возможность утверждать, что поведение жертвы не может оправдывать подсудимого, что никто не вправе быть судьей другого и поднимать руку на другого человека, что есть другие способы разрешения конфликта. Во втором же случае чернить личность потерпевшего вовсе не уместно, т.к. она не находится в причинной связи с содеянным. Однако прокурор может выразить сожаление, что жертва была неосторожна и неосмотрительна, вследствие чего явилась легкой добычей для подсудимого, и подчеркнуть коварство и вероломство последнего, воспользовавшегося доверчивостью или слабоумием потерпевшего, объективными обстоятельствами и т.п. Любая ситуация всегда имеет две стороны, однако при их оценке важно соблюсти такт и чувство меры, не перехватить через край.

3.3. Соображения о мере наказания

Цель уголовного судопроизводства заключается в разрешении уголовно-правового конфликта, восстановлении социальной справедливости. Этой цели служит определяемое судом наказание подсудимого, призванное в какой-то мере восстановить справедливость, воздав преступнику за причиненное им зло. Наказание должно быть соразмерно конкретной вине, определить которую может только суд, поэтому наказание, предусмотренное уголовным законом, всегда альтернативно. Представляя государство, прокурор вправе от его имени высказать свое суждение о том, какая из установленных государством альтернатив наиболее целесообразна в данном случае. Однако в теории существует вопрос степени конкретизации про-

курором своих предложений о наказании подсудимого, об обращении к суду с просьбой о применении конкретного вида и размера наказания.

Ст. 248 УПК РСФСР - прокурор высказывает суду свои соображения по поводу меры наказания в отношении подсудимого - дает основания для предположения, что закон имеет в виду и *вид*, и *размер* наказания, охватываемые понятием *мера наказания*. На практике прокуроры так и поступают, однако всегда ли это правильно? Всегда ли можно обосновать предложение конкретного размера наказания? Где та грань, которая позволяет прокурору утверждать, что за совершенное зло подсудимый должен расплатиться пятью годами и шестью месяцами лишения свободы, а не пятью или шестью годами?

Прокурор, бесспорно, должен не только назвать, но и обосновать свое предложение о применении исключительной меры наказания, о пожизненном заключении, о назначении высшего или низшего пределов санкции конкретной статьи, о наказании ниже низшего предела. Требуется обязательного обоснования предложение об условном осуждении, о применении отсрочки исполнения приговора. Все эти случаи свидетельствуют о неординарности обстоятельств дела и требуют взвешенного подхода и тщательного обоснования. Но всегда ли может прокурор доказать, что для целей исправления подсудимого или предупреждения преступлений необходимо ровно 6 лет изоляции от общества, ни больше-ни меньше?

Конкретизация прокурором предлагаемой им меры наказания порой ставит суд в сложное и двусмысленное положение, вызывает у присутствующих недоуменные вопросы, формирует искаженное представление о сути происходящего. Если суд назначает ту же меру наказания, которую предложил прокурор, у присутствующих возникает убеждение, что суд и прокурор заодно, а если суд применил более мягкое наказание - значит прокурор был необъективен. Еще хуже бывает, когда суд назначает наказание более строгое, чем предлагается прокурором (иногда это делается исключительно для демонстрации судейской независимости). Избежать всех этих неадекватных оценок можно, лишь предоставив суду право самостоятельно решать вопрос о размере наказания, предварительно сообщив ему всю информацию, влияющую на его выбор.

В обвинительной речи прокурор может высказать свои соображения и по другим вопросам, подлежащим разрешению в приговоре: о том, следует ли и в каком размере удовлетворить гражданский иск, как поступить с вещественными доказательствами, нужно ли отменить или изменить меру пресечения до вступления приговора в законную силу, вынести частное определение. Однако необходимость осветить эти вопросы определяется конкретными обстоятельствами дела.

4. Речь прокурора при отказе от обвинения

Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа (ч.3 ст. 248 УПК). Отказ прокурора от обвинения возможен на любом этапе предварительного слушания и судебного разбирательства дела судом присяжных (ч.1 ст. 430 УПК).

Кем является прокурор при отказе от обвинения? Какую функцию выполняет? Как называется его речь в этом случае? Каковы последствия отказа прокурора от обвинения? Ответ на поставленные вопросы меняется по ходу продвижения судебной реформы. Прежнее законодательство однозначно исходило из того, что суд не связан мнением обвинителя и вправе продолжить разбирательство дела в обычном порядке, а следовательно, и постановить обвинительный приговор. Основанное на старой концепции судопроизводства, при которой суд признавался субъектом доказывания и был обязан устанавливать истину, такое положение приводило к смешению процессуальных функций и принятию судом на себя функции обвинения. Между тем обвинение есть источник и движущее начало уголовного процесса. Нет обвинения - нет уголовного процесса. Если тем не менее процесс продолжается, значит, продолжается и обвинение. Если процесс продолжает суд, значит, он и становится обвинителем. Однако, как указал Конституционный суд РФ в Постановлении от 20 апреля 1999 г. N 7-П¹, принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве означает прежде всего строгое разграничение судебной функции разрешения дела и функции обвинения, которые осуществляются разными субъектами. Разрешая дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в данном деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование. При этом состязательность в уголовном судопроизводстве во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшими. Возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность этих органов и лиц по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписанием ст. 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия судом.

Иницилируя продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, суд по сути выполняет не свойственную ему обвинительную функцию. Согласно конституционному принципу презумпции невиновно-

¹ Вестник Конституционного суда РФ. - N 4. - 1999.

сти, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Из этого принципа в совокупности с принципом состязательности (ч.3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) следует, что суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование, поскольку по ст.118 и 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия.

Установленное в ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР правило, согласно которому отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого, противоречит Конституции РФ. В результате функция поддержания обвинения переходит фактически к самому суду, и он должен обеспечивать выявление и исследование обобщающих данное обвинение доказательств.

Конституционный суд РФ при этом сослался на свое Постановление от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР¹, в котором было отмечено, что в состязательном процессе суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение дела, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и не может принимать на себя дополнительно выполнение процессуальной функции стороны, представляющей обвинение, так как это нарушает конституционный принцип состязательности и приводит к тому, что сторона, осуществляющая защиту, оказывается в худшем положении. Сформулированная Конституционным судом Российской Федерации правовая позиция в полной мере применима к ситуациям, порождаемым нормой ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР, когда суд должен продолжать рассмотрение обвинения, предъявленного органами расследования, даже при отказе прокурора от его поддержания. Более того, по смыслу указанной нормы, суд вправе в этих случаях вынести по делу и обвинительный приговор, а также по собственной инициативе направить дело для дополнительного расследования, что противоречит ст. 49 и 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Отказ прокурора от обвинения означает отпадение предмета судопроизводства, прекращение судебного спора. Развитие таких взглядов на судопроизводство, утверждение принципа его состязательности отразилось на формировании правила об обязанности суда прекратить производство по уголовному делу в случае отказа прокурора от обвинения при отсутст-

---

¹ Вестник Конституционного суда РФ. - N 5. - 1996.

вии возражений со стороны потерпевшего. Сформулированное первоначально лишь для процедуры рассмотрения дела судом присяжных (ч.2 ст.430 УПК), это правило с учетом приведенных постановлений Конституционного суда теперь обязательно и для рассмотрения уголовных дел иными судами.

В этой связи иначе выглядит ответ на вопрос, должен ли прокурор сообщить суду мотивы отказа от обвинения? Если прежде это необходимо было для того, чтобы убедить суд постановить оправдательный приговор, то теперь этого требует авторитет органов прокуратуры. Возбудив уголовное дело и проведя расследование, предъявив обвинение в совершении преступления конкретному лицу, прокурор обязан объяснить и суду, и подсудимому, и всем присутствующим причины отказа от обвинения. Такое решение может быть связано с появлением в деле новых доказательств, иной оценки совокупности доказательств в открытом судебном процессе, вскрывшимися в суде нарушениями законности в процессе предварительного расследования, и прокурор должен уметь честно признавать свои ошибки и нести за них ответственность. В такой речи уместно сообщить суду о сложности принятия такого решения, о терзающих прокурора сомнениях и мучительных раздумьях, а в итоге сказать, что долг государственного обвинителя, стоящего на страже интересов государства, общества и личности, не позволяет в сложившихся обстоятельствах продолжать обвинительную деятельность и повелевает снять с себя обвинительные полномочия.

Вопреки утверждению С.А. Голунского, И.Д. Перлова, В.Д. Ломовского и других, речь прокурора не становится при этом защитительной речью. Прокурор не защищает (и ранее не защищал) подсудимого от суда, хотя ст. 248 УПК давала основания для и такого - почти кошунственного предположения. Отказ от обвинения - один из способов прекращения прокурором уголовного преследования.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ. ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

1. Понятие и значение защитительной речи

Защитительная речь - это речь, произнесенная в суде адвокатом, а также иным лицом, выступающим в качестве защитника или самим подсудимым в защиту от обвинения. Защитительная речь - один из важнейших способов осуществления обвиняемым права на защиту. В ней в целостном виде высказывается позиция подсудимого по отношению к предъявленному ему обвинению, приводятся доводы, направленные на опровержение обвинения или смягчение ответственности. Защитительная речь представляет собой кульминацию деятельности защитника, в связи с чем понятия *защита* и *защитительная речь* не отделимы. Поэтому для определения значения защитительной речи полезно разобраться в вопросе о сути функции защиты в уголовном процессе.

Деятельность защитника в уголовном процессе и, следовательно, характер осуществляемой им функции определяются тремя основными вопросами: 1) каково процессуальное положение защитника? 2) что является предметом защиты в уголовном процессе - защита от обвинения или защита законных интересов обвиняемого? и в связи с этим 3) какие интересы обвиняемого являются законными?

Суть первого вопроса заключается в том, чьи интересы представляет защитник - подсудимого или правосудия. Несостоятельность представлений о защитнике как лице, призванном помогать суду в осуществлении правосудия, существовавших в науке до принятия действующего УПК¹, сегодня очевидна. Однако и в более поздний период в литературе можно было встретить утверждения о том, что защитник выполняет свою задачу так же, как и суд, всесторонне, полно и объективно², что позиция адвоката должна быть законной, объективной и принципиальной³. Следствием подобных взглядов на роль защитника в уголовном процессе является признание правомерной только такой защиты, объект которой - так называемый

---

¹ В работах того периода настойчиво проводилась мысль, что будучи помощником суда в установлении истины, защитник не может отрицать твердо установленных фактов, не может отрицать виновность подсудимого, если она очевидна, даже если бы сам подсудимый упорно отрицал свою вину. Поддержание версии подсудимого вопреки твердо установленным по делу фактам является действием, направленным против интересов общества, препятствием деятельности суда, осуществлению правосудия. См.: Адвокат в советском уголовном процессе. - М., 1954. - С. 26, 59 и след.

² См.: Мотивиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Часть 2.- Кемерово, 1964. - С. 83-84.

³ См.: Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. - Л., 1985. - С. 130.

мые законные интересы обвиняемого и подсудимого. Стремление обвиняемого избежать уголовной ответственности за действительно совершенное им преступление - интерес незаконный¹.

Однако суть дискуссии не в различных взглядах на понятие законного интереса - законным является любой интерес обвиняемого, не противоречащий закону, а в том, является ли защита законного интереса процессуальной функцией. Каждый участник уголовного процесса - обвиняемый, потерпевший, гражданский истец - защищает свои законные интересы, однако их процессуальные функции различны. Поэтому содержание функции защиты состоит в защите обвиняемого (подозреваемого) от обвинения (подозрения). Не интерес защищает обвиняемый или его защитник, а само обвиняемого от грозящей ему ответственности и наказания. Именно это обстоятельство является ключом к решению всех вопросов, возникающих в деятельности защитника, в том числе и вопроса номер один: самостоятелен ли адвокат в своей позиции по вопросу о виновности обвиняемого.

Вот что пишут по этому поводу Н.С. Алексеев и З.В. Макарова: «Избранную позицию адвокат обязан согласовать с подсудимым, но следовать за ним не может и не должен... Рекомендовать занимать только ту позицию, которую считает нужным избрать обвиняемый, значит снижать эффективность деятельности адвоката... дезориентировать следователя, прокурора и судей, которые могут... с недоверием отнестись к позиции защитника, считая её сугубо субъективной и полностью зависимой от подсудимого, заинтересованного в исходе дела»². Однако совершенно не ясно, почему следование позиции подзащитного снижает эффективность деятельности адвоката и почему заинтересованность обвиняемого в исходе дела делает позицию его защитника более уязвимой. Обвиняемый в исходе дела заинтересован *всегда*, но его позиция, выраженная в его показаниях, не имеет предустановленной оценки, так же, как и мнение любого другого участника уголовного процесса. Приведенное выше высказывание позволяет сделать вывод, что его авторы считают заслуживающей внимания только такую позицию обвиняемого и защитника, в которой не оспаривается обвинение, поскольку мнение следователя и прокурора, направивших дело в суд, объективно, т.е. верно.

Такой взгляд³ не соответствует теории состязательного судопроизводства, согласно которой обвинительное заключение - лишь берсия органов,

¹ См., например: Чельцов М.А. К вопросу о процессуальном положении защитника - адвоката // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. XIV. Вопросы уголовно-процессуального права. - М., 1965. - С. 110-127.

² Алексеев Н.С., Макарова З.В. Указ. соч. - С. 124-126.

³ Мнение это далеко не единично. П.С. Элькинд, в частности, отмечала, что «... требование солидарности во что бы то ни стало, превращающее защитника... в слугу обвиняемого, содержится в оспаривании возможности позиционного расхождения

осуществляющих уголовное преследование. Позиция защитника отражает версию подсудимого, и она не может считаться более субъективной, чем позиция обвинителя, до тех пор, пока вступившим в законную силу приговором суда одна из рассмотренных судом версий не будет опровергнута. При этом каждая сторона доказывает суду правильность своей версии, суд же обязан создать им равные условия для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

Продолжением критикуемых взглядов является мнение о том, что определяя тактику защиты, защитник должен руководствоваться своим внутренним убеждением. «Нельзя требовать от адвоката, чтобы он строил защиту вопреки своим убеждениям», - писали Н.С. Алексеев и З.В. Макарова¹. «Любое предложение защитника должно ... быть выводом из произведенной им оценки всех обстоятельств дела по внутреннему убеждению»².

Верность этой позиции опровергается уже ст. 71 УПК РСФСР, которая, говоря об оценке доказательств по внутреннему убеждению, называет суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, но не защитника. Аналогии между защитником и обвинителем в этом вопросе нет и не может быть. В.Д. Гольдинер в свое время верно заметил, что психологическое состояние защитника, его отношение к вопросу о виновности или невиновности подсудимого, о доказанности обвинения более сложно и не укладывается в схему «убежден - не убежден».

Внутреннее убеждение является лишь методом оценки доказательств, но не может рассматриваться как гарантия или критерий истины. Внутреннее убеждение как судьи, так и адвоката может быть ошибочным, и если адвокат будет следовать своему внутреннему убеждению, то откуда же подсудимому ждать помощи. Изучая уголовные дела, завершившиеся оправдательными приговорами суда первой инстанции или отменой обвинительных приговоров судом второй инстанции, А.Д. Бойков обнаружил значительное количество дел, в которых адвокаты заранее признали обвинение обоснованным. Причем лишь в некоторых из них обвиняемые признавали себя виновными, в остальных имело место грубое игнорирование адвокатами позиции своих подзащитных, не признававших себя виновными³. «Желая подчеркнуть свою мнимую объективность, адвокаты спешили признать обвинение доказанным, опровергая показания подсудимых»⁴.

между защитником и подзащитным при непризнании вины последним. - См.: Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. - Л., 1967. - С. 39.

¹ Алексеев Н.С., Макарова З.В. Указ. соч. - С. 134.

² Судебные речи советских адвокатов. - М., 1960. - С. 18-19.

³ См.: Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. - М., 1978. - С. 68.

⁴ Там же.

Нравственной и правовой основой защиты в уголовном процессе является презумпция невиновности. Наличие или отсутствие вины выясняется в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, но признать лицо виновным в совершении преступления вправе только суд. Внутреннее убеждение защитника в виновности подзащитного, сложившееся до вступления приговора в законную силу, никакого правового значения не имеет. Действия защитника вопреки позиции подсудимого есть действия и вопреки презумпции невиновности и по сути отказ от защиты.

Именно так следует рассматривать высказываемые иногда рекомендации, согласно которым в случае принципиальных расхождений в позициях подсудимого и его защитника по вопросу о виновности последний либо слагает с себя полномочия, либо занимает самостоятельную позицию вопреки мнению подзащитного. Однако закон, как известно, запрещает отказ от принятой защиты, независимо от того, выражен ли он прямо или косвенно, а занимая иную, чем обвиняемый, позицию по вопросу о виновности, адвокат фактически отказывается от защиты и переходит на позиции обвинения.

Н.Н. Полянский в связи с этим писал: «...чем опытниче адвокат, тем более он приучается не доверять даже «собственному убеждению» в виновности обвиняемого, потому что всякий раз, когда он уже готов остановиться на этом убеждении, опыт приводит ему на память случаи, в которых суд также по внутреннему и добросовестно продуманному убеждению признавал доказанными такие факты, относительно которых он, защитник, точно знал, что они не имели места»¹.

Преждевременное признание адвокатами доказанности обвинения имеет и другое негативное последствие - оно снижает критичность суда по отношению к обвинительным доказательствам и, как верно отмечал А.Д.Бойков, повышает опасность судебной ошибки. В изученных им делах, суды лишь в 6 случаях из 31 постановили оправдательный приговор вопреки позиции адвоката, в остальных 25 делах суды согласились с защитниками и осудили невиновных².

Изложенное предопределяет ответ на вопрос о самостоятельности адвоката в выборе своей позиции по делу. Являясь самостоятельным участником уголовного процесса, защитник действительно самостоятелен лишь в выборе средств и методов защиты, но его позиция по основному вопросу уголовного дела не может вступать в противоречие с позицией подзащитного, утверждающего о своей невиновности.

Сказанное позволяет утверждать, что все значение защитительной речи состоит в том, что она является наиболее эффективным средством за-

¹ Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. - М., 1927. - С.51.

² См.: Бойков А.Д. Указ. соч. - С. 68-69.

щиты подсудимого от обвинения, но, защищая обвиняемого, адвокат бесспорно, защищает и интересы правосудия. «Защитник... столько же представитель интересов обвиняемого, сколько помощник правосудия, хотя ...оказывающий правосудию помощь непременно в одном только направлении- в отыскании и установлении данных в пользу обвиняемого», - отмечал Н.Н. Полянский еще в 1927 году¹. «Деятельность защитника не носит двойственного характера, она двуедина: отстаивая права и законные интересы обвиняемого, защитник тем самым действует и в интересах государства»². Оспаривая виновность обвиняемого, демонстрируя перед судом неубедительность рассмотренных им доказательств, а также изобличающих подсудимого показаний свидетелей, возможность иного истолкования имеющихся сведений, неисследованность версии подсудимого и т.д., защитник помогает суду правильно оценить фактические обстоятельства дела, заставляет критически относиться к доказательствам, еще раз взвесить все «за» и «против». Если позиция защитника убедительна, суд избежит ошибки, согласившись с его мнением. Отвергая позицию защитника, суд аргументирует свое несогласие с его доводами, что придает приговору необходимую обоснованность и мотивированность. В любом случае защитительная речь способствует эффективному осуществлению правосудия, реализации его принципов, достижению его задач³.

Защитительная речь имеет и определенное воспитательное значение, которое проявляется в том, что она убеждает присутствующих в справедливости состязательного судопроизводства, подлинном равноправии сторон, возможности эффективно реализовать право на защиту. Для всех присутствующих в зале судебного заседания происходящее в суде служит правовым и нравственным уроком, однако нельзя говорить об одинаковом воспитательном воздействии защитительной речи на всех слушателей. Наше общество еще не вполне готово правильно оценивать деятельность адвоката в уголовном процессе. Порой от защитника ждут оправдания во что бы то ни стало, противоречащих закону действий. Иногда его выступление в защиту обвиняемого присутствующими истолковывается как не-объективное.

Осуществление защиты - во многих случаях задача гораздо более трудная, чем поддержание обвинения. Прокурор имеет право и обязан, руководствуясь своим внутренним убеждением, отказаться от обвинения, прокурор не может быть принужден к осуществлению обвинительной дея-

¹ Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. - М., 1927. - С.34

² Стецовский Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. - М., 1972. - С.11.

³ Защита интересов личности, в том числе и обвиняемого в совершении преступления, не может противоречить публичным интересам, поскольку признается Конституцией РФ приоритетным направлением деятельности государства, всех его органов. Подробнее об этом см.: Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. - Самара, 2000.

тельности вопреки его внутреннему убеждению. Защитник же, выполняя принятые на себя обязательства, зачастую вынужден действовать именно вопреки своему внутреннему убеждению, а это трудно. Убежденность помогает судебному оратору отстаивать свое мнение, придает его речи силу и выразительность, однако отсутствие у защитника убеждения в невинности подзащитного полностью компенсируется убеждением в незыблемости презумпции невинности, дающей ему нравственное право отстаивать версию подсудимого до последнего шанса. При этом защитник обязан быть объективным - он не может произвольно толковать доказательства и не имеет права на ложь.

Не переступить при этом нравственных требований, чувства совести, удержаться на тонкой грани допустимого - задача психологически очень трудная, но не недостижимая. О тактике коллизионной защиты разговор пойдет несколько позже.

2. Содержание защитительной речи

Должна ли защитительная речь содержать в себе все те элементы, о которых мы говорили применительно к обвинительной речи? Если рассматривать адвоката как помощника суда, обязанного представить ему свое предложение о разрешении вопросов, рассматриваемых судом, то ответ будет положительным. Однако если исходить из рассмотренной выше функции защитника, следует признать, что содержание защитительной речи определяется той задачей, которая решается им в конкретном процессе. Задача определяет тему выступления, и все содержание защитительной речи должно быть направлено на раскрытие этой темы, подчинено ей. В защитительной речи могут освещаться любые вопросы, подлежащие разрешению в приговоре - доказанность вины, квалификация, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, характеристика личности и вопрос о гражданском иске, но эта речь не может иметь жесткой схемы, ибо её тема определяется обстоятельствами конкретного дела, а для раскрытия темы не обязательно излагать свое мнение по всем вопросам, которые решает суд.

Основная тема защитительной речи зависит от позиции подсудимого. Если им не оспаривается вина в совершении преступления, то темой защитительной речи становится квалификация совершенных им действий и (или) вопрос о мере наказания.

Оспаривание правильности предложенной прокурором юридической оценки действий подсудимого и обоснование иной, более благоприятной для подсудимого квалификации осуществляется не только путем доктринального толкования соответствующих положений уголовного закона, но и посредством анализа фактических обстоятельств дела, свидетельствующих об отсутствии в содеянном каких-либо квалифицирующих признаков. Раз-

витие этой темы может вызвать необходимость обоснования недоказанности каких-либо обстоятельств дела, но не требует анализа доказательств самого факта совершения преступления подсудимым.

Именно так была построена защитительная речь по делу Ш. и М., обвинявшихся в незаконном проникновении в жилище, совершенном якобы против воли проживающих в нем лиц. Ш. и М. - работники милиции, имея оперативную информацию о том, что в домах и квартирах ряда граждан хранятся, изготавливаются и употребляются наркотические вещества, произвели серию обысков, оформив их как осмотры места происшествия, и в каждом осмотренном жилище обнаружили наркотические вещества.

По утверждению прокурора, Ш. и М. превысили свои должностные полномочия, т.к. совершили обыски без санкционированного прокурором постановления о производстве обыска или разрешения суда. Их действия квалифицировались обвинением не только по ч. 3 ст. 139 УК (незаконное проникновение в жилище), но и по ч. 1 ст. 286 УК (превышение служебных полномочий).

Доказывание отсутствия в действиях Ш. и М. состава преступления осуществлялось путем обоснования утверждений о том, что:

1) квалификация действий подсудимых по ст. 139 УК исключает применение ст. 286 УК, поскольку содержит частный (специальный) случай более общего состава преступления (ч. 3 ст. 17 УК),

2) недоказано проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц,

3) работники милиции имели право войти в жилище даже при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. В частности, зацитой утверждалось, что в соответствии со ст. 25 Конституции РФ никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц **иначе, как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения.** Закон «О милиции» является федеральным законом, согласно которому работник милиции вправе «входить беспрепятственно в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки, на территорию и в помещения, занимаемые организациями, и осматривать их при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, либо при наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление, произошел несчастный случай, а также для обеспечения личной безопасности граждан и общественной безопасности при стихийных бедствиях, катастрофах, авариях, эпидемиях, эпизоотиях и массовых беспорядках».

Смягчение наказания, как тема защитительной речи, предполагает акцентирование смягчающих обстоятельств, оспаривание отягчающих обстоятельств, рассмотрение сведений о личности подсудимого, условиях его жизни и воспитания, анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, провоцирующего поведения потерпевшего.

Избрав темой защитительной речи невиновность подсудимого, адвокат в зависимости от конкретных обстоятельств дела может доказывать

- отсутствие самого факта совершения преступления (отсутствие события преступления),
- отсутствие в действиях подсудимого состава преступления,
- недоказанность участия подсудимого в совершении преступления.

Все вопросы, рассматриваемые адвокатом в его речи, должны быть подчинены избранной им линии защиты, должны «работать» на основную тему. Например, развивая тему смягчения наказания, вполне уместно говорить о мотивации преступления, обстоятельствах, способствовавших его совершению, однако анализ этих обстоятельств при обосновании невиновности подсудимого способен лишь ослабить позицию защитника. Подчинен теме должен быть и анализ доказательств - в речи следует рассматривать только те доказательства, которыми обосновывается тема. Если защитник не оспаривает обвинения, достаточно сказать об этом одной фразой, но указание на подтверждающие обвинение доказательства будет ошибкой - в задачу защитника не входит обоснование вины. Точно так же защитнику не следует доказывать и верность квалификации, хотя в литературе прежних лет содержались иные рекомендации.

Так, И.Д. Перлов утверждал, что защитник, даже если согласен с обвинителем по поводу квалификации, не может бездоказательно и неаргументировано присоединиться к его позиции¹. Возражая против такой постановки вопроса, Н.С. Алексеев и З.В. Макарова тем не менее отмечают, что в подобной ситуации «достаточно согласиться с прокурором и указать, чем подтверждается юридическая оценка преступления... Если же прокурор не аргументировал и не доказал квалификацию обвинения, которую адвокат считает правильной, то последний обязан обосновать её. На практике некоторые адвокаты... не доказывают необходимость определенной квалификации действий подсудимого»². Основная ошибка таких рассуждений заключается в забвении истины - защитник не несет обязанности доказывания. Он ничего не обязан доказывать, тем более не обязан доказывать обстоятельства, свидетельствующие против подсудимого. Обоснование правильности квалификации, предложенной обвинением - не его задача, защитник лишь тогда обосновывает квалификацию, когда оспаривает ту, что исходит от обвинителя. «Защитник не вправе представлять суду доказательства или сообщать обстоятельства, которые увеличивают шансы обвинительного приговора или могут повлиять в неблагоприятную для подсудимого сторону»³.

¹ См.: Перлов И.Д. Судебные прения и последнее слово подсудимого. - М., 1957. - С.157.

² Алексеев Н.С., Макарова З.В. Указ. соч. - С. 145.

³ Полянский Н.Н. Указ. соч. - С. 49.

Изложение защитником фактулы дела имеет смысл лишь тогда, когда он оспаривает обоснованность предъявленного обвинения, наличие в действиях подсудимого состава преступления вообще или конкретного состава преступления. В этом случае вся защитительная речь может быть построена на основе рассмотрения фактических обстоятельств дела, анализируя которые, защитник доказывает, что эти обстоятельства не носят преступного характера, или преступный характер действий подсудимого не доказан, или юридический характер этих действий иной, чем полагает обвинение. Анализ доказательств в такой речи не выделяется в самостоятельную её часть, он органически сплетается с изложением защитником фактулы дела.

Излагая обстоятельства дела, защитник более свободен, чем обвинитель, поскольку ему достаточно лишь посеять сомнения в обоснованности выводов прокурора о доказанности этих обстоятельств. Не утверждая прямо, что подсудимый не совершил вмененных ему действий, защитник обращает внимание суда на сомнительность показаний свидетелей или потерпевших, в том числе и вследствие их заинтересованности в исходе дела, неточную интерпретацию прокурором других доказательств, отсутствие убедительной совокупности доказательств того или иного факта, наличие неопровергнутых утверждений подсудимого. Таким образом, фактические обстоятельства дела не просто излагаются, но анализируются с точки зрения темы защитительной речи, интерпретируются с позиции защитника, доказываются или опровергаются.

В качестве примера используем отрывок из речи по делу Ш., обвиняемой в мошенничестве.

«Обвинение полагает, что Ш. завладела имуществом Г-ных путем обмана, что она обещала в обмен на деньги в сумме 60 000 рублей, вселить супругов Г-ных в общежитие и предоставить им необходимые для этого документы. В качестве основного доказательства прокурор ссылается на расписки Ш. в получении ею от Г-ных 15 000, 10 000 и 10 000 рублей. Однако Ш. и не отрицает факта получения ею этих денег, но утверждает, что они были взяты в долг. По мнению прокурора, показания подсудимой являются ложными, однако объективными доказательствами утверждение Ш. не опровергнуто, а одна из исследованных судом расписок - от 09.06.99 г. прямо его подтверждает. В этой расписке сказано, что 10 000 рублей Ш. получены от А.Н. Г-на в долг.

Доказывая свою версию, прокурор говорит о том, что такая формулировка долговой расписки использована Ш. для маскировки своих преступных намерений, и ссылается на другую расписку - от 07.05.99 г. на сумму 15 000 рублей, из которой, по его мнению, следует, что Ш. получила деньги за предоставление Г-ным жилья в общежитии. Наличие такой расписки, по мнению прокурора, подтверждает, что и две другие суммы денег получены Ш. за выполнение ею этого обязательства. В связи с этим

я не могу не обратить внимание суда на два обстоятельства. Во-первых, государственный обвинитель весьма вольно трактует содержание расписки от 07.05.99 г. Если быть точным, в ней говорится о том, что Ш. получены деньги «в качестве предоплаты за продаваемую квартиру», а вовсе не за вселение в общежитие и не за продаваемое жилье в этом общежитии. При точном прочтении эта расписка подтверждает лишь сам факт получения денег, но не может служить доказательством ни версии прокурора, ни версии подсудимой по вопросу о мотивах передачи этих денег.

Во-вторых, рассуждения прокурора о том, что долговая расписка есть маскировка получения денег за продаваемое жилье, не безупречны с логической точки зрения. С равным успехом та расписка, в которой говорится о получении денег в качестве аванса за квартиру, может рассматриваться как своеобразная форма долгового обязательства. Показания Ш. о том, что форма расписки была избрана Г-ной в целях более эффективного обеспечения возврата долга, действительно ничем не подтверждены, но ведь и не опровергнуты. Показания Г-ных о том, что они передавали деньги в качестве оплаты за предоставление жилья указанными расписками, тоже не опровергаются, но и не подтверждаются. И те и другие показания сомнительны, а сомнения, как известно, толкуются в пользу обвиняемого и не могут быть истолкованы в пользу обвинения. Обвинение может быть основано лишь на бесспорных доказательствах, поскольку обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Анализ доказательств в защитительной речи присутствует главным образом тогда, когда защитник оспаривает доказанность обвинения. Обычно принято говорить об анализе и оценке доказательств в судебной речи, однако следует помнить, что оценка доказательств — это тот вывод, к которому участник процесса приходит в итоге их анализа. Чья бы то ни было оценка доказательств необязательна для суда, поэтому для защитника гораздо важнее показать суду обстоятельства, влияющие на оценку доказательств, нежели высказать саму оценку.

Итак, существуют три основные темы защитительной речи. При конкретных обстоятельствах они распадаются на менее общие (частные) темы, раскрытие которых способствует обоснованию главной (основной) темы. Скажем, избрав за основное содержание своей речи обоснование необходимости смягчения наказания, защитник может развивать такие темы, как трудное детство и неблагоприятные условия воспитания подсудимого и формирования его личности; отсутствие низменных мотивов преступления, снижающее степень общественной опасности личности подсудимого; положительная характеристика личности подсудимого. При этом не исключена возможность развития нескольких тем, поскольку они не противоречат друг другу.

Одновременно развиваемые в речи темы носят название параллельных. Необходимость в развитии параллельных тем возникает тогда, когда ни одно из выдвинутых адвокатом положений не является совершенно бесспорным. Классическим примером такого приема является речь адвоката Н.И. Холева по делу Максименко, описанному выше. Защищая подсудимую в суде первой инстанции, знаменитый адвокат Ф.Н. Плевако построил свою защиту исключительно на отрицании причастности Александры Максименко к отравлению своего мужа и не оспаривал сам факт отравления. Второй адвокат использовал для защиты более широкий доказательственный арсенал и с одной стороны, оспаривал доказанность самого факта совершения преступления, с другой - доказанность причастности к отравлению подсудимых. Закончив рассмотрение первой темы, опирающейся на отсутствие в организме покойного сулемы, которая должна была присутствовать в связи с тем, что производивший вскрытие доктор мыл руки сулемой над открытой полостью живота, и высказав предположение, что сонный аптекарский ученик, отпускаявший сулему ночью, по ошибке выдал мышьяк, раствор которого внешне ничем не отличается от сулемы, защитник перешел ко второй части выступления: *«Говорить о виновности или невиновности в преступлении можно, разумеется, при условии, что событие этого преступления безусловно свершилось. Поэтому вы, господа присяжные заседатели, поймете затруднительность моего положения: мне приходится оспаривать виновность подсудимой в преступлении, которое, по глубокому моему убеждению, никем и никогда не было совершено. Мне приходится для этого совершить над собой некоторое умственное насилие - допустить отвергнутое мною обвинение - не как факт, а как логическую посылку, необходимое условие настоящего судебного состязания... не отказываясь ни от одного слова из того, что мною сказано о причине смерти, переходя ко второму вопросу - о виновности подсудимой, я должен временно допустить, что спорное отравление доказано»*. Проанализировав затем доказательства и показав их недостаточность и сомнительность, защитник завершил: *«И если вы не убедились в естественной смерти Н. Максименко, то неужели путь к обвинению не будет заслонен перед вами целым лесом, целым бором дремучих сомнений? А сомнение нельзя обходить стороной, проселком: нужно либо победить его, либо ему подчиниться»*. Вердиктом присяжных подсудимые были оправданы, хотя факт отравления признан доказанным.

Параллельные темы, в отличие от альтернативных, ведут к одному выводу: так или иначе, но подсудимый не виновен или заслуживает снисхождения.

3. Критика обвинительных доказательств

Избрав темой своей речи недоказанность обвинения, адвокат в качестве основного приема оспаривания обвинения использует критику доказательств, которыми оно обосновано. Продемонстрировав суду неубедительность отдельных доказательств, обратив внимание на нарушение закона при получении других, противоречивость третьих, защитник может разрушить всю систему обвинительных доказательств.

В первую очередь детальному разбору следует подвергнуть показания самого подсудимого. Показания подсудимого, не признающего себя виновным, являются одним из важнейших оправдательных доказательств, поэтому не будет лишним напомнить суду положения ст. 71 УПК РСФСР о том, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и каких-либо формальных преимуществ перед другими.

Обвинитель склонен оценивать такие показания обвиняемого как доказательство стремления избежать ответственности за преступление, такая оценка порой содержится и в обвинительном заключении. Однако до вступления приговора в законную силу обвиняемый считается невиновным, поэтому оценить его показания как стремление избежать ответственности за содеянное, можно только после опровержения презумпции невиновности судом, а в обвинительной речи такая оценка является преждевременной. Обращая внимание суда на недопустимость предустановленной оценки показаний подсудимого и исходя из требования оценивать все доказательства в их совокупности, защитник группирует остальные доказательства в зависимости от того, как они соотносятся с показаниями подсудимого.

Поскольку прокурор в обвинительной речи доказывал, что показания подсудимого опровергаются другими доказательствами, задача защитника состоит в том, чтобы, показав сомнительность каждого из этих доказательств, обосновать вывод об отсутствии убедительной совокупности противостоящих защите доказательств.

Разбирая каждое отдельное доказательство, например, показания свидетеля, защитник должен прежде всего обратить внимание на 1) процесс его формирования, 2) личность свидетеля, 3) взаимоотношения свидетеля с участвующими в деле лицами. Если в процессе допроса свидетеля были допущены отступления от требований процессуальной формы, защитник обязан поставить вопрос об исключении такого доказательства как недопустимого. Если свидетель дает путаные и противоречивые показания, защитник имеет право ставить вопрос об их недостоверности. Если свидетель приходится потерпевшему родственником – правомерна постановка вопроса о его заинтересованности и необъективности. Для опровержения показаний такого свидетеля защитник не обязан доказывать ложность его показаний или заинтересованность в исходе дела, достаточно обратить

внимание суда на наличие оснований, **ставящих под сомнение правдивость, добросовестность или объективность свидетеля.** Такое доказательство позволяет не сформулировать достоверный вывод о доказанности какого-либо обстоятельства, а лишь высказать предположение. Чем больше доказательств вызывает сомнения, тем менее убедительной является их совокупность.

Особое внимание следует уделить оценке показаний потерпевшего. Показания потерпевшего не лучше и не хуже других доказательств, однако тенденция переоценки их доказательственного значения по-прежнему имеет место. Считается, что потерпевший, как непосредственный участник события преступления, лучше других осведомлен о его обстоятельствах, однако при этом показаниям второго непосредственного участника события - подсудимого - такого значения не придается. Между тем, поскольку вина подсудимого еще не доказана вступившим в законную силу приговором суда, не может считаться безусловно доказанным и факт причинения вреда потерпевшему. Установление этого факта происходит одновременно с установлением виновности подсудимого, поэтому какие-либо основания априори считать, что показания потерпевшего – истина, отсутствуют. К тем и другим следует относиться в равной степени критично. Оценивая показания потерпевшего, следует обратить внимание на:

- состояние его органов чувств и психическое состояние в момент совершения преступления, которое может обусловить ошибочность восприятия им информации,

- поведение потерпевшего в момент совершения преступления, непосредственно перед ним и после его окончания. При совершении преступлений против личности поведение потерпевшего часто носит провоцирующий, а иногда и противоправный характер, который он пытается скрыть своими показаниями,

- прошлые взаимоотношения потерпевшего с подсудимым, дающие основания полагать наличие личной заинтересованности в сокрытии подлинных обстоятельств дела.

Нельзя оставить без внимания вещественные доказательства, документы и заключения эксперта. Оценивая вещественные доказательства, в первую очередь следует обратить внимание на обстоятельства их обнаружения и приобщения к материалам дела, помня о том, что нарушение процедуры следственного действия, в процессе которого вещественное доказательство или документ были обнаружены, а также процедуры принятия доказательства, представленного кем-либо из участников процесса, ведет к его недопустимости. Вместе с тем, если возникает сомнение в допустимости оправдательного доказательства, необходимо учесть высказанное в науке мнение об асимметричности правил о допустимости доказательств, согласно которому требование о допустимости относится лишь к доказательствам обвинения. Опираясь на презумпцию невиновности, авторы это-

го взгляда полагают, что исключение из разбирательства дела полученных следователем или лицом, производящим дознание, оправдывающих обвиняемого доказательств «было бы извращением сущности правил о допустимости доказательств и, более того, могло поощрять, толкать на злоупотребления органы расследования»¹. Такой взгляд, поддерживаемый и другими авторами², представляется верным. Иное означало бы ухудшение положения обвиняемого и возлагало на него ответственность за допущенное органом расследования нарушение и расценивалось бы не иначе, как возмутительное лицемерие, граничащее с цинизмом. Защита, не пользующаяся правом проведения следственных действий, в отличие от обвинителя, может представлять доказательства, полученные в свободной от процессуальной регламентации форме. Требования соблюдения процедуры собирания доказательства, как важнейшего условия его допустимости, адресованные к государственным органам, осуществляющим уголовное преследование, сформулированы законом прежде всего для доказательств обвинения, поскольку обвинительный приговор, в отличие от оправдательного, не может быть основан на предположениях.

Не может защитник обойти молчанием показания подсудимого, которые им были даны на предварительном следствии, если они противоречат избранной подсудимым линии поведения в судебном заседании. Если из материалов дела следует, что подсудимый, отрицающий вину в суде, во время следствия полностью или частично признавался в совершении преступления, защитник должен еще во время судебного следствия выяснить причины расхождения в показаниях подсудимого. Делать выводы о том, правдивы ли те и другие показания подсудимого, во-первых, преждевременно, во-вторых не входит в компетенцию защитника. Эти выводы сделает суд в своем приговоре, защитник же должен обратить внимание суда на все обстоятельства, которые позволяют поставить под сомнение допустимость протокола допроса обвиняемого - нарушение права обвиняемого на защиту, нарушение процедуры допроса. Например, если допрос продолжался в течение 10 часов с одним получасовым перерывом, можно ставить вопрос об определенном психическом давлении на обвиняемого. Если обвиняемый допрошен в отсутствие защитника, следует выяснить, была ли обеспечена реальная возможность реализовать право на получение квалифицированной юридической помощи и т.п.

Чем больше сомнений в допустимости каждого доказательства, тем менее убедительной становится совокупность доказательств и тем больше оснований ставить в защитительной речи вопрос о недоказанности обвинения.

¹ Ляхов Ю.А. Допустимость доказательств в Российском уголовном процессе. - М., 1999. - С.36.

² См.: Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. - М., 1988. - С.303.

4. Коллизионная защита и альтернатива в защитительной речи

Наиболее сложной с точки зрения адвоката является защита подсудимого, позиция которого по вопросу о вине расходится с мнением защитника. Такая защита называется коллизионной. Осуществлять защиту вопреки своему внутреннему убеждению бывает очень трудно, поскольку, с одной стороны, защитник, в отличие от подсудимого, не имеет права на ложь, а с другой - имеет не только убеждение, но порой и доподлинное знание о виновности своего клиента.

Коллизионная защита характеризуется тем, что защитник вступает в противоречие не только со своим клиентом, но и с самим собой, однако он не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Нравственным основанием коллизионной защиты, как уже отмечалось, служит презумпция невиновности, следствием которой является возложение бремени доказывания на обвинителя. Из существующих правил о распределении бремени доказывания («обязанность доказывания виновности лежит на обвинителе» и «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность»), из недопустимости обосновывать вывод о виновности предположениями (ст. 309 УПК), из постулата «недоказанная вина равна доказанной невиновности» следует, что пока обвинение не доказано в установленном законом порядке, обвиняемый имеет право на оправдание. Не только защитник, но и никто другой не вправе судить о его виновности в совершении преступления до вступления приговора в законную силу. Поэтому в любой ситуации и независимо от личного отношения к доказанности обвинения, защитник обязан оспаривать обвинение до тех пор, пока его не признает подсудимый. Однако учитывая, что защитник не имеет права на ложь, следует признать безнравственным утверждение адвоката о том, что он убежден в невиновности своего подзащитного. Более взвешенная позиция, состоящая в доказывании недоказанности обвинения, не ослабит защиту, но позволит защитнику сохранить самоуважение и уважение слушателей.

Еще более остро встает вопрос о защите подсудимого, который признался адвокату в своем преступлении, но настаивает на своей невиновности перед судом. Правовым и нравственным основанием такой защиты служат положения УПК РСФСР о праве на защиту **каждого** лица, обвиняемого в совершении преступления, о праве обвиняемого отказаться от дачи показаний и о невозможности допроса защитника в качестве свидетеля. Из совокупности приведенных правовых положений следует, что даже совершивший преступление человек вправе не быть осужденным при отсутствии надлежащим образом полученных доказательств. Недоказанность обвинения не позволяет с уверенностью судить о виновности лица, даже признавшегося в совершении преступления, поскольку это признание может быть вызвано не только раскаянием, но и иными причинами, в том числе и посторонним воздействием. Одно лишь признание обвиняемым

своей вины, не подтвержденное совокупностью доказательств, не может служить основанием для обвинения (ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР).

Предложения о предоставлении защитнику права отказаться от защиты или рекомендовать подсудимому пригласить другого защитника, неприемлемы в силу того, что, во-первых, означают отказ в гарантированном каждому праву на защиту, а во-вторых, ослабляют позицию подсудимого, поскольку причина заявления о замене защитника в такой ситуации слишком очевидна.

Судебная практика подтверждает сделанный вывод. Абросимов был осужден по ч. 4 ст. 224 УК РСФСР (в УК РФ это ст. 222) за незаконное хранение наркотического вещества, совершенное повторно. Однако приговор был отменен в порядке надзора в связи с нарушением права на защиту. Как следует из протокола судебного заседания, при рассмотрении дела в суде Абросимов заявил о своем отказе от защитника в связи с тем, что защитник поддержал обвинение. Суд удовлетворил ходатайство об отказе от защитника, не учтя при этом мотивы отказа, свидетельствующие о вынужденности заявленного ходатайства и фактическом лишении подсудимого права на получение квалифицированной юридической помощи¹.

В некотором роде коллизионной является защита подсудимого, интересы которого противоречат интересам других подсудимых. В практике достаточно распространены случаи, когда защита одного подсудимого превращается в обвинение другого. Вправе ли адвокат так поступать?

Среди значительной части адвокатов существует мнение, что такая защита безнравственна и противоречит функции защитника, который не вправе переходить на позиции обвинения. Так ли это?

Необходимость фактического изобличения другого подсудимого для защиты своего возникает, в частности, по делам о даче и получении взятки (как правило, взяткодатель или посредник изобличают взяткополучателя), при определении роли подсудимого в групповом преступлении (когда каждый из двух говорит: не я) и других случаях. Может ли защитник пренебречь интересами доверившегося ему лица в интересах другого подсудимого или даже другого лица, еще не привлеченного к уголовной ответственности? Характерным примером является описанное выше дело А. и П.: причинивший смерть удар ножом был нанесен А., который обвинял в этом П. Защита последнего немыслима без обвинения А.

Тем более невозможно обойтись без обвинения соучастника по делам о вовлечении несовершеннолетнего в преступление. Защитник несовершеннолетнего не вправе не использовать такое существенное смягчающее обстоятельство и не может обойти молчанием формы и способы вовлечения в преступление его подзащитного, без которых объективная сторона этого преступления не существует.

---

¹ См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР. - 1992. - № 6.

Нравственной основой такой защиты является персонифицированность защиты по уголовному делу. Она выполняется конкретным адвокатом (а не всей коллегией - её члены могут выступать и на стороне потерпевшего, официально выполняя при этом функцию обвинения), несущим обязательства по защите конкретного подсудимого. Именно перед ним адвокат несет обязанность не вредить, не разглашать тайну. И если выполнение функции защиты требует изобличения другого лица - это правомерный прием защиты. Не случайно ст. 67-1 УПК РСФСР исключает осуществление защиты лицом, которое оказывает или ранее оказывало юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам лица, обратившегося с просьбой о ведении дела, а ст. 49 УПК предусматривает обязательное участие защитника по делам лиц, между интересами которых имеются противоречия, если хотя бы одно из них имеет защитника. Поэтому ни о каких корпоративных интересах в конфликтных ситуациях не может быть и речи.

Однако, осуществляя защиту в таких условиях, следует помнить, что презумпция невиновности распространяется и на второго подсудимого, поэтому прямые обвинения в его адрес со стороны адвоката недопустимы. Изложение доводов, анализ доказательств, изобличающих другого подсудимого, должны быть предельно корректными, а поведение адвоката - тактичным, ведь и второй подсудимый считается невиновным до вступления приговора в законную силу. Такая защита требует особого искусства, как и использование в защитительной речи альтернативы.

Альтернатива - это выбор одной из двух взаимоисключающих возможностей, одной из двух взаимоисключающих тем, в отличие от параллельных тем, ведущих к одному общему выводу. Необходимость в альтернативе возникает тогда, когда адвокат не уверен, что сумеет убедить суд в невиновности подзащитного и опасается упустить возможность для смягчения его ответственности, построив защиту лишь на доказывании невиновности. И в науке, и в практике существует противоречивое отношение к альтернативе в защитительной речи. Против альтернативы свидетельствует то, что она ослабляет линию защиты, лишает защитительную речь должной убедительности, поскольку адвокат не может быть убежден в двух взаимоисключающих тезисах. Сторонники же альтернативы исходят из того, что она позволяет защитнику использовать все средства и способы, все доводы в защиту обвиняемого, как те, которые его оправдывают, так и те, которые смягчают его ответственность. Считается, что альтернатива не только возможна, но и просто необходима в тех случаях, когда оснований для оспаривания обвинения явно недостаточно, чтобы суд согласился с доводами защитника.

Вот что пишет в связи с этим В.Д. Гольдинер: «Пока такой критический анализ материалов обвинения возможен, защитник не вправе уклоняться от него. Он излагает суду свои критические замечания. Но, отдавая

себе отчет в том, что версия подсудимого, отрицающего свою вину, не имеет реальных перспектив, адвокат, по нашему мнению, не вправе пренебречь и другой линией защиты, направленной на смягчение участи подзащитного. Отрицательная сторона альтернативы коренится в этих случаях не в характере аргументации защитника, а в слабости позиции подсудимого»¹. Однако при этом упускается из виду, что защитнику не дано права оценивать позицию подсудимого как сильную или слабую, ибо это сопряжено с оценкой виновности, являющейся исключительной прерогативой суда.

Иногда говорят, что альтернатива допустима лишь в исключительных случаях, с чем также нельзя согласиться: исключение слишком часто становится правилом.

Защиту всегда можно построить так, чтобы, используя все доводы в пользу подсудимого, избежать прямой альтернативы. В выводах защитника альтернативы быть не должно. Иное при отрицании подсудимым вины означает завуалированный отказ от защиты, переход на позиции обвинения. Защитник не вправе просить о смягчении наказания или изменении квалификации, если подсудимый настаивает на своей невиновности. Поэтому если защитник оспаривает обоснованность обвинения, его доказанность, ставит под сомнение убедительность выводов прокурора, он в итоге речи приходит к формулированию вывода о том, что при постановлении обвинительного приговора не исключена, пусть и в малой степени, ошибка.

Значит ли это, что доводы в пользу смягчения ответственности или изменения квалификации в такой речи невозможны? Нет, не значит. Искусство защиты в том и состоит, чтобы, используя все возможности, не допустить противоречия в выводах. Умелый адвокат, не ослабляя своей позиции, построит речь так, чтобы в ней нашлось место и для характеристики личности подсудимого, и для опровержения правильности квалификации.

Характеристику личности можно раскрыть через анализ взаимоотношений подсудимого с потерпевшими, через сопоставление свидетельских показаний, путем анализа фактических обстоятельств дела. Данные о личности подсудимого должны прозвучать естественно, как само собой разумеющееся, ненавязчиво.

Этот прием удачно использовал адвокат Рожанский по делу Орехова. Всю его речь пронизывает анализ взаимоотношений потерпевших и подсудимого, которые, по версии обвинения, и послужили причиной покушения на убийство путем отравления. Очень уместно в речи противопоставляются характеристики двух семей, двух укладов. При этом адвокат вовсе не говорит, что его доводы свидетельствуют в пользу подсудимого или оп-

---

¹ Гольдинер В.Д. Защитительная речь. - С. 101.

ния на убийство путем отравления. Очень уместно в речи противопоставляются характеристики двух семей, двух укладов. При этом адвокат вовсе не говорит, что его доводы свидетельствуют в пользу подсудимого или опровергают обвинение, но сам анализ взаимоотношений персонажей уголовного дела ведет к выводу о недоказанности обвинения¹.

Адвокат Экмекчи в речи по делу Цыгаровой применил другой прием. Он начал свое выступление с описания личности подсудимой, показал её облик и лишь затем перешел к анализу доказательств, из которого сделал вывод о её невиновности. Сумел защитник выгодно показать характеристику личности и при оценке доказательств. Добрыми словами о подсудимой речь его и заканчивается. Не сказав ни единого слова о том, что приведенные им сведения о личности подсудимой смягчают её ответственность, адвокат, который настаивал на оправдательном приговоре, тем не менее использовал все, что было в его силах, для смягчения участи подзащитной при любом решении суда².

В защите при сложных обстоятельствах возможен и вариант допущения. Согласившись временно, условно с версией обвинения, защитник показывает суду ошибочность квалификации или явную несоразмерность содеянному и характеристике личности предлагаемого прокурором наказания.

Такие приемы защиты иногда называют скрытой альтернативой, и она является единственно возможной. Нельзя согласиться и с рекомендациями просить возратить дело для производства дополнительного расследования, если суд не найдет оснований для оправдания. Добиваться дополнительного расследования не входит в задачу адвоката, в отличие от прокурора, который может попытаться собрать дополнительные доказательства виновности. При недоказанности обвинения, при сомнениях в допустимости доказательств или достаточности их совокупности подсудимый имеет право на оправдание, и защитник обязан помочь ему использовать этот шанс.

---

¹ См.: Речи советских адвокатов. - М., 1968. - С. 104, 106.

² См.: Речи советских адвокатов. - С. 133-134.

СОДЕРЖАНИЕ

Зачем юристу красноречие..... 3

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ. ПОНЯТИЕ СУДЕБНОЙ РЕЧИ. ЦЕЛИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ И СРЕДСТВА ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Понятие и значение судебного красноречия..... 7
2. Понятие и виды судебной речи.....14
3. Цели судебной речи и средства их достижения..... 18

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ. ПРЕДМЕТ И СОДЕРЖАНИЕ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Предмет и значение судебной речи..... 24
2. Содержание и форма (композиция) судебной речи..... 26
3. Особенности выступления в суде присяжных 30

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ. ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Изучение материалов дела..... 36
2. Работа над содержанием и композицией судебной речи..... 42
3. Подготовка текста судебной речи. Работа над языком и стилем... 56

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОИЗНЕСЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Начало судебной речи. Установление контакта с аудиторией..... 64
2. Рациональное и эмоциональное в судебной речи..... 67
3. Приемы речевого воздействия на аудиторию..... 71

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

1. Понятие и значение обвинительной речи..... 77
2. Содержание обвинительной речи прокурора..... 83
3. Характеристика отдельных элементов речи прокурора..... 89
4. Речь прокурора при отказе от обвинения.....100

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ. ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

1. Понятие и значение защитительной речи..... 103
2. Содержание защитительной речи..... 108
3. Критика обвинительных доказательств..... 114
4. Коллизионная защита и альтернатива в защитительной речи.....117

Сведения об авторе

Валентина Александровна Лазарева - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, автор 60 научных публикаций, в том числе 2 монографий и 5 учебных пособий, по вопросам защиты прав и свобод участников уголовного процесса делится с читателем своими знаниями и опытом судебных выступлений

Валентина Александровна Лазарева

ТЕОРИЯ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Учебное пособие

Редактор Н.А. Волынкина
Компьютерная верстка, макет Т.В. Кондратьева

ЛР № 020316 от 04.12.96. Подписано в печать 20.09.01. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная. Усл.-печ. л. 7,2; уч.-изд. л. 7,75. Гарнитура Times.

Тираж 200 экз. Заказ № 692

Издательство «Самарский университет», 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
УОП СамГУ, ПЛД № 67-43 от 19.02.98.